Friedrich Nietzsche

Дозв. ценз. Спб. Ноябрь 1897 г.

Тип. И. Гольдберга. Спб.

1116/414 портр.

БИБЛІОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ. II.

ФРИДРИХЪ НИТЦШЕ

КАКЪ ХУДОЖНИКЪ И МЫСЛИТЕЛЬ.

Проф. А. РИЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

З. Венгеровой.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНІЕ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Лейферта, Большая Морская, 65.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го Сентября 1897 г.

617 а
917

АФОРИЗМЪ НИТЦШЕ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Для наилучшаго изображенія значительнаго предмета слѣдуетъ заимствовать краски у него самого, такъ чтобы самые предѣлы и переходы красокъ создавали рисунокъ.

(Menschliches. Allzumenschliches. I. Aphor. 205).

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1950 г.

I.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НИТЦШЕ

И

ЕГО ЛИЧНОСТЬ.

Въ самомъ концѣ 1871 года появилась маленькая книжка, заглавіе которой звучало загадкой и обращало на себя вниманіе: «Происхожденіе трагедіи изъ духа музыки» (Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik). Авторъ ея, молодой профессоръ классической филологіи въ Базелѣ, былъ неизвѣстенъ внѣ ограниченнаго круга друзей. На первый взглядъ оживленно и убѣдительно написанная книга могла показаться чѣмъ-то весьма страннымъ, попыткой отнести музыку будущаго, какъ называли тогда произведенія Вагнера, къ далекому прошлому, ко времени процвѣтанія греческой трагедіи. Рихардъ Вагнеръ и Эсхилъ! Годъ спустя тотъ же авторъ началъ серію «Несвоевременныхъ Разсужденій» полемическимъ памфлетомъ противъ совершенно забытой теперь книги и до сихъ поръ незабытаго большого критика. Книга называлась «Давидъ Штраусъ, учитель и писатель», а потомъ болѣе кратко и рѣзко: «Давидъ Штраусъ и другіе филистеры».

Находчивость автора въ нападкахъ, остроуміе шутокъ, блескъ ироніи и насмѣшекъ дѣлаютъ эту книгу однимъ изъ лучшихъ произведеній нѣмецкой

полемической литературы. Отдѣльныя фразы, мѣткія какъ эпиграммы, напоминаютъ Лессинга по своему остроумію. Юморъ ихъ увеличивается еще отъ того, что онѣ направлены противъ писателя, котораго самого сравнивали съ Лессингомъ. Рѣзкость же отдѣльныхъ мѣстъ объясняется тѣмъ, что авторъ памфлета, послѣдователь Шопенгауера, былъ оскорбленъ плоскими софизмами Штрауса въ его выходкахъ противъ пессимизма учителя.

Лишь немногіе читатели замѣтили сразу связь между обоими произведеніями. Въ «Происхожденіи Трагедіи» рѣчь идетъ о возвышенной трагической культурѣ художественнаго генія, и авторъ говоритъ о ней въ пророческомъ экзальтированномъ тонѣ. Въ памфлетѣ противъ Штрауса этой культурѣ противополагается, какъ полный контрастъ и какъ препятствіе къ ея достиженію, низкая культура «филистера цивилизаціи». Въ первомъ произведеніи борьба ведется противъ Сократа, на котораго авторъ нападаетъ (по недоразумѣнію, впрочемъ) какъ на основателя и типичнаго представителя всякаго антихудожественнаго направленія умовъ. Вторая книга представляетъ шутливое послѣсловіе къ первой и вышучиваетъ современнаго выразителя того будтобы сократовскаго, плоско-оптимистическаго образа мыслей.

Памфлетъ противъ Штрауса возбудилъ рѣзкіе споры за и противъ. Съ этого времени имя *Фридриха Ницше* стало часто называться.

До 1876 г. появились быстро одна за другой три дальнѣйшія части «Несвоевременныхъ Разсужденій»: Первая часть «О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни» (Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben)

должна была называться: «Мы историки; изъ патологической исторіи современной души» (Wir Historiker; zur Krankheitsgeschichte der modernen Seele). Двѣ другія части носили заглавія: «Шопенгауеръ какъ воспитатель» (Schopenhauer als Erzieher), и «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ» (Richard Wagner in Bayreuth). Въ этихъ «разсужденіяхъ» молодой, пламенный умъ подходитъ къ современности полный надеждъ. Онъ беретъ изъ ея философіи, изъ ея искусства то, что соотвѣтствуетъ глубочайшимъ влеченіямъ его души, и усвоиваетъ заимствованное, претворяя его. Повидимому онъ еще питаетъ полное довѣріе къ духовнымъ вождямъ, которыхъ онъ для себя избралъ. Онъ склоненъ изъ чувства благодарности преувеличивать ихъ труды, которые помогаютъ окрѣпнуть его собственнымъ силамъ. Въ своемъ стремленіи къ общенію, къ тому, чтобы пріобрѣсти единомышленниковъ, онъ жаждетъ вліянія непосредственнаго, даже бурнаго. Отсюда возбужденный тонъ его книгъ. Онъ хочетъ всецѣло пользоваться правомъ молодости, т. е. заново создавать свой собственный міръ. Въ разсужденіи «объ исторіи», самомъ цѣнномъ изъ серіи несвоевременныхъ разсужденій, онъ возстаетъ противъ излишества «исторіи» въ воспитаніи современнаго человѣка; между прочимъ и потому, что этимъ вызывается принижающее человѣка сознаніе себя только эпигономъ.

Въ этомъ излишествѣ онъ видитъ ослабленіе личности, оскудѣніе пластической силы жизни. Противъ этой «исторической болѣзни» нашего времени онъ рекомендуетъ какъ цѣлительное средство «неисторическій элементъ жизни—т. е. силу и умѣ-

ніе забывать», болѣе же всего онъ «превозноситъ сверхъисторическую силу». Такъ напр. въ искусствѣ и религіи онъ видитъ силы, придающія земному бытію характеръ вѣчнаго. Несомнѣнно, что это исканіе сверхъисторическаго, т. е. вѣчнаго въ жизни, было основой всего его тогдашняго міросозерцанія. Онъ былъ еще подъ вліяніемъ Шопенгауера и раздѣлялъ его пренебреженіе къ исторіи.

Всякая вѣра въ развитіе, въ «міровой процессъ», вызывала въ немъ смѣхъ. Заявленіе же его, «что цѣль человѣчества не въ конечныхъ результатахъ, а въ тѣхъ высшихъ экземплярахъ людей, которые человѣчество производитъ», показываетъ, какъ рано уже сложился въ его пониманіи основной принципъ его аристократическаго образа мыслей. Взглядъ его на науку и ея предѣлы является тоже очень проницательнымъ. Критикуя попытки превратить исторію въ чистую науку, въ отдѣлъ естествознанія (въ то время Бокль пользовался еще популярностью) онъ нашелъ мѣткое слово: «посколько существуютъ законы въ исторіи, эти законы ничего не стоятъ, и самая исторія ничего не стоитъ».

Но въ одномъ этотъ воинственный отрицатель ошибался. Будучи самъ профессоромъ и ученымъ, онъ слишкомъ высоко цѣнилъ вліяніе учености на жизнь—болѣе высоко во всякомъ случаѣ, чѣмъ этого требуетъ справедливость.

Въ разсужденіяхъ о Шопенгауерѣ и Вагнерѣ—менѣе всего несвоевременныхъ при своемъ появленіи,—онъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи, и вслѣдствіе этого характеристики обѣихъ личностей выходятъ слишкомъ субъективными. Но тѣмъ сильнѣе выдвигается благодаря этому самъ

авторъ, его тяготѣніе къ великимъ начинаніямъ, стремленіе къ высшей духовной власти, предвидѣнье своей будущности, предчувствіе опасностей этого будущаго. «Шопенгауеръ и Вагнеръ — т. е., въ одномъ словѣ, Нитцше»—такъ опредѣляетъ впослѣдствіи самъ Нитцше личный характеръ обоихъ произведеній. О томъ, что въ нихъ заключалось своего рода «прощаніе», что они были послѣднимъ аккордомъ отзвучавшихъ настроеній, никто не могъ подозрѣвать при ихъ появленіи.

Но тѣхъ, кого горячность и натискъ этихъ первыхъ произведеній Нитцше увлекли за собой, кто мысленно присоединялся къ смѣлымъ драконоборцамъ и культурнымъ предвозвѣстникамъ, шаги которыхъ слышались въ «Происхожденіи Трагедіи»—тѣхъ ожидало скорое разочарованіе. Въ 1878 году, всего два года послѣ «Несвоевременныхъ разсужденій», вышло въ свѣтъ собраніе афоризмовъ подъ заглавіемъ «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» (Menschliches, Allzumenschliches). Нитцше самъ характеризовалъ свой сборникъ «книгой для свободомыслящихъ» и посвятилъ его памяти Вольтера, пріурочивъ изданіе къ празднованію столѣтняго юбилея со дня смерти Вольтера. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ появились дальнѣйшія произведенія въ томъ же родѣ: второй томъ книги «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» и «Странникъ и его тѣнь» (Der Wanderer und sein Schatten). Нитцше, казалось, отрекся въ нихъ отъ самого себя. Романтичная и поэтическая метафизика «Происхожденія Трагедіи» и книги о Вагнерѣ смѣнились тяготѣніемъ къ позитивизму и разсудочности. Сократъ замѣнилъ Діониса. Со столь же рѣзкой, хотя и противоположной

по направленію, односторонностью Нитцше превозноситъ теперь человѣка науки: онъ долженъ стать «дальнѣйшимъ развитіемъ эстетическаго начала»; художникъ же, по природѣ своей, «существо отсталое». Художники, говоритъ онъ (афор. 220 въ Ч. с. Ч.) «восторженные глашатаи религіозныхъ и философскихъ заблужденій человѣчества». Вмѣстѣ съ перемѣной образа мыслей перемѣнилась и манера Нитцше. Теченіе рѣчи, неудержимое въ юношескихъ произведеніяхъ, становится какъ бы замедленнымъ препятствіями, разбитымъ на части. Бурный потокъ смѣнился маленькими, прозрачными озерами, изъ которыхъ выглядываютъ свѣтлыя мысли. Нитцше пишетъ афоризмы. Въ одномъ лишь страстный мыслитель остался вѣрнымъ себѣ: ему нравится лишь самое крайнее, во всемъ онъ стремится дойти до послѣдняго предѣла. «Лучше гибель человѣчества», говоритъ онъ, «чѣмъ регрессъ знанія!» И позже, въ «Утренней Зарѣ» (Morgenröte) познаніе истины признается «единственной великой цѣлью, въ жертву которой слѣдуетъ принести все: даже само человѣчество».

Въ основныхъ взглядахъ Нитцше произошелъ еще одинъ коренной переворотъ. Его можно было предвидѣть при большой проницательности уже въ «Утренней Зарѣ», а въ «Радостной Наукѣ» (Fröhliche Wissenschaft, 1882) онъ обозначается уже гораздо яснѣе. Главнымъ произведеніемъ новой эпохи въ творчествѣ Нитцше является его самый изумительный трудъ, символическая книга: «Такъ сказалъ Заратустра» (Also sprach Zarathustra), написанная въ 1883—1885 гг. Къ этому главному произведенію присоединяется нѣсколько второстепенныхъ, въ которыхъ авторъ стремится обосновать научными доводами свой новый образъ мыслей и сдѣлать изъ него непосредственные выводы. Въ этомъ же духѣ написанъ сборникъ афоризмовъ «За предѣлами добра и зла» (Jenseits von Gut und Böse) и книга «О происхожденіи нравственности» (Zur Genealogie der Moral). Въ послѣдней Нитцше различаетъ двѣ системы нравственности. Въ маѣ 1888 г. появилось Туринское письмо о Вагнерѣ (Der Fall Wagner), мастерски написанное, но не выходящее изъ разряда полемическихъ памфлетовъ. Въ сентябрѣ того же года Нитцше написалъ предисловіе къ своей «Гибели кумировъ» (Götzendämmerung); этотъ «философскій экстрактъ» подводитъ итогъ его самымъ смѣлымъ и свободнымъ идеямъ, и «радикаленъ до преступленія», какъ шутя говорилъ самъ Нитцше. Изъ задуманнаго имъ капитальнаго произведенія на научной основѣ «Опытъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей» подъ заглавіемъ «Желаніе власти» (Der Wille zur Macht) закончена лишь первая часть—«Antichrist». Наступившая катастрофа положила преждевременный конецъ дальнѣйшей дѣятельности Нитцше. Другое изъ «главныхъ произведеній», о которомъ упоминается въ «Происхожденіи нравственности» и въ книгѣ о Вагнерѣ, должно было называться «Физіологіей эстетики», но оно, кажется, уже даже и не было начато.

Въ настоящее время Нитцше наиболѣе читаемый изъ серьезныхъ писателей. Онъ выразилъ однажды въ письмѣ къ Брандесу гордое желаніе имѣть только «нѣсколькихъ читателей, которыхъ самъ высоко ставишь—и больше никакихъ». Желаніе это не исполнилось. По мѣрѣ того какъ умножаются

изданія его произведеній, увеличивается и число книгъ о немъ. Имя его собрало вокругъ себя ревностную толпу послѣдователей, большей частью литераторовъ и художниковъ. Его идеи для многихъ сдѣлались символомъ вѣры. Ихъ невѣрно толкуютъ и этимъ его компрометируютъ. Вліяніе его стиля на представителей новыхъ литературныхъ вѣяній въ нѣмецкой литературѣ несомнѣнно. Стремятся подражать ему, хотя ему подражать нельзя и не слѣдуетъ. Онъ несомнѣнно модный философъ нашего времени, а, быть можетъ, только временная мода.

Восхвалять его — значитъ идти противъ его желанія: «Я ждалъ отклика и услышалъ только похвалы», говоритъ отъ его имени «разочарованный». Возражать ему слишкомъ поздно — послѣ его собственныхъ возраженій. Онъ имѣетъ въ виду самого себя, говоря въ «Странникѣ и его тѣни» (афор. 249): «Этотъ мыслитель не нуждался въ томъ, чтобы ему возражали: ему достаточно для этого самого себя. Да и кромѣ того: не нужно возражать, нужно только понимать».

Современная эстетическая критика ставитъ личность художника впереди его творчества. То, что художникъ даетъ и на чемъ основано главнымъ образомъ его вліяніе, не воплощено исключительно и всецѣло въ его произведеніяхъ, а таится въ значительной степени въ его собственной личности, въ его пониманіи предмета, его настроеніи, его творческомъ экстазѣ. Произведеніе художника и его личность сливаются въ каждомъ истинно-художественномъ произведеніи. Этотъ принципъ примѣнимъ и къ философскимъ системамъ, поскольку

происхожденіе этихъ системъ приближаетъ ихъ къ художественнымъ произведеніямъ. Онъ примѣнимъ такимъ образомъ и къ ходу мыслей въ писаніяхъ Нитцше.

Нитцше мыслитель съ наиболѣе сильно выраженной индивидуальностью. Изъ глубины собственныхъ душевныхъ переживаній онъ почерпнулъ слова о томъ, что каждая философія была всегда «исповѣдью своего созидателя и какъ бы невольными мемуарами», и что въ философѣ не можетъ быть ничего безличнаго. «Mihi ipsi scripsi»! — я для самого себя пишу, восклицаетъ онъ каждый разъ, заканчивая какое нибудь произведеніе. Онъ видитъ въ каждомъ своемъ произведеніи себя, вполнѣ самого себя—«ego ipsissimus». Книги его поэтому не заурядныя книги, это результаты внутренней жизни, книги наиболѣе «пережитыя»; правда, пережитыя мыслителемъ, для котораго мысли являютсл событіями.

Этотъ чисто личный характеръ его произведеній требуетъ въ особенности эстетически художественной оцѣнки. Прежде всего интересно установить не самую истинность заключенныхъ въ нихъ идей, а то, каковъ авторъ этихъ идей и какъ онъ ихъ выражаетъ. Насъ чаруетъ форма, вполнѣ отвѣчающая мыслямъ—страннымъ, экзотичнымъ, южнымъ мыслямъ,—чаруетъ ритмъ живой рѣчи, звукъ написанныхъ для слуха словъ. Но все таки было бы, какъ говоритъ Нитцше, «дисгрегаціей инстинктовъ», если бы мы въ художникѣ Нитцше забывали мыслителя. Художественное наслажденіе его формой не должно ослаблять интересъ къ содержанію, т. е., въ данномъ случаѣ, къ истинности ученія Нитцше.

Чтобы быть справедливымъ къ Нитцше, не нужно судить его по тѣмъ взглядамъ, которые онъ самъ опровергаетъ. Въ его собственныхъ произведеніяхъ данъ критерій для сужденій о немъ. Тамъ, гдѣ нужно, его можно побѣдить на его собственной аренѣ и его собственнымъ оружіемъ. Очень легко осудить его взгляды съ точки зрѣнія обыденной морали—но что можетъ быть болѣе празднаго? Того, кто «открылъ новыя цѣнности», нельзя судить по старымъ. Понятно само собой, что тотъ, кто признаетъ себя «внѣ морали» и видитъ въ общепризнанной нравственности лишь историческое и біологическое переживаніе, окажется несостоятельнымъ передъ ея судомъ. Гораздо важнѣе узнать, можетъ ли «мораль» устоять противъ его нападеній—устоять во всемъ, что она считаетъ обязательнымъ и основаннымъ на требованіяхъ разума.

Уже по своимъ основнымъ идеямъ Нитцше «воитель противъ своей эпохи». Онъ аристократъ и радикалъ, «аристократическій радикализмъ — вотъ самое умное опредѣленіе, которое я до сихъ поръ читалъ о себѣ», говоритъ онъ самъ. Въ всемъ своемъ міросозерцаніи онъ представитель индивидуализма. Ренессансъ для него золотой вѣкъ. Наше время имѣетъ склонность къ коллективизму и забываетъ иногда среди своихъ спеціальныхъ задачъ объ основномъ значеніи личности. И, можетъ быть, главное значеніе Нитцше и состоитъ въ томъ, чтобы показать опасность, лежащую въ слѣпомъ стремленіи уравнить всѣхъ и все, и тѣмъ самымъ какъ бы принизить типъ человѣка.

Можно ли считать Нитцше философомъ? «Какое это имѣетъ значеніе»? отвѣтилъ самъ Нитцше на этотъ

вопросъ. Никакого, если видѣть въ философіи такую же науку, какъ и всякую другую, лишь нѣсколько менѣе спеціальную. Но вопросъ пріобрѣтаетъ крайнюю важность, если видѣть въ философіи царственный даръ управлять жизнью, мудрость, устанавливающую цѣль жизни, если считать философа тѣмъ, чѣмъ Нитцше объявилъ его въ книгѣ о Шопенгауерѣ, т. е. «опредѣляющимъ мѣру, цѣнность и вѣсъ вещей—судьею жизни». Философъ въ этомъ второмъ значеніи слова не нуждается въ «системѣ» — у Сократа не было никакой системы. Онъ вліяетъ скорѣе единствомъ своей духовной жизни, своимъ міросозерцаніемъ и силой своей личности. Изъ разбросанныхъ изреченій Нитцше тоже нельзя составить никакой системы. На первый взглядъ, не видно единства въ періодахъ его творчества, въ произведеніяхъ одного періода, и даже въ частяхъ одного и того же произведенія. И если при болѣе внимательномъ изученіи можно подмѣтить нити, связывающія старѣйшія произведенія съ новыми, если въ томъ, что высказано было ранѣе, обнаруживается зародышъ позднѣйшихъ идей, то все-таки явившееся такимъ образомъ единство есть скорѣе единство личности, чѣмъ системы или ученія. Въ преемственности идей, развивающихся среди всѣхъ противорѣчій пониманія, отражается постепенное развитіе весьма своеобразной личности самого мыслителя. Поэтому характеристика личности должна предшествовать оцѣнкѣ философскаго значенія его произведеній. Біографическій элементъ идетъ впереди логически-систематическаго.

Мы не задаемся вопросомъ, не обладалъ ли Нитцше слишкомъ страстнымъ темпераментомъ для философа.

Все великое, въ томъ числѣ и великія философскія ученія, исходитъ изъ сердца и обусловлено великими страстями. Мы спрашиваемъ только, былъ ли Нитцше достаточно здоровъ для философа. Вѣдь и здоровье также необходимо для философіи, и Нитцше самъ это зналъ лучше всѣхъ. Уже тотъ отвѣтъ, который онъ самъ даетъ въ своей автобіографіи, т. е. въ изображеніи самого себя въ своихъ произведеніяхъ и въ предисловіяхъ къ своимъ произведеніямъ, заслуживаетъ вниманія. Но еще болѣе трогательна повѣсть его жизни, разсказанная его сестрой.

Первый жизненный ударъ постигъ Нитцше въ раннемъ дѣтствѣ, когда ему было едва пять лѣтъ. Въ этомъ нѣжномъ возрастѣ онъ потерялъ отца (въ 1849 г.), который умеръ отъ сотрясенія мозга послѣ паденія съ лошади. Нитцше всю жизнь оплакивалъ эту потерю, бросившую тѣнь на его въ другихъ отношеніяхъ безоблачное дѣтство. Воспитаніе Нитцше было предоставлено главнымъ образомъ ему самому, и вмѣсто настоящихъ отцовскихъ попеченій онъ пользовался «суррогатомъ родительскаго воспитанія», «нивелирующей дисциплиной хорошей школьной системы». Подъ этими словами онъ подразумѣваетъ учебныя заведенія, черезъ которыя онъ прошелъ въ возрастѣ отъ 14—20 лѣтъ. Въ своей «безмѣрной жаждѣ всеобъемлющаго знанія» онъ стремился разбить «оцѣпенѣвшее среди законовъ и правилъ распредѣленіе и употребленіе времени» и отдавался «пробивавшейся иногда наружу страстности». Вторымъ опредѣлившимъ теченіе его жизни событіемъ было назначеніе его профессоромъ филологіи въ Базелѣ. Когда онъ получилъ эту каѳедру, по рекомендаціи

своего учителя Ричля, ему было всего 24 года, и онъ еще не закончилъ своихъ занятій обычной защитой докторской диссертаціи. Лейпцигскій факультетъ послалъ юному «профессору» докторскій дипломъ безъ предварительнаго экзамена. Этотъ ранній успѣхъ не принесъ, однако, Нитцше счастья. Слишкомъ тяжелая для его возраста работа сразу обрушилась на него. Онъ сумѣлъ, правда, одолѣть ее— его мастерскіе этюды по исторіи древней греческой философіи подтверждаютъ это въ достаточной степени,— но одна изъ причинъ его болѣзни коренится именно въ умственномъ переутомленіи того времени.

Нитцше принималъ участіе въ войнѣ 1871 г. какъ добровольный санитаръ. Базельская профессура дѣлала его швейцарскимъ гражданиномъ, почему онъ и не имѣлъ права носить оружіе. Послѣ войны онъ началъ страдать глазами, и эта болѣзнь, какъ выяснилось впослѣдствіи, вызвана была общимъ мозговымъ разстройствомъ. Въ 1876 г. онъ долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей и пересталъ читать лекціи въ Базельскомъ педагогіумѣ. Два года спустя ему пришлось совсѣмъ отказаться отъ профессуры. Когда сестра Нитцше увидѣла его въ 1878 г. она едва узнала его: разбитый, усталый, постарѣвшій человѣкъ въ глубокомъ волненіи протянулъ ей руку. «На меня легло тяжелое, тяжелое бремя», пишетъ онъ въ 1880 г.: «за послѣдній годъ у меня было 118 тяжелыхъ припадковъ. Я продолжалъ жить, но не видѣлъ на разстояніи трехъ шаговъ». Съ тѣхъ поръ онъ живетъ какъ больной. Не желаніе, а необходимость заставляла его проводить лѣтніе мѣсяцы въ деревушкѣ верхняго Энгадина, а зиму на Ривьерѣ. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ внутреннюю связь съ простой и величественной мѣстностью Энгадина, «родиной всѣхъ серебристыхъ красокъ природы», и любилъ также югъ, мягкое небо, южные цвѣты, свѣтлый воздухъ и синее море.

Его страданія увеличивались и «послѣ тяжелыхъ лѣтъ дошли до того крайняго пункта, когда ощущеніе боли становится привычнымъ», говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ Брандесу. Онъ называетъ свое состояніе «преддверіемъ ада». «Ужасное существованіе среди добровольныхъ лишеній», которую онъ долженъ вести, кажется ему «тяжелой какъ аскетическая, полная стѣсненій жизнь». «О, какіе годы», пишетъ онъ о періодѣ 1876—1882 г., «какія муки, какое одиночество и какая тоска, какъ надоѣло жить!» Въ одномъ письмѣ (къ Брандесу) отъ 1888 г. онъ называетъ «исторію своей юности съ 15 лѣтъ» «сплошнымъ ужасомъ, роковымъ паденіемъ и разслабленіемъ». Даже его сильная воля и умѣніе многому противостоять должны были поддаться. «Мое здоровье слишкомъ сильно потрясено, мученіе слишкомъ продолжительно», жалуется онъ своему другу Рэ: «что пользы въ моемъ терпѣніи и насиліи надъ самимъ собой»? Бывали минуты, когда ему стоило величайшей рѣшимости выносить жизнь, и онъ разражается однажды словами, полными отчаянія: «я презираю жизнь». По мѣрѣ того какъ болѣзнь его принимала большіе размѣры, ухудшалось и состояніе глазъ, такъ что онъ почти ослѣпъ. «О, эти глаза», жалуется онъ—«я не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать, они положительно силой удаляютъ меня отъ науки».

Нитцше отъ природы не былъ расположенъ къ одиночеству. Онъ охотно высказывалъ свои мысли,

будучи къ тому же прекраснымъ преподавателемъ, и его отзывчивая натура нуждалась въ друзьяхъ. Личныя связи нѣсколько разъ имѣли рѣшающее значеніе для его духовной жизни; глубже всего отражалась на немъ дружба съ Рихардомъ Вагнеромъ. Поля Рэ онъ иногда называлъ «своимъ другомъ и завершителемъ». «Я самъ обломокъ, и только въ рѣдкія, рѣдкія хорошія минуты могу заглянуть въ лучшій міръ, гдѣ живутъ цѣльныя и совершенныя натуры», пишетъ онъ въ письмѣ къ этому другу.

Одиночество и отчужденіе отъ людей, которыя неминуемо приходятъ съ болѣзнью, заставляли его страдать. «Я не хочу больше быть одинокимъ, хочу опять стать человѣкомъ. Но увы, мнѣ такъ трудно выучиться этому», пишетъ онъ въ письмѣ къ Лоу Саломэ. «Рѣзкость и самоувѣренность сужденій», въ которыхъ онъ самъ себя упрекаетъ, происходятъ отчасти отъ его обособленности, вслѣдствіе которой его сужденія не находили отклика и не возбуждали возраженій. Когда въ 1882 г. его состояніе начало какъ будто улучшаться, онъ сталъ думать о томъ, чтобы въ теченіе десяти лѣтъ изучать естественныя науки въ Вѣнѣ, Парижѣ или Мюнхенѣ. Онъ считалъ тогда своимъ главнымъ недостаткомъ отсутствіе естественно-научныхъ знаній. Но особенная возбужденность творческихъ силъ въ эту пору жизни заставила Нитцше отказаться отъ этого плана. Въ слѣдующія пять-шесть лѣтъ возникли самыя характерныя изъ его произведеній, но уже самый планъ десятилѣтней студенческой жизни показываетъ, какъ мало отшельничество и удаленіе отъ свѣта соотвѣтствовали основнымъ стремленіямъ его натуры.

Въ промежуткахъ между припадками болѣзни Нитцше писалъ свои произведенія; онъ писалъ ихъ урывками, когда «боль отпускала его на свободу», часто пользуясь для работы «минимумомъ силы и здоровья». Въ моменты труда онъ чувствовалъ себя свободнымъ, легкимъ, вдохновленнымъ. Приливъ мыслей онъ ощущаетъ какъ особаго рода танецъ. «Я чувствую себя теперь свободнымъ, я лечу, я вижу себя теперь опускающимся, во мнѣ танцуетъ божество».—«Не отецъ ли мнѣ излишество, а мать—тихій смѣхъ»? Крайне изощренная чувствительность побуждала его въ тѣ годы къ чрезмѣрной производительности, которая въ свою очередь доводила до крайности его нервную раздраженность—роковой кругъ, который все тѣснѣе и тѣснѣе охватывалъ его до тѣхъ поръ, пока наконецъ не погибъ его духъ. «Познавшій самого себя,—собственный палачъ!» говоритъ Заратустра о себѣ самомъ.

Нитцше любилъ размышлять среди природы; во время сильнаго движенія, на уединенныхъ вершинахъ у моря, и тамъ, гдѣ самыя дороги, какъ онъ выражается, становятся задумчивыми,—тамъ приходили къ нему его мысли. Его произведенія созданы среди plein air'a, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, словно чувствуется солнце и свѣжій, рѣзкій воздухъ.

Нитцше принужденъ былъ работать урывками изъ за своего «перемѣнчиваго здоровья». Понятно, почему измѣнился методъ его работы, почему онъ писалъ и долженъ былъ писать афоризмы. Прежде онъ ставилъ въ упрекъ Штраусу то, что книга его составлена изъ кусковъ; онъ требовалъ отъ писателя цѣльнаго замысла и соотвѣтствующей цѣльности

изложенія. Теперь онъ уже и самъ не могъ, даже когда хотѣлъ и когда этого требовалъ предметъ, составить цѣльное изъ цѣльнаго. Даже книга «о происхожденіи нравственности» распадается на куски и разбивается на афоризмы. Но онъ хочетъ убѣдить себя и насъ, что этотъ недостатокъ составляетъ въ сущности достоинство. Изреченія и афоризмы, въ которыхъ онъ считаетъ себя первымъ среди нѣмецкихъ художниковъ слова, онъ называетъ вѣчными формами; онъ гордится тѣмъ, что «въ десяти фразахъ можетъ сказать то, чего другой не сумѣетъ выразить въ цѣлой книгѣ». (Гибель кумировъ, стр. 129).

Намъ, однако, афоризмъ не представляется стилемъ великаго духовнаго строителя и созидателя. Онъ относится скорѣе къ мелкому искусству. Это «эпиграмматическій стиль», поражающій какъ стрѣла. Или же въ немъ такъ оттачивается и полируется мысль, что она блеститъ и поражаетъ. Афоризмъ—форма для отдѣльной, вырванной изъ связи съ цѣлымъ мысли, ставшей поэтому односторонней полуистиной. Еще чаще онъ становится покровомъ для образующейся, не созрѣвшей мысли, для мысли, которая скорѣе еще настроеніе, чѣмъ мысль. Въ этомъ обаяніе афоризма и опасность этого обаянія. Бурже видитъ характерную черту декадентскаго стиля въ стремленіи придать независимость страницѣ въ книгѣ, фразѣ въ страницѣ, слову въ фразѣ; если это такъ, то афоризмъ и изреченія, употребляемыя не въ видѣ исключенія, а какъ обычная форма изложенія, составляютъ декадентскій стиль. При этомъ, конечно, можно признать, какъ мы это и дѣлаемъ, мастерство Нитцше въ этомъ стилѣ.

Въ афоризмахъ Нитцше замѣтны колебанія манеры выраженія, соотвѣтствующія различнымъ фазамъ его умственной жизни. Яснѣе и проще всего Нитцше писалъ въ то время, когда создавались «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» и «Странникъ и его тѣнь». О символическомъ стилѣ «Заратустры» и о сущности символизма вообще мы еще будемъ говорить.

«Сгорѣть отъ своихъ собственныхъ мыслей» — эту аллегорію употребилъ Нитцше, говоря о самомъ себѣ, и она оказалась не столько аллегоріей, сколько выраженіемъ подлиннаго физіологически-химическаго процесса въ мозгу Нитцше. Мысли обрушиваются на него и захватываютъ его съ внезапностью душевныхъ потрясеній и кризисовъ. Мыслить значитъ для него ощущать глубокое волненіе; жить значитъ «постоянно претворять себя, все свое существо, въ свѣтъ и пламя».

«Да, я знаю откуда я родомъ! Ненасытный какъ пламя, я горю и пожираю себя. Все пылаетъ, къ чему я прикасаюсь, все превращается въ уголь, что остается послѣ меня. Несомнѣнно, что я пламя!» *).

Такъ онъ характеризуетъ самого себя въ стихотвореніи, озаглавленномъ «Ecce homo».

Эта характеристика и представленіе, которое можно себѣ составить о Нитцше по его произведеніямъ, повидимому, не согласуются съ тѣмъ, какъ

*) Ja! ich weiss woher ich stamme!
Ungesättigt gleich der Flamme
Glühe und verzehr'ich mich.
Licht wird alles was ich fasse.
Kohle alles was ich lasse:
Flamme bin ich sicherlich.

его описываютъ друзья. У него была привычка тихо говорить, осторожная, задумчивая походка, спокойныя черты лица и обращенные внутрь, глядящіе вглубь, точно вдаль, глаза. Его легко было не замѣтить, такъ мало было выдающагося въ его внѣшнемъ обликѣ. Въ обычной жизни онъ отличался большой вѣжливостью, почти женской мягкостью, постоянной ровностью характера. Ему нравились изысканныя манеры въ обращеніи, и при первой встрѣчѣ онъ поражалъ своей нѣсколько дѣланной церемонностью. Въ этомъ изображеніи трудно узнать пламенный духъ дерзновеннаго мыслителя. Но противорѣчіе между писателемъ и человѣкомъ—только кажущееся, и исчезаетъ при болѣе близкомъ разсмотрѣніи.

То, что Нитцше возводитъ въ жизненный идеалъ, и въ чемъ онъ видитъ цѣль совершенствующагося человѣчества, не заключается въ идеализированномъ образѣ его собственной жизни и личности. Напротивъ, это скорѣе противоположность его самого, во всякомъ случаѣ противоположность того, что сдѣлали изъ него болѣзнь и судьба. Къ нему можно примѣнить его собственное изреченіе: «наши недостатки—это глаза, которыми мы глядимъ на идеалъ», такъ же какъ и другое: «отъ идеала можно сдѣлать обратное заключеніе о томъ, кто въ немъ нуждается».

Нитцше декадентъ, но онъ понималъ это и боролся противъ этого. Онъ декадентъ съ инстинктами здороваго человѣка, и поэтому именно онъ ставилъ выше всего—даже слишкомъ высоко—силу жизни, избытокъ жизни, въ чемъ бы онъ ни проявлялся. Онъ больной, который однако болѣе всего остерегается дѣлать изъ своихъ страданій выводы, враждебные жизни. Онъ признаетъ страданія, чтобы

не отрицать жизни, и обращаетъ страданіе въ источникъ силы, въ дисциплину воли; этимъ объясняется его подозрительность ко всему, что препятствуетъ проявленію воли, ко всякаго рода чувственной слабости, даже къ состраданію. Больному здоровье уже само по себѣ представляется благомъ. И тотъ, чья воля истощается въ борьбѣ съ страданіемъ и становится безсильной во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, хотѣлъ бы видѣть конечную цѣль всѣхъ стремленій въ самой могучей волѣ, въ «желаніи могущества». То, въ чемъ Нитцше сильнѣе всего нуждался въ жизни, онъ переносилъ въ свой идеалъ жизни. Онъ нуждался въ «большихъ перспективахъ нравственно духовнаго горизонта», чтобы быть въ состояніи переносить свою жизнь. Онъ мечталъ о все болѣе сильномъ и высокомъ развитіи человѣка, о переходѣ къ высшему роду: онъ мечталъ о «сверхъ-человѣкѣ».

Не нужно однако забывать въ Нитцше поэта и художника. Его изреченія нужно брать всегда нѣсколькими тонами ниже и вычитать изъ нихъ все то, что не только по формѣ и образамъ, но и по выбору и сочетанію мыслей, находится въ зависимости отъ его поэтическихъ наклонностей, его пристрастія къ очень тонкимъ словеснымъ оборотамъ, любви къ формамъ рѣчи и колориту словъ. Поэтому нужно остерегаться понимать Нитцше слишкомъ буквально. Онъ любитъ все говорить сильно и рѣзко, любитъ даже подчеркивать. Онъ перемѣной шрифта старается обратить нашъ глазъ или, вѣрнѣе, нашъ слухъ на всякое оригинальное или особенно удачное выраженіе, въ знакъ того, какъ для него важна форма мысли, часто не менѣе самой мысли.

Мыслитель, который желалъ бы только быть мыслителемъ, избѣгалъ бы столь шумной манеры изложенія.

Возрастающее вліяніе произведеній Нитцше въ особенности на молодежь объясняется главнымъ образомъ обаяніемъ его рѣчи, которая дѣлаетъ этого необычайнаго писателя птицеловомъ, завлекающимъ неопытныя души въ свои сѣти.

II.

НИТЦШЕ КАКЪ ХУДОЖНИКЪ.

«Мы, философы, бываемъ болѣе всего признательны, когда насъ отождествляютъ съ художниками», писалъ Нитцше Брандесу. Онъ самъ — художникъ, котораго можно было бы принять за философа. Въ философіи своего юношескаго періода онъ разсматривалъ сотвореніе міра и человѣка, какъ проявленіе воли художника. А вершиной его творчества стала символическая поэма теоретическаго содержанія. Нѣсколько чисто внѣшнихъ, случайныхъ причинъ помѣшали ему, по его же словамъ, стать музыкантомъ. Зато всѣ его художественныя наклонности, въ томъ числѣ и музыкальныя, послужили ему для разработки языка. Нитцше—властелинъ рѣчи; она для него—инструментъ, послушный его тончайшимъ намѣреніямъ и оттѣнкамъ настроеній. Онъ вкладываетъ въ языкъ свою душу, теченіе своихъ мыслей, то спокойное, то бурное, колоритъ своихъ страстей, и въ тоже время, какъ артистъ даетъ своему инструменту проявить глубину своего тона, такъ и языкъ проявляетъ свой собственный духъ въ мастерской манерѣ Нитцше. Не одинъ только врожденный талантъ, но и сосредоточенность мысли и упорный трудъ способствовали у него выработкѣ рѣдкой художественности языка.

Какъ видно изъ «работъ и набросковъ 1872—1876 гг.» (10-й т. сочин.), въ число задуманныхъ имъ «несвоевременныхъ разсужденій» (ихъ должно было быть двадцать) входилъ очеркъ «О чтеніи и письмѣ». Упоминаются также подготовительныя работы къ «ученію о стилѣ». Афоризмы о языкѣ, вошедшіе въ позднѣйшія произведенія, главнымъ образомъ—въ «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» и «Странникъ и его тѣнь», заключаютъ въ себѣ, вѣроятно, главнѣйшія мысли тѣхъ набросковъ. Они даютъ намъ возможность заглянуть въ мастерскую писателя, и по нимъ можно было бы составить цѣлую теорію писательскаго искусства, въ особенности же искусства Нитцше.

«Прежде всего нужно много работать, нужно отдать кровь и силы на выработку языка», говоритъ онъ въ отрывкѣ «О чтеніи и письмѣ». «Настало время», продолжаетъ Нитцше, «заняться художественностью нѣмецкаго языка». «Должно образоваться ремесло, чтобы изъ него выработалось искусство». «Нѣмцы въ большинствѣ случаевъ забываютъ, что нужно учиться читать и писать». «Какой нѣмецъ знаетъ и считаетъ необходимымъ знать, что есть искусство въ каждой хорошо выраженной фразѣ—искусство, которое нужно понять, для того чтобы сталъ яснымъ смыслъ фразы». («За предѣлами добра и зла» стр. 206). «Ни одинъ культурный народъ», пишетъ Нитцше въ «Странникѣ и его тѣни» (афор. 95) «не имѣетъ такой скверной прозы какъ нѣмцы». Это происходитъ отъ того, что «нѣмцы знаютъ только импровизированную прозу.—Работать надъ одной страницей прозы какъ

надъ статуей—имъ кажется какой-то непонятной фантазіей».

«Дивная музыкальность» языка существуетъ прежде всего для слуха. Школа языка является «школой высшей музыки». Поэтому нѣтъ ничего пагубнѣе для нѣмецкаго языка, какъ «канцелярскій слогъ, преобладаніе письменнаго стиля надъ языкомъ живой рѣчи».—«Писаніе должно быть всегда подражаніемъ». Маколэй провѣрялъ чтеніемъ вслухъ все, что онъ писалъ. Нужно читать книгу, какъ музыкантъ читаетъ партитуру; нужно слышать, что читаешь. «Нѣмецъ не читаетъ вслухъ; онъ читаетъ для глазъ, а не для слуха. Онъ прячетъ уши въ ящикъ при чтеніи... Въ Германіи одни только пасторы, произносящіе проповѣди, понимаютъ значеніе слоговъ и словъ, знаютъ, какъ звукъ фразы ударяется и отскакиваетъ, какъ слово устремляется впередъ, разливается и замираетъ; у нихъ однихъ есть совѣсть въ ушахъ. Вполнѣ естественно поэтому, что самое совершенное произведеніе нѣмецкой прозы принадлежитъ перу величайшаго нѣмецкаго проповѣдника: въ сравненіи съ библіей Лютера все остальное только—литература». («Внѣ добра и зла», стр. 208).

Главнѣйшія правила литературнаго стиля и его наиболѣе употребительные пріемы опредѣляются различіемъ между разговорной рѣчью и письменнымъ языкомъ. Послѣдній лишенъ удареній, жестовъ, взглядовъ, сопровождающихъ слова; искусство писателя требуетъ замѣны этихъ пріемовъ живой рѣчи другими. Какъ выдвинуть слово, не повышая тона, какъ выдвинуть какую нибудь часть фразы — вотъ первый вопросъ. «Искусство заключается въ томъ», говорится въ наброскѣ къ ученію о стихѣ, «чтобы

все чувствовалось какъ жестъ—длина и краткость предложеній, знаки препинанія, выборъ словъ, паузы, послѣдовательность аргументовъ». «Стиль долженъ жить». Въ нѣкоторой связи съ этимъ находится тонкое замѣчаніе о томъ, что «хорошая проза пишется только съ мыслью о поэзіи», потому что обаяніе прозы именно въ томъ и состоитъ, что она постоянно избѣгаетъ поэзіи и противоположна ей.

Всѣ художественныя наклонности и таланты Нитцше содѣйствовали своеобразности его стиля. Нитцше относится къ своей рѣчи, какъ музыкантъ, поэтъ и живописецъ. По его сочиненіямъ всего лучше можно видѣть, сколько музыкальныхъ чаръ таится въ языкѣ, и какъ велика живописующая сила слова. Но стиль Нитцше подвергался измѣненіямъ, которыя заставляютъ насъ дѣлать различія. Мы не считаемъ его писательскую манеру безусловно совершенной, но останавливаемся преимущественно на ея качествахъ и на необычайномъ богатствѣ его стилистическихъ средствъ.

Музыкальность языка заключается прежде всего въ ритмичности рѣчи, въ томъ, какъ она возрастаетъ и понижается, замедляется и стремится впередъ, въ связномъ движеніи ея отдѣльныхъ частей, когда она прерывается на паузахъ или течетъ ровной струей. «Труднѣе всего перевести съ одного языка на другой ритмъ словъ, коренящійся въ глубинѣ національнаго характера». «Если невѣрно понятъ ритмъ фразы, то и самая фраза не можетъ быть вѣрно понята». Къ этому присоединяется окраска тоновъ въ рѣчи, «смѣсь и взаимодѣйствіе красокъ: хроматическая гамма языка». Требованіе «угадывать смыслъ въ сочетаніи гласныхъ и двугласныхъ и

вникать въ нѣжность и богатство тоновъ, которыми онѣ окрашиваются при слѣдованіи одна за другой», можетъ показаться слишкомъ искуственнымъ и дѣланнымъ; оно обнаруживаетъ чрезмѣрную воспріимчивость къ акустическимъ чарамъ языка. Но все таки любопытно разсмотрѣть съ этой точки зрѣнія фразы самого Нитцше или, вѣрнѣе, прослушать ихъ.

Нитцше владѣетъ тайной живописи словами; онъ умѣетъ наполнять воображеніе читателя красками и формами. Онъ знаетъ, что для этого требуется высшая простота изображенія наряду съ пластичностью рѣзкихъ типичныхъ чертъ изображаемаго. Прочтемъ и посмотримъ напр. на живописность афоризма 295 въ сборникѣ «Странникъ и его тѣнь». Какъ выступаютъ въ немъ наиболѣе характерныя черты природы верхняго Энгадина: зеленовато-молочное озеро, земля, покрытая цвѣтами, утесы, снѣжныя поля надъ широкими лѣсистыми хребтами, а на самомъ верху обледенѣлые зубцы. Затѣмъ слѣдуютъ живые аксессуары картины: стадо коровъ, въ одиночку и группами, быкъ, только что вступившій въ бѣлый пѣнистый ручей и медленно слѣдующій за его стремительнымъ теченіемъ, смуглые пастухи, дѣвушки, одѣтыя почти такъ же, какъ юноши. Все это величественно, тихо, свѣтло, все погружено въ покой и вечернюю примиренность — соединеніе идиллическаго и героическаго настроенія. Въ «Заратустрѣ» Нитцше рисуетъ картину скорѣе въ жанрѣ Беклина: «Я—лѣсъ, и во мнѣ царитъ ночь темныхъ деревьевъ; но кто не испугается моего мрака, тотъ найдетъ подъ моими кипарисами и кущи розъ. И маленькаго бога онъ найдетъ, любезнаго дѣвушкамъ;

онъ лежитъ у колодца, тихо, съ закрытыми глазами». Мы бродимъ съ Ницше по темнымъ кипарисовымъ аллеямъ заброшенной итальянской виллы. Слова «въ ранній часъ, когда звенитъ ведро у колодца и раздается на сѣрыхъ улицахъ теплое ржаніе лошадей» кажутся намъ импрессіонистскимъ эскизомъ. Мы чувствуемъ впечатлѣнія утренняго путешествія. Слѣдующая строфа изъ «Заратустры» напоминаетъ по впечатлѣнію гравюру Клингера: «Судьба моя не торопится: не забыла-ли она меня? И не сидитъ-ли она въ тѣни, за какимъ нибудь большимъ камнемъ, и ловитъ мухъ»?

Оживленіе внѣшней природы, бывшее нѣкогда источникомъ миѳологіи, и теперь еще осталось не исчерпаемымъ сокровищемъ для поэта. У Ницше ель пускаетъ корни тамъ, «гдѣ утесъ въ ужасѣ смотритъ въ глубину»: — «она въ нерѣшительности останавливается у пропастей, гдѣ все кругомъ готово летѣть внизъ». Заратустра взбирается «по дикимъ каменистымъ русламъ, куда нѣкогда ложился на покой нетерпѣливый ручей». «Тропинка, упрямо поднимавшаяся надъ камнями, злобная, одинокая, не мирившаяся уже ни съ травой, ни съ кустарниками, хрустѣла подъ его упорными шагами».

Трудно сказать, чѣмъ былъ Ницше болѣе: музыкантомъ и живописцемъ или поэтомъ. Стихотвореніе «Осень» производитъ чисто лирическое впечатлѣніе и притомъ подходитъ такъ близко къ музыкѣ, какъ это только возможно для поэзіи:

«Вотъ осень: она еще разобьетъ тебѣ сердце! Улетай! Улетай! Какъ міръ увялъ! На устало-протянутыхъ нитяхъ вѣтеръ наигрываетъ свою пѣснь...»*).

*) Dies ist der Herbst: der bricht dir noch das Herz!

Столько же чистой музыкальной красоты въ слѣдующей строфѣ дифирамбовъ Діонису:

«Вокругъ лишь игра и волны. Все, что было нѣкогда тяжело, утонуло въ голубомъ забытьи. Праздно стоитъ теперь моя ладья. Буря и скитаніе—какъ она забываетъ ихъ! Желанія и надежды утонули, спокойна гладь моря и души» *).

Въ этихъ стихахъ слышна музыка.

Но самое поэтическое произведеніе Ницше,—«Заратустра». Здѣсь онъ счастливо воспроизводитъ формы восточной поэзіи, ея простыя и величавыя естественныя формы, ея афористическую мудрость. Конечно, поэзія и высота псалмовъ все-таки остаются недостижимыми.

Мы среди самаго чистаго воздуха, на высокихъ горахъ, глядящихъ въ море. Надъ нами высится «лазурный колоколъ» неба, туманы поднимаются изъ пропасти, сгущаются въ облака—и безъ всякихъ исканій возникаетъ естественный образъ: «мудрость моя уже давно сгущается подобно облаку, она становится все болѣе тихой и мрачной. Такъ бываетъ со всякой мудростью, которая должна когда нибудь родить молніи».

Flieg fort! flieg fort!...
Was ward die Welt so welk!
Auf müd-gespannten Fäden spielt
Der Wind sein Lied...

*) Ringe nur Welle und Spiel
Was je schwerer war,
Sank in blaue Vergessenheit...
Müssig steht nun mein Kahn.
Sturm und Fahrt—wie verlernt er das!
Wunsch und Hoffen ertrank.
Glatt liegt Seele und Meer.

Изъ такого же настроенія, родившагося среди созерцанія природы, возникла картина, описанная въ стилѣ псалмовъ: «Моя нетерпѣливая любовь потоками льется черезъ край, внизъ, къ разлитію и уничтоженію. Изъ молчаливыхъ горъ и грозъ страданія моя душа стремится бурнымъ потокомъ внизъ, въ долины».

Пѣснь Пѣсней тоски и страсти слышится въ слѣдующихъ словахъ: «Настала ночь: всѣ фонтаны говорятъ громче. И душа моя тоже фонтанъ. Настала ночь: просыпаются пѣсни тѣхъ, которые любятъ. И душа моя тоже пѣснь того, кто любитъ».

Изреченія Нитцше обладаютъ часто отрывочностью и полнотой пословицъ. «Только тамъ, гдѣ есть гробы, возможны возрожденія», говоритъ онъ въ «Заратустрѣ». «Шагъ того, кто правдивъ, подобенъ сказанному слову». «Гдѣ нельзя уже любить, тамъ нужно пройти мимо». «Не нужно желать быть врачемъ неисцѣлимаго». «Кто умѣетъ преслѣдовать, легко научится слѣдовать—по привычкѣ находиться за другимъ». «Въ маломъ заключается наилучшее счастье». «Исполнить великое трудно, но еще труднѣе—приказать великое». «Лучше уже совершить злое, чѣмъ подумать мелкое»! «Все великое уходитъ въ сторону отъ базаровъ и славы». Вотъ примѣры изреченій Заратустры: они допускаютъ много толкованій. Одно изреченіе въ книгѣ «Странникъ и тѣнь» гласитъ: «Все то, что золото, не блеститъ. Благороднѣйшій изъ металловъ мягко лучится».

Во всѣхъ произведеніяхъ Нитцше, въ особенности въ «Заратустрѣ», встрѣчаются художественныя сравненія и неожиданные обороты. Какъ удачно напр. сопоставленіе словъ въ выраженіи: «самая

неприступная башня и воля». Какой ясный переходъ отъ образа къ его смыслу! Свою волю Заратустра называетъ «взрывающей утесы». Благородная сильная воля есть «прекраснѣйшее растеніе на землѣ: подъ такимъ деревомъ отдыхаетъ цѣлая страна». Будущность человѣчества Нитцше обозначаетъ прекраснымъ словомъ «страна дѣтей». Толпу онъ называетъ «тѣми, которыхъ слишкомъ много». И когда Заратустра приходитъ въ «просвѣщенную страну», онъ восклицаетъ: «Да вѣдь здѣсь родина всѣхъ красильныхъ банокъ». Творческая сила Нитцше сказывается и въ новыхъ словахъ, которыя онъ создаетъ. Изысканно прекрасенъ афоризмъ, которымъ заканчивается «По ту сторону добра и зла»: на немъ мы и закончимъ эти извлеченія.

Нитцше говоритъ тамъ о своихъ «написанныхъ и нарисованныхъ» мысляхъ и спрашиваетъ: какіе предметы *даютъ* описывать себя, что мы можемъ срисовать и представить? «Увы», отвѣчаетъ онъ, «только то, что готово завянуть и начинаетъ обнаруживать тлѣніе! Увы, только уставшія, разсѣивающіяся грозы и пожелтѣлыя позднія чувства! Увы, только птицъ уставшихъ летать и спустившихся слишкомъ низко, такъ низко, что мы можемъ ловить ихъ руками—нашими руками. Мы увѣковѣчиваемъ то, что уже не имѣетъ силы жить и летать,—только то, что устало и одряхлѣло! И только для вашихъ *сумерекъ*, мои написанныя и нарисованныя мысли, только для нихъ однихъ я нахожу краски, быть можетъ—много красокъ, много пестрыхъ, нѣжныхъ оттѣнковъ, до полусотни желтыхъ, коричневыхъ, зеленыхъ, красныхъ цвѣтовъ... Но никто не догадается по нимъ, какой видъ вы имѣли въ ваши утренніе

часы, о внезапныя искры и чудеса моего одиночества, мои старыя, любимыя—*недобрыя* мысли»!

Когда Нитцше писалъ съ наибольшимъ чувствомъ мѣры, т. е. въ періодъ возникновенія его философскихъ «Книгъ странника», болѣзнь мѣшала ему воздвигать величественныя зданія, построенныя просто, съ широкими, прекрасными покоями. Позже его стиль впадаетъ уже въ манерность: стилистическіе орнаменты загромождаютъ собою мысль. Ритмъ фразъ становится болѣе быстрымъ, взволнованнымъ, доходитъ до presto, между тѣмъ какъ нѣмецкій языкъ скорѣе всего соотвѣтствуетъ мѣрному, медленному и торжественному теченію рѣчи. Слова часто слишкомъ нагромождены другъ на друга, формы слишкомъ изысканны для выраженныхъ въ нихъ мыслей. Въ этотъ послѣдній періодъ своего творчества Нитцше щеголяетъ богатствомъ и блескомъ своихъ стилистическихъ средствъ, какъ бы самъ наслаждается собой. Онъ отвлекаетъ вниманіе отъ предмета изложенія, направляя его на личность самого автора. Символизмъ—временное теченіе въ искусствѣ и поэзіи нашего времени — захватилъ Нитцше и сказывается особенно сильно въ послѣднихъ частяхъ «Заратустры». Пресытившись позитивизмомъ, который въ искусствѣ отразился рабскимъ подражаніемъ природѣ, наше время обратилось къ этому новому виду романтизма. Символизмъ есть наименѣе непосредственная художественная манера: онъ заключается въ намекахъ и недосказанности, въ томъ, что ощущенія переносятся изъ области одного внѣшняго чувства въ область другого. Стиль этотъ можетъ быть названъ фантастической аллегоріей. Аллегорія состоитъ въ конкретномъ изображеніи отвлеченнаго понятія справедливости, мудрости, войны и т. п., въ условномъ внѣшнемъ образѣ; символизмъ не удовлетворяется созданнымъ имъ самимъ языкомъ знаковъ: представленіе, непосредственно вызываемое даннымъ образомъ, таитъ въ себѣ другое, третье, иногда цѣлый рядъ дальнѣйшихъ представленій, все болѣе уходящихъ вглубь. Таковы въ «Заратустрѣ» символическіе образы «кающагося», «самаго уродливаго человѣка», «послѣдняго папы». Вызываемое ими художественное впечатлѣніе зависитъ исключительно отъ формы изложенія, а не отъ главныхъ и побочныхъ идей, воплощенныхъ въ нихъ.

Мастерство рѣчи Нитцше слишкомъ совершенно, и потому не можетъ положить начала новому художественному теченію. Новое искусство не зачинается съ такимъ богатствомъ пріемовъ и формъ. Для этого необходимы строгость и простота, т. е. почти все, чего нѣтъ въ искусствѣ Нитцше.

Но заслуга Нитцше велика въ одномъ отношеніи. Онъ выдвинулъ какъ орудіе противъ натурализма совершенство стиля и снова показалъ важность стиля въ языкѣ.

III.

НИТЦШЕ КАКЪ МЫСЛИТЕЛЬ.

1.

Афористическая философія Ницше подобна сооруженію, котораго отдѣльныя части соединены были въ одно цѣлое только въ умѣ строителя, а планъ много разъ подвергался переработкѣ. Возсоздавая изъ разрозненнаго матеріала предполагаемое цѣлое, невозможно избѣжать неопредѣленности. Но именно въ незаконченности и проблематичности, въ парадоксальности мыслей и смѣнѣ настроеній, въ странномъ смѣшеніи здороваго и болѣзненнаго заключается особенное очарованіе произведеній Ницше. Смотря по тому, вѣрно или ложно понимать ихъ, они становятся источникомъ здоровой пищи или отравы. Въ этихъ произведеніяхъ скрещиваются признаки самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ міросозерцаній. Въ нихъ отражается образъ современности, лишенной цѣльнаго міровоззрѣнія, моментъ, являющійся болѣе чѣмъ всѣ предшествующія историческія эпохи подготовительной, формирующейся порой. Слова, которыми Ницше опредѣлялъ Вагнера, съ еще большимъ правомъ можно

примѣнить къ нему самому: Нитцше «резюмируетъ современность». Онъ охваченъ ея безпокойствомъ, ея неудовлетворенностью одной наукой, ея исканіемъ новой духовной пищи и даже ея все болѣе и болѣе развивающимся религіознымъ инстинктомъ. Онъ самъ—тревожный выразитель поры броженія.

Какъ мыслитель Нитцше исходитъ изъ Шопенгауера. Онъ сразу поддался вліянію этого величайшаго писателя среди нѣмецкихъ философовъ и, прочтя одну страницу его, рѣшилъ не оставить ни одной страницы не прочитанной. Еще болѣе глубоко было вліяніе на него самой личности Шопенгауера, т. е. того представленія о его личности, которое Нитцше составилъ себѣ по произведеніямъ философа. Нитцше видѣлъ въ Шопенгауерѣ своего воспитателя или, какъ онъ красиво опредѣляетъ эти отношенія, «своего освободителя по пути къ самому себѣ». Онъ почувствовалъ соприкосновеніе съ родственной натурой, подъ вліяніемъ которой пробуждалось и развивалось его собственное «я». Это было, выражаясь его собственными словами, «чудодѣйственное изліяніе внутренной силы одного созданія природы на другое». Шопенгауеръ сразу внушилъ ему полное довѣріе; онъ внималъ ему, «какъ сынъ внимаетъ поученіямъ отца». Правда, передъ нимъ была только книга учителя — и это было въ его глазахъ большимъ лишеніемъ; но тѣмъ напряженнѣе онъ старался «глядѣть сквозь книгу, чтобы представить себѣ живого человѣка». Выше всего онъ цѣнилъ въ Шопенгауерѣ прямоту, сравнивая его въ этомъ отношеніи только съ Монтанемъ. Онъ называетъ Шопенгауера веселымъ, потому что онъ осилилъ мыслью самое трудное, и высоко

цѣнитъ его постоянство. Кромѣ того Шопенгауеръ обладалъ тѣмъ, что Нитцше считаетъ самымъ важнымъ для философа,—несокрушимой и суровой мужественностью. Оттого онъ представилъ его въ «Происхожденіи трагедіи» борцомъ и героемъ. Нитцше вспоминаетъ о рыцарѣ въ борьбѣ съ смертью и дьяволомъ, какъ его нарисовалъ Дюреръ: рыцарь въ панцырѣ, съ желѣзнымъ, твердымъ взглядомъ, идетъ своимъ страшнымъ путемъ одинъ съ своимъ конемъ и собакой, безъ надежды, но и безъ страха передъ своими неумолимыми спутниками. Такимъ Дюреровскимъ рыцаремъ былъ Шопенгауеръ: у него не оставалось никакой надежды, но онъ хотѣлъ истины. «Нѣтъ въ мірѣ равнаго ему». И еще разъ (въ «Происхожденіи нравственности») повторяется то же сравненіе. Шопенгауеръ названъ тамъ «сильнымъ умомъ, имѣющимъ опору въ самомъ себѣ, мужемъ и рыцаремъ съ желѣзнымъ взглядомъ». Но оппозиціонный духъ Нитцше сильнѣе всего былъ привлеченъ независимостью Шопенгауера, его свободой отъ «тисковъ патріотизма». «Никому онъ не былъ подвластенъ!» — такъ заканчиваетъ Нитцше одну эпиграмму объ Артурѣ Шопенгауерѣ.

«*Шопенгауеровскій человѣкъ добровольно беретъ на себя страданія за правдивость.* Это высказываніе правды кажется другимъ людямъ слѣдствіемъ злобы» — говоритъ Нитцше, мечтая объ обществѣ людей, созданныхъ по этому образцу, «людей, не знающихъ условности; они ко всему подходятъ съ критикой и жертвуютъ собою ради истины». Это—мечта о его собственномъ будущемъ, приближеніе той всеразъѣдающей критики, которая въ концѣ концовъ убила его собственный духъ.

Нитцше никогда не былъ только ученикомъ Шопенгауера; или же онъ былъ тѣмъ ученикомъ, о которомъ онъ говоритъ, утверждая, что каждый учитель имѣетъ только единственнаго, настоящаго ученика, который измѣняетъ ему только потому, что самъ предназначенъ стать учителемъ. Къ «философской системѣ» своего «великаго учителя и воспитателя» онъ съ самаго начала относился съ недовѣріемъ и вскорѣ началъ предостерегать отъ опасности шопенгауеровскаго ученія. И все-таки слѣды перваго молодого вліянія этого ученія на его собственное мышленіе и на его манеру замѣтны въ самыхъ позднихъ его произведеніяхъ.

Шопенгауеръ, который самъ себя называлъ случайнымъ мыслителемъ, ввелъ въ философію элементъ вдохновенія, рождающаго отдѣльныя мысли; въ его манерѣ философствовать замѣтна склонность къ афоризмамъ. Онъ исходилъ изъ ложнаго мнѣнія, что взгляды не могутъ быть противорѣчивыми, и что когда это повидимому случается, они потомъ сами собой сходятся; поэтому логическая разработка идей не казалась ему существенной. Оттого Шопенгауеръ истинно великъ только въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ и высказываемыхъ имъ глубокихъ взглядахъ на видимый міръ; «Parerga»—его лучшее произведеніе: — можно сравнить лишь съ «Essays» Монтаня, «Maximes» Ларошфуко, и оно останется украшеніемъ нѣмецкой литературы, когда отъ «системы» Шопенгауера останется одно только историческое воспоминаніе. Нитцше раздѣляетъ съ Шопенгауеромъ пренебреженіе къ логикѣ. Онъ видитъ въ мышленіи лишь «извѣстное соотношеніе стремленій», а въ разумѣ и его законахъ одинъ

лишь «грамматическій предразсудокъ». Это самая крайняя противоположность Кантовскому направленію въ нѣмецкой философіи. Шопенгауеръ сдѣлалъ центромъ философіи вопросъ о смыслѣ бытія. Нитцше перенялъ отъ него эту задачу философіи и вмѣстѣ съ ней представленіе о философѣ какъ «судьѣ жизни». Слова Нитцше въ книгѣ о Шопенгауерѣ: «взоръ философа обращенъ на бытіе; онъ хочетъ *наново* опредѣлить его цѣнность» уже заключаютъ въ зародышѣ проектъ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». Шопенгауеръ стремился превратить философію изъ науки въ искусство. Онъ объяснялъ міръ по поэтической аналогіи, и самымъ блестящимъ изъ всего, имъ написаннаго, являются разсужденія объ искусствѣ въ сочиненіи «Міръ какъ воля и представленіе». Быть можетъ, для справедливой оцѣнки этого произведенія нужно смотрѣть на него, какъ на изложеніе эстетическаго міросозерцанія и, по примѣру Куно Фишера, разсматривать Шопенгауера какъ художника. Нитцше, по природѣ своей, тоже болѣе художникъ, чѣмъ мыслитель, говоритъ въ «Происхожденіи нравственности» про «обаятельное отношеніе Шопенгауера къ искусству» и тѣмъ самымъ выражаетъ свое личное пониманіе. Онъ самъ поддался «обаятельности» шопенгауеровскаго отношенія и пробовалъ даже, исходя изъ эстетики Шопенгауера, опровергнуть его же буддистскій нигилизмъ. «Поднявшись высоко надъ Шопенгауеромъ», онъ услышалъ «музыку въ трагедіи бытія».

Вскорѣ послѣ того какъ Нитцше изучилъ произведенія пессимиста, мыслителя, философа меланхолической молодежи, произошло другое, не менѣе

важное событіе въ его жизни,—онъ познакомился съ Рихардомъ Вагнеромъ. Во время своего пребыванія въ Базелѣ, въ 1869—1874 гг., онъ поддерживалъ оживленныя личныя сношенія съ Вагнеромъ, поселившимся въ Трибшенѣ близь Люцерна. «Я чувствовалъ къ нему безграничное довѣріе», пишетъ Нитцше Брандесу, вспоминая объ этомъ времени. Когда же онъ простился съ романтизмомъ своей юности и отошелъ отъ Вагнера, онъ почувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда либо раньше. Никто, жаловался онъ потомъ—не былъ ему такъ близокъ, какъ Рихардъ Вагнеръ.

По разсказамъ сестры Нитцше можно составить себѣ понятіе о трагедіи этой дружбы, ея возникновеніи, перипетіяхъ и катастрофѣ. Нитцше самъ говоритъ о томъ, что эта была «настоящая, долгая страсть», одна изъ самыхъ упорныхъ и печальныхъ въ его жизни. «Величайшимъ изъ моихъ душевныхъ событій было *выздоровленіе*. Вагнеръ былъ лишь одной изъ моихъ болѣзней». Такъ онъ смотрѣлъ впослѣдствіи на свое освобожденіе отъ Вагнера.

Изъ четвертой части «Несвоевременныхъ разсужденій: «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ», видно, какія преувеличенныя надежды возбуждала въ немъ сначала музыка Вагнера, какіе горизонты будущаго нѣмецкаго искусства она открывала его мечтамъ. Свое тайное возмущеніе противъ театральности Вагнеровскаго искусства, преувеличенности, нагроможденности эффектовъ и неспособности къ чистой красотѣ—онъ довѣрялъ только своимъ дневникамъ. Передъ публикой онъ заявлялъ себя самымъ страстнымъ и убѣжденнымъ поклонникомъ «учителя», однимъ изъ «самыхъ извращенныхъ вагнеріанцевъ»,

какъ онъ самъ выражался впослѣдствіи. Личность Вагнера становилась въ его описаніи какой то фантастической. «На самомъ днѣ клокочетъ бурнымъ потокомъ дикая воля, которая на всѣхъ путяхъ ищетъ свѣта и власти. Только совершенно чистая и свободная сила могла указать этой волѣ путь къ доброму и благотворному». Черты его собственнаго юношескаго облика входятъ въ портретъ Вагнера: безпокойство и раздражительность, нервная торопливость, заставляющая хвататься за сотню предметовъ, страстная склонность къ почти болѣзненнымъ, напряженнымъ настроеніямъ.—Книга о Байрейтѣ написана ранѣе открытія байрейтскаго театра. Нитцше хотѣлъ стать пророкомъ Вагнера, но, вдохновленный его личностью, сдѣлался поэтомъ. Онъ *создалъ* еще болѣе высокую натуру—поэта дивирамбовъ. Въ его книгѣ выступаетъ «поэтъ грядущаго Заратустры», и Байрейтъ становится его символомъ. Представленія въ Байрейтѣ названы тамъ «первымъ кругосвѣтнымъ плаваніемъ въ области искусства, причемъ было открыто и самое искусство»; Вагнеръ названъ «возсоздателемъ простой драмы, открывшимъ роль искусствъ въ истинномъ человѣческомъ обществѣ, мастеромъ языка, созидателемъ и поэтомъ мивовъ —великой культурной силой, властелиномъ искусства». (А впослѣдствіи Нитцше называлъ его «смѣсителемъ искусствъ и ощущеній»). Искусство этого «вседраматурга (Alldramatiker) и «перводраматурга» (Urdramatiker) обращаетъ насъ въ «трагическихъ людей». «Кольцо Нибелунговъ» Нитцше считаетъ «самой нравственной музыкой» и въ порывѣ увлеченія даже задаетъ себѣ вопросъ: «оттого ли должны были раздаться звуки истинной музыки,

что люди менѣе всего ее заслуживали, или оттого, что они болѣе всего въ ней нуждались»? «Въ Байрейтѣ», говоритъ Нитцше, «даже сами зрители достойны созерцанія». При этомъ мы невольно вспоминаемъ о томъ, что говорилъ Нитцше впослѣдствіи, побывавъ уже въ Байрейтѣ, про этихъ зрителей: «Посмотрите на этихъ юношей, застывшихъ, блѣдныхъ, притаившихъ дыханіе. Это—вагнеріанцы; они ничего не понимаютъ въ музыкѣ, но все-таки Вагнеръ—ихъ владыка».

Нитцше, по собственнымъ его словамъ, пріѣхалъ въ Байрейтъ идеалистомъ и потому долженъ былъ испытать самое горькое разочарованіе. «Изобиліе уродства, искаженности, изломанности» оттолкнуло его. Это была не та музыка, которая, раньше чѣмъ онъ услышалъ ее въ дѣйствительности, звучала въ его мечтахъ могучимъ подъемомъ жизни. И люди, толпившіеся здѣсь какъ на обыкновенномъ первомъ представленіи, не были «несвоевременными людьми», избранниками новой культуры. Въ Байрейтѣ апостолъ превратился въ противника, восторженный поклонникъ въ страстнаго обличителя Вагнера и его музыки. Вагнеръ теперь въ его глазахъ уже только большой актеръ, а его музыка—театральная риторика.

«Это Викторъ Гюго музыки, ставшей словами. Онъ руководствуется окраской звука, а что въ немъ прозвучитъ—для него безразлично. Легче создавать плохую музыку, чѣмъ хорошую, красота трудна—мы это знаемъ. Такъ зачѣмъ же искать красоты? Почему не искать лучше великаго, возвышеннаго, гигантскаго? На это мы еще способны. Нѣтъ ничего дешевле страстности». И всѣ эти горькія, злыя и въ

то же время надменныя слова текутъ изъ подъ его пера оттого, что Вагнеръ «вдругъ, безпомощный и разбитый, палъ ницъ передъ христіанскимъ крестомъ». Глубже и существеннѣе его сужденія о Вагнерѣ и его искусствѣ во второмъ томѣ біографіи (и въ XI томѣ сочиненій). «Вагнеръ», говоритъ онъ тамъ, «недостаточно вѣрилъ въ самую *музыку;* онъ вводилъ въ нее другія родственныя ощущенія, чтобы придать ей грандіозность». Вагнеръ обращается къ «нехудожественной публикѣ и пользуется *всѣми* средствами; онъ стремится не къ полнотѣ *художественнаго впечатлѣнія*, а къ тому, чтобы *потрясти нервы*».—«Эта музыка *безъ драмы*—постоянное отрицаніе высшихъ законовъ стиля старинной музыки: кто вполнѣ къ ней *привыкнетъ*, тотъ перестанетъ чувствовать эти законы».—«Почему музыка Вагнера дѣйствуетъ на *столь многихъ*? Потому что вниманіе не сосредоточено на одномъ, а направляется то на музыку, то на драму, то на декораціи—такъ что самое произведеніе *разбивается* на части. Но въ этомъ смертный приговоръ всему разряду такихъ произведеній».

Между философіей, которая видитъ въ слѣпомъ стремленіи безцѣльной и безпричинной воли единственную сущность бытія, и музыкой, которая потопляетъ всякій образъ въ безформенномъ грохочащемъ океанѣ звуковъ, есть внутреннее сродство, которое Нитцше подмѣтилъ первый. «Изумительно единство Вагнера и Шопенгауера! Они созданы одинаковымъ стремленіемъ. Въ нихъ ополчились на бой «самыя глубокія свойства германскаго духа», говоритъ онъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ набросковъ. Если присоединить къ этому «древнее

эллинство», какъ Нитцше толковалъ его, исходя изъ философіи Шопенгауера и музыки Вагнера, то получатся всѣ элементы его перваго литературнаго произведенія. «Я хочу подвести общій итогъ Шопенгауеру, Вагнеру и древнимъ грекамъ: это откроетъ перспективу великолѣпной культуры». Результатомъ этого сочетанія неоднородныхъ величинъ явилось «*Происхожденіе трагедіи*»,—книга, въ которой наука, искусство и философія срослись на подобіе центавра. «Невозможная книга», говорилъ о ней впослѣдствіи самъ Нитцше, «составленная вся изъ преждевременныхъ, незрѣлыхъ внутреннихъ переживаній... неуклюжая, загроможденная образами, невыдержанная, сентиментальная» — но несомнѣнно, какъ мы должны прибавить, геніальная и одна изъ немногихъ *цѣльныхъ* книгъ Нитцше.

«Происхожденіе трагедіи» есть метафизика искусства, превращающая искусство въ метафизику. Это—ученіе о постоянномъ самоосвобожденіи міра въ искусствѣ,—«чисто эстетическое толкованіе бытія и оправданіе его».—«Только какъ эстетическое явленіе бытіе и міръ имѣютъ вѣчное оправданіе». Эта фраза составляетъ «Leitmotiv» всего сочиненія, предметомъ котораго служатъ отношенія искусства и пессимизма, или—такъ какъ философъ-художникъ всегда обращаетъ отвлеченную задачу въ типическій отдѣльный случай—отношенія «эллинизма и пессимизма». Только пессимизмъ, какъ утверждаетъ Нитцше, нуждается въ искусствѣ, и только для него оно понятно; только искусство охраняетъ отъ практическихъ послѣдствій пессимизма. «Грековъ оно избавило отъ опасности буддистскаго отрицанія воли». Пессимизмъ грековъ—открытіе Нитцше, одно изъ тѣхъ «поражающихъ откровеній въ области эллинизма», которыя онъ считаетъ доступными только ему одному.

Никогда искусству и художественной дѣятельности не придавалось столь исключительнаго значенія, какъ въ этомъ юношескомъ произведеніи Нитцше. Весь міръ существуетъ только ради искусства, и вся наша жизнь постоянный актъ эстетическаго творчества. Художественное произведеніе и человѣкъ—оба представляютъ собою повтореніе основного акта, изъ котораго возникъ міръ. Только ради художественныхъ цѣлей, «воля» излилась въ этихъ мірахъ, звѣздахъ, тѣлахъ и атомахъ, изъ чего становится ясно, что искусство необходимо не для отдѣльныхъ личностей, а для самой «воли». Эта странная космогонія, изложенная въ «Прибавленіяхъ къ Происхожденію трагедіи», вошла и въ самую книгу; Нитцше, какъ онъ выражается тамъ, «чувствуетъ склонность къ метафизическому предположенію о томъ, что истинно-сущее и первоединое, какъ вѣчно страдающее и полное противорѣчій, нуждается для своего постояннаго освобожденія въ чарующихъ видѣніяхъ и радостныхъ иллюзіяхъ». Въ этихъ словахъ чувствуется вѣяніе пантеизма и уклоненіе отъ Шопенгауера. Въ основѣ всего бытія Нитцше предполагаетъ творческую силу, которая путемъ постоянныхъ созиданій и разрушеній—ибо всякое творчество есть въ тоже время разрушеніе—освобождается отъ страданій и излишка скопляющихся въ ней противорѣчій. Въ этомъ заключается «вѣчная радость, таящаяся за явленіями» и постоянно истекающая изъ «первородной скорби»—т. е. изъ созидательной сущности вещей; къ ней же ведетъ путь черезъ новыя уничтоженія. «Созданіемъ страждущаго, измученнаго

божества казался мнѣ міръ. Сномъ казался мнѣ міръ и поэтической мечтой божества, пестрымъ туманомъ»—такъ опредѣляетъ Заратустра философію, заключенную въ «Происхожденіи трагедіи»; столь фантастичны были идеи Нитцше въ началѣ его дѣятельности.

Уже Шопенгауеръ противопоставлялъ музыку всѣмъ остальнымъ искусствамъ, потому что она не воспроизводитъ явленій, а представляетъ непосредственное отраженіе «воли», метафизическое начало матеріальнаго существованія. Поэтому нельзя ее подводить подъ категорію красоты, и вліяніе ея не основано на привлекательности красивыхъ формъ. Это пониманіе музыки служитъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ эстетическихъ идей Нитцше. Два всемогущихъ эстетическихъ начала господствуютъ, по его мнѣнію, въ природѣ и проявляются въ произведеніяхъ искусства. Нитцше называетъ ихъ по имени греческихъ боговъ, покровителей искусства,—Діониса и Аполлона,—діонисіевскимъ и аполлоновскимъ началами. Въ сущности это—шопенгауеровскія «воля и представленіе», перенесенныя въ эстетику. Въ области художественнаго творчества антагонизмъ этихъ двухъ началъ отражается въ противоположности между необразнымъ діонисіевскимъ искусствомъ—музыкой и пластическими искусствами, которыя Нитцше считаетъ вмѣстѣ съ эпической поэзіей аполлоновскими. Контрастъ между ними онъ объясняетъ еще физіологической аналогіей, сравнивая противоположные художественные міры «опьяненія» и «сна». Оба столь различныя влеченія развиваются параллельно, побуждая другъ друга все къ болѣе и болѣе высокимъ произведеніямъ, до тѣхъ поръ, пока, впервые соединив-

шись, они производятъ аттическую трагедію, это «столь же діонисіевское, какъ и аполлоновское произведеніе искусства». Трагедія возникла изъ дифирамбическаго хора, страстно возбужденной пѣсни, которую пѣли во время плясокъ и процессій въ честь Діониса. Экстазъ порождаетъ у хора видѣнія божества, и онъ въ упоеніи описываетъ свои видѣнія. Сцена и дѣйствіе также понимались первоначально какъ видѣнія. Сценическое искусство при своемъ возникновеніи было «изліяніемъ музыки въ образахъ». Музыка создала изъ себя трагическій миѳъ — это и есть происхожденіе трагедіи изъ духа музыки.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать филологическія основанія этой полумиѳической исторіи трагедіи: какое дѣло философской поэмѣ до филологическихъ основъ. Утвержденіе Нитцше, будто всѣ знаменитые герои греческой сцены были только масками первоначальнаго сценическаго героя Діониса,—причемъ и варваръ Ксеркс тоже оказывается маской греческаго бога—и безъ того настолько же невѣроятно, насколько оно было неизвѣстно самимъ древнимъ, ихъ поэтамъ и философамъ. И откуда Нитцше знаетъ, что великіе трагическіе поэты, въ особенности Эсхилъ, были великими творцами въ музыкѣ, и что ихъ драмы представляютъ только «либретто» къ утраченной музыкѣ? Только «сократизмъ», который впрочемъ предшествовалъ Сократу и является для Нитцше символомъ всѣхъ враждебныхъ искусству стремленій, изгналъ музыку изъ трагедіи—оставивъ только «драматизированный эпосъ», т. е. ту форму драмы, которую Шекспиръ довелъ до высочайшаго совершенства. Кто же серьезно бу-

детъ считать ограниченіе хора и разработку діалога паденіемъ драматическаго искусства, а не согласится скорѣе съ однимъ изъ позднѣйшихъ опредѣленій Нитцше, писавшаго, что «діалогъ есть главная задача драматурговъ вслѣдствіе необыкновенной ясности и опредѣленности, которою онъ долженъ обладать».

Подъ названіемъ діонисіевскаго начала Нитцше сдѣлалъ источникомъ и цѣлью музыки доведенное до крайности страстное возбужденіе. Вслѣдствіе этого онъ искалъ аполлоновскаго противовѣса для того, чтобы смягчить излишекъ возбужденности. «Миѳъ охраняетъ насъ отъ музыки». Можно обойтись безъ этого средства потому, что художественность исполненія сама по себѣ вводитъ увлеченіе въ извѣстные предѣлы и сковываетъ его формами. И когда къ пониманію музыкальныхъ формъ, къ подвижной симметріи ритмовъ и гармоніи тоновъ присоединяются невольно и вслѣдствіе физіологическихъ причинъ страстныя настроенія, то благодаря формамъ они переносятся въ міръ созерцанія и эстетической иллюзіи. Музыка уже сама по себѣ и безъ помощи слова и сцены есть «аполлоновское» искусство: Аполлонъ—единственный богъ искусства.

Всякое искусство, даже трагическое, стремится изобразить страсти не такими, какъ ихъ чувствуетъ непосредственно охваченный ими человѣкъ; оно не стремится также и возбудить аффекты въ душѣ созерцателя до такой степени, чтобы они сдѣлались иллюзіей истиннаго происшествія. Всему, что драматургъ представляетъ въ дѣйствіи, событіямъ и душевнымъ эмоціямъ, онъ придаетъ характеръ отдаленности по времени. Онъ придаетъ изображаемому видъ минувшаго, чтобы оно не могло волновать насъ, какъ

волнуетъ современная дѣйствительность. Это достигается путемъ поэтической разработки матеріала, изображеніемъ вещей такими, какими онѣ явились бы въ воспоминаніи—въ ясномъ, отчетливомъ снѣ, а не въ переживаемой нами дѣйствительности. Воспоминаніе есть именно идеализирующая сила души; все, прошедшее черезъ воспоминаніе, становится чистымъ и прозрачнымъ. Это, вѣроятно, хотѣлъ выразить Шиллеръ въ своей фразѣ (въ письмѣ къ Гете), оставшейся еще безъ надлежащей оцѣнки. «Поэзія», писалъ онъ, «дѣлаетъ все настоящее прошедшимъ и отдаляетъ все близкое при помощи идеализаціи».—Но эстетическое воздѣйствіе не ограничено одной только областью красоты. Есть искусство выразительности, характеристики, изображенія страстей наряду съ искусствомъ, воплощающимъ красоту, вдохновеніе, идеальный типъ. Первое можетъ дѣйствовать диссонансами, уродствомъ, возбужденіемъ ужаса; второе достигаетъ цѣли соразмѣрностью, благозвучіемъ и гармоніей формъ. Вотъ все, что есть истиннаго въ ученіи объ антагонизмѣ діонисіевскаго и аполлоновскаго началъ.

Но не эти эстетическіе вопросы составляютъ главный предметъ книги о «Происхожденіи трагедіи». Изъ своего эстетическаго міросозерцанія, какъ оно излагается въ этой книгѣ, Нитцше выводилъ теорію о нарожденіи новой культуры, которую онъ называетъ «культурой трагическаго міросозерцанія». Главная цѣль его юношескаго произведенія — провозгласить эту новую культуру и вызвать ея проявленіе. Его надежды и мечты обращены на подростающее поколѣніе. Онъ полагаетъ, что достаточно сотни людей, воспитанныхъ и дѣйствующихъ

въ новомъ духѣ, для того, чтобы «уничтожить современную систему образованности»: вѣдь вся культура Возрожденія, по его исторически невѣрному мнѣнію, «вынесена была на плечахъ одной такой сотни людей». Немногаго не доставало, чтобы въ 1873 г. было основано воспитательное заведеніе въ духѣ читанныхъ Нитцше въ Базелѣ лекцій «о будущности нашихъ воспитательныхъ учрежденій». Задачей этого заведенія было бы создать воспитателей для новой культуры. Въ очень обстоятельномъ «обращеніи къ Рихарду Вагнеру» Нитцше рисуетъ образъ «будущаго героя трагическаго міросозерцанія». Это должно было быть «существо, исполненное гнѣвнаго величія, съ гордымъ взглядомъ, отважной волей, боецъ, поэтъ и въ то же время философъ, шагающій такъ, какъ будто бы ему предстояло переступать черезъ чудовищъ и змѣй». Нитцше думалъ о себѣ самомъ, рисуя этотъ образъ. Въ «Происхожденіи трагедіи» новому поколѣнію, о которомъ мечтаетъ Нитцше, приписывается неустрашимость взгляда и героическая склонность къ чрезмѣрному. Ясно, что эти «побѣдители драконовъ» и передовые борцы трагической культуры должны быть въ то же время предвозвѣстниками «сверхъ-человѣка», хотя они еще исповѣдуютъ шопенгауеровскую метафизику. «Мудрость», которую они ставятъ на мѣсто науки, «обращена на совокупность міровой жизни и стремится путемъ любви и состраданія вникнуть въ ея вѣчную скорбь». Потому эти будущіе мудрецы нуждаются въ «искусствѣ, дающемъ метафизическія радости»—въ музыкѣ Рихарда Вагнера. И на будущность этой культуры пессимизмъ также набрасываетъ свою тѣнь. «Отдѣльная личность» (читаемъ мы въ брошюрѣ «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ»), «должна пріобщиться того, что выше всего личнаго. И если все человѣчество должно будетъ когда нибудь умереть (а кто сомнѣвается въ неизбѣжности этой смерти?), то высшая задача его состоитъ въ томъ, чтобы сростись въ одно общее и единое и, какъ нѣчто *цѣльное*, идти *съ трагическимъ пониманіемъ* навстрѣчу предстоящей гибели; эта высшая задача включаетъ въ себѣ развитіе высшаго благородства въ людяхъ. Такъ я это сознаю и чувствую!»

2.

Нитцше—философъ культуры. Большинство его идей относятся къ объясненію культурной задачи человѣчества. Колебанія общихъ взглядовъ Нитцше не касаются этого вопроса; онъ объединяетъ собою отдѣльные періоды его мышленія и стоитъ въ центрѣ его философіи.

Сначала Нитцше отождествляетъ культуру съ *искусствомъ*, «съ единствомъ художественнаго стиля во всѣхъ проявленіяхъ жизни народа»; потомъ онъ видитъ идеалъ культуры въ *познаніи*; наконецъ, цѣлью ея становится *возвеличеніе* человѣческаго типа». И ученіе о нравственности,—самая знаменитая изъ разрушительныхъ теорій Нитцше—подчинено у него культурнымъ задачамъ и можетъ быть вѣрно понято лишь въ связи съ пониманіемъ послѣднихъ. Путь къ возможной въ будущемъ культурѣ, образъ которой представляется его духовному взору, ведетъ, какъ думаетъ Нитцше, поверхъ нынѣ господствующей морали.

Страстный духъ мыслителя не удовлетворился изслѣдованіемъ условій, при которыхъ можетъ возникнуть культура, т. е. «улучшенное физическое состояніе». Съ самаго начала онъ почти безъ колебаній считалъ существенной задачей философа—созиданіе культуры. Создать новый идеалъ культуры и воплотить его въ жизни—такова цѣль его собственной и, какъ онъ думаетъ, всякой истинной философіи. Въ философѣ борятся между собою реформаторъ жизни и судья жизни—говоритъ онъ въ сочиненіи: «Шопенгауеръ какъ воспитатель». А въ «Рих. Вагнерѣ въ Байрейтѣ» онъ заявляетъ, что самый важный вопросъ въ философіи заключается въ томъ, насколько все имѣетъ неизмѣнную форму и образъ; когда же найденъ будетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, тогда «нужно будетъ съ самой неуклонной смѣлостью стремиться къ *улучшенію и исправленію той стороны жизни, которая признана доступной измѣненіямъ*». Подобная же мысль повторена въ болѣе краткой формѣ въ одномъ позднѣйшемъ изреченіи: «философія пользуется желаніемъ бытія для созиданія высшихъ формъ бытія».

Этому своеобразному пониманію задачи философіи и философовъ Нитцше никогда не измѣнялъ; только тонъ, въ которомъ онъ провозглашалъ это пониманіе, сталъ, какъ во всемъ, что онъ писалъ позже, болѣе возбужденнымъ, субъективнымъ и эксцентричнымъ. «Философъ», говоритъ онъ въ книгѣ «За предѣлами добра и зла»,—«это человѣкъ, который постоянно переживаетъ необыкновенныя вещи, видитъ, слышитъ, предполагаетъ необычайное и мечтаетъ о немъ, котораго собственныя мысли поражаютъ какъ особаго рода молніи, какъ нѣчто, явившееся извнѣ, съ высоты или изъ глубины; это

человѣкъ, отмѣченный рокомъ». Эти слова замѣчательны не какъ характеристика философа, а какъ портретъ самого Нитцше. Назначеніе философа требуетъ, чтобы онъ «создавалъ цѣнности». «Настоящіе философы—*повелители и законодатели*. Они говорятъ: *такъ должно* быть. Они опредѣляютъ цѣли и стремленія человѣка, они творческой рукой касаются будущаго. Ихъ познаваніе есть *созиданіе*, ихъ созиданіе—законъ, ихъ жажда истины—желаніе власти». Философія всегда созидаетъ міръ по своему образу и подобію—«иначе она не можетъ поступать; философія воплощаетъ творческій духъ, духовную потребность власти, стремленіе создать міръ, влеченіе къ causa prima». Философъ *необходимый* человѣкъ завтрашняго и послѣзавтрашняго дня; его врагомъ былъ всегда идеалъ «сегодняшняго дня». «До сихъ поръ», продолжаетъ Нитцше, «всѣ эти необыкновенные вожаки человѣчества, называемые философами, видѣли свою задачу въ томъ, чтобы быть карающей совѣстью своихъ современниковъ. Ихъ тайное стремленіе состояло при этомъ въ нахожденіи *новаго* величія въ человѣкѣ, новаго, еще неизвѣданнаго пути къ его возвеличенію». Поэтому философъ—«человѣкъ съ самой громадной отвѣтственностью; въ немъ заключается мѣрило общаго развитія человѣчества». — «Умы, достаточно сильные и самобытные, чтобы создать противоположные критеріи (противоположные тѣмъ, которые теперь въ ходу), и переоцѣнить прежнія цѣнности,—предвозвѣстники, люди будущаго, которые теперь создаютъ средства, чтобы заставить волю тысячелѣтій идти по *новымъ* путямъ»—такъ опредѣляетъ Нитцше этихъ философовъ новаго рода, и самого себя, какъ

принадлежащаго къ этой категоріи философовъ. «Вы должны испытывать блаженство, накладывая печать на цѣлыя тысячелѣтія какъ на воскъ», говоритъ Заратустра. Нитцше называетъ своихъ философовъ двусмысленнымъ именемъ *искусителей*, потому что они приводятъ, стараются склонить къ попыткамъ переустройства всего жизненнаго строя на новыхъ началахъ. Иногда онъ называетъ философа даже *«властнымъ деспотомъ и насильникомъ культуры»*.

Но бывали ли когда нибудь такіе философы? Могутъ ли они быть? Даже въ платоновскомъ государствѣ напрасно стали бы мы искать ихъ. Философы тамъ—цари, а не тираны. То, что «суждено всему человѣчеству», и что растетъ лишь въ медленномъ историческомъ процессѣ, въ постоянномъ взаимодѣйствіи отдѣльной личности и общества,—то здѣсь приписывается силѣ единичной личности или группѣ отдѣльныхъ личностей, которыя должны пасть подъ бременемъ столь огромной отвѣтственности, какъ палъ духъ Нитцше отъ одного представленія объ этой отвѣтственности. Нельзя подумать безъ содроганія о томъ, что Нитцше причислялъ себя къ философамъ, созданнымъ по этому образцу, и что онъ, по свидѣтельству одного его друга, ощущалъ это какъ «влеченіе къ возвышенію человѣчества». То, что создала фантазія Нитцше, на самомъ дѣлѣ не было, какъ онъ полагалъ, образомъ философа, но образомъ генія культуры, поэтическимъ воплощеніемъ созидающихъ культурныхъ силъ, которыя обнимаютъ всю духовную жизнь и съ безсознательной мудростью становятся источникомъ языка и разума, обычаевъ и права, религіи и искусства. Великія историческія личности—руководители, а не созидатели этихъ силъ.

Постараемся однако объяснить происхожденіе этого взгляда на философа какъ на творца культуры и показать, какъ эта идея овладѣла умомъ Нитцше.

Даже безъ объясненій, которыя даетъ самъ Нитцше, самая неровность въ характерѣ его произведеній указываетъ на необходимость раздѣлить ихъ на три группы и различать въ творчествѣ Нитцше три періода философскаго развитія.—Онъ два раза пережилъ самого себя, какъ онъ самъ писалъ Брандесу. «Я уже много разъ прощался, я знаю послѣдніе, разбивающіе сердце часы», говоритъ онъ устами Заратустры.

Изъ трехъ періодовъ, изъ которыхъ первый мы уже отмѣтили, средній въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отраднѣе другихъ, хотя онъ и былъ въ жизни Нитцше лишь паузой и переходнымъ временемъ. Это время его выздоровленія,— умственнаго выздоровленія отъ двойного яда философскаго и музыкальнаго романтизма. И кое-что изъ этого настроенія выздоравливающаго больного вошло въ произведенія того времени. Въ нихъ чувствуется особое оптимистическое настроеніе, когда возрождающіяся къ жизни чувства какъ бы въ первый разъ видятъ окружающее, когда такъ пріятна тихая природа, умѣренное тепло, свѣтлыя, но не рѣзкія краски. Введеніемъ въ этотъ періодъ—Нитцше называетъ его временемъ своего антиромантическаго самоврачеванія—былъ разрывъ съ Шопенгауеромъ и «романтическимъ» пессимизмомъ,—разрывъ съ метафизикой.

Разрывъ этотъ совершился безъ всякаго побужденія извнѣ,—для Нитцше не было даже надобности въ «основномъ положеніи», къ которому пришелъ «одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и холодныхъ мыслителей (Поль Рэ), сказавшій, что духовно человѣкъ не стоитъ ближе къ метафизическому міру, чѣмъ физически». Нитцше говоритъ, что эти слова могутъ служить топоромъ, подрубающимъ въ корнѣ метафизическія потребности человѣка. Въ его многосторонней натурѣ и въ его талантѣ уже заранѣе существовало направленіе, которому стоило только выступить и временно стать господствующимъ, чтобы создать новую эпоху въ его мышленіи. Нитцше уже и прежде отчасти слѣдовалъ этому критическому влеченію своего духа; это видно по многочисленнымъ отдѣльнымъ наброскамъ его юношеской поры и, между прочимъ, по слѣдующему сужденію, одному изъ самыхъ раннихъ, высказанныхъ имъ: «нѣтъ такого вопроса, для рѣшенія котораго необходимо предположить существованіе метафизическаго міра». Теперь же онъ отдался разсудочному пониманію міра съ той исключительностью, которою характеризуется всякій переворотъ его убѣжденій, каждое его «преодолѣваніе». Если вѣрить паѳосу его собственнаго разсказа, то «великое освобожденіе» наступило внезапно, какъ землетрясеніе, неожиданно вырвавшее его изъ сферы, въ которой онъ до того времени «любилъ и молился». При перемѣнѣ убѣжденій Нитцше, его влеченія и антипатіи столь же рѣзко становятся противоположными.

Въ Шопенгауерѣ онъ уже хвалитъ только «твердое пониманіе дѣйствительности», «стремленіе къ ясности и разумности, придающее ему

иногда такой англійскій характеръ» («англійскій» было еще тогда похвалой). Теперь онъ увидѣлъ, какъ могъ бы увидѣть сразу, что Шопенгауеръ, «предполагая все существующее зависимымъ только отъ воли», только утвердилъ на престолѣ «очень древнюю миѳологію». Самый образъ философа затмился для Нитцше, и онъ сталъ относиться къ нему почти враждебно. Онъ видитъ въ характерѣ Шопенгауера «нѣкоторое уродство, проявляющееся въ ненависти, жадности, тщеславіи и недовѣріи». Объ ученіи же Шопенгауера онъ говоритъ теперь, что въ него входитъ много научности, но что Шопенгауеръ не занимается ею, а слѣдуетъ старому, слишкомъ хорошо извѣстному, «метафизическому влеченію».

Произведеніемъ новой эпохи была книга для свободомыслящихъ: «*Человѣчное, слишкомъ человѣчное*» и продолженіе ея: «*Странникъ и его тѣнь*». Яковъ Буркгартъ назвалъ эту книгу «царственной» и говоритъ, что она подняла «независимость мысли на землѣ». Слова, которыми Декартъ славитъ жизнь познающаго, эти простыя и потому столь убѣдительныя слова въ «Разсужденіи о методѣ», могли бы служить предисловіемъ для книги Нитцше. Нитцше тоже полагалъ, когда писалъ эту книгу, что цѣль жизни заключается въ познаніи; созиданіе «великаго интеллекта» онъ считалъ цѣлью культуры. «Жизнь какъ орудіе и средство познанія,—жизнь какъ экспериментъ познающаго,—не какъ долгъ, не какъ судьба, не какъ обманъ»—такъ отвѣчаетъ онъ теперь на вопросъ Шопенгауера: «есть ли вообще смыслъ въ жизни».

Всю важность этого вопроса, всю тяжесть, которой онъ обременяетъ душу, Нитцше могъ понять

только отказавшись отъ всякаго метафизическаго объясненія міра, даже отъ своей собственной эстетико-метафизической теоріи. «Метафизику», говоритъ онъ теперь, «слѣдуетъ назвать наукой, которая занимается основными заблужденіями человѣка, но такъ, какъ будто бы это были основныя истины». Съ раздвоеніемъ міра исчезаетъ возможность какого либо бѣгства изъ него; но если нѣтъ избавленія отъ міра, даже самоизбавленія путемъ искусства, какъ это предполагалось въ «Происхожденіи трагедіи», то приходится остановиться только на томъ бытіи, которое метафизики называютъ «представленіемъ». —«Не міръ самъ по себѣ (als Ding an sich)», заявляетъ Нитцше, «а міръ какъ представленіе (для него это соотвѣтствуетъ заблужденію) полонъ значенія, глубокъ, чудесенъ, таитъ въ своихъ нѣдрахъ счастье и несчастье». — Эта новая философія Нитцше имѣетъ нѣчто общее съ ученіемъ Гераклита. Она обращена на процессъ развитія и на то, что образуется, и цѣль ея — претворить предметы и матерію въ движеніе и дѣйствіе. «Матерія есть такое же заблужденіе какъ богъ элеатовъ», говоритъ онъ въ «Утренней Зарѣ».

Ставъ «свободомыслящимъ», Нитцше остался художникомъ. Онъ, въ сущности, не излагаетъ философіи атеизма и позитивизма, а рисуетъ образъ свободомыслящаго философа, носящаго «знамя съ именами Петрарки, Эразма, Вольтера». Онъ рисуетъ его характеръ, его настроенія, изображая такимъ образомъ психологію познающаго ума, для котораго мысли являются переживаніями. «Свободное безстрашное пренебреженіе людьми, обычаями, законами, общепринятой оцѣнкой вещей — также радость познающаго».

«Счастье познающаго увеличиваетъ красоту міра». Въ книгѣ «Странникъ и его тѣнь» это счастье описывается слѣдующимъ образомъ: «покой, величіе, солнечный свѣтъ—эти три блага составляютъ все, чего желаетъ мыслитель и чего онъ требуетъ также и отъ себя. Имъ соотвѣтствуютъ во-первыхъ *возвышающія* мысли, во-вторыхъ *успокаивающія*, въ третьихъ—*просвѣтляющія*, въ четвертыхъ же—мысли, совмѣщающія всѣ эти три качества, мысли, въ которыхъ наступаетъ просвѣтлѣніе всего земного: онѣ составляютъ царство, гдѣ правитъ велікая *троица радости*. Но эта *свобода духа* можетъ стать удѣломъ только *облагороженнаго человѣка*; только его одного коснется «облегченіе жизни»; только онъ первый сможетъ сказать, что онъ живетъ для «радостности» и не имѣетъ никакой дальнѣйшей цѣли. Во всякихъ другихъ устахъ его девизъ: «*Во мнѣ миръ и благоволеніе всѣмъ ближайшимъ ко мнѣ*» былъ бы опаснымъ. Наше время все еще время единичныхъ личностей».

Трудно рѣшить, насколько глубоко Нитцше былъ на самомъ дѣлѣ проникнутъ настроеніями и мыслями, которыя онъ излагалъ съ такимъ видимымъ мастерствомъ, доставлявшимъ радость ему самому. Трудно сказать, что здѣсь искренно, что было только маской. Несомнѣнно только, что его сужденія и оцѣнки въ этотъ періодъ интеллектуализма становятся противоположными прежнимъ. Наукѣ онъ отдаетъ предпочтеніе передъ искусствомъ и считаетъ выработку метода однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ научныхъ изслѣдованій. Мѣсто «древнихъ грековъ»—пессимистовъ и вагнеріанцевъ до Вагнера, которыми Нитцше прежде такъ восторгался, самъ же создавъ ихъ,—зани-

мают теперь аѳиняне временъ Софокла и послѣ него: «ихъ аристократическая привилегія заключалась въ соединеніи трезвости ума и граціи». Даже въ отношеніи къ Сократу, съ которымъ онъ прежде всегда воевалъ, Нитцше высказываетъ теперь пониманіе и сочувствіе. Онъ называетъ его «самымъ простымъ и незабвеннымъ мудрецомъ срединности», обладающимъ «веселымъ искусствомъ серьезности» и «мудростью, полною шутливыхъ выходокъ». «Придетъ время», говоритъ онъ, «когда для нравственнаго и умственнаго развитія Memorabilia Сократа будутъ считаться болѣе полезными, чѣмъ библія». Отношеніе къ искусству тоже измѣнилось. Нитцше обнаруживаетъ теперь склонность къ тому, что исполнено мѣры и просто величія, къ здоровому, словомъ къ классическому въ искусствѣ. Онъ высоко ставитъ ясность діалога въ драмѣ и видитъ «самую трудную и высокую задачу художника въ изображеніи неизмѣннаго, успокоеннаго въ самомъ себѣ, высокаго, простого, далекаго отъ исканій исключительности».

«Высшія воплощенія нравственнаго совершенства кажутся болѣе слабымъ художникамъ непригодными для искусства. — Изображеніе самаго *великаго* по духу человѣка, т. е. самаго *простого* и вмѣстѣ съ тѣмъ *цѣльнаго* было не по силамъ ни одному художнику; изъ всѣхъ людей до сихъ поръ одни только греки, быть можетъ, обнаружили наиболѣе широкое пониманіе въ созданномъ ими *идеалѣ Аѳины*». Таково отношеніе Нитцше къ искусству въ этотъ періодъ.

Еще значительнѣе противоположность между этико-философскими взглядами Нитцше въ этотъ и позднѣйшіе періоды. Онъ несомнѣнно находился подъ вліяніемъ Поля Рэ, когда сталъ одно время отстаивать принципъ утилитаризма въ нравственности и даже находилъ возможность хвалить Гельвеція. Онъ считаетъ *доказаннымъ*, что вначалѣ безкорыстные поступки считались похвальными и прекрасными ради своей общеполезности, и утверждаетъ, что поступки, основной мотивъ которыхъ, т. е. ихъ утилитарность, былъ впослѣдствіи забытъ, стали называться *нравственными*. — Въ «Происхожденіи нравственности» онъ уже относится съ пренебреженіемъ къ этой теоріи забвенія, онъ ставитъ ей въ упрекъ ея психологическое противорѣчіе самой себѣ. «Развѣ», спрашиваетъ онъ, «это забвеніе *возможно?* Развѣ полезность такихъ поступковъ когда нибудь прекращается?» На самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ противоположное; эта полезность всегда была на виду; ее постоянно наново подмѣчали и выставляли на видъ. Морали жалости, этой инстинктивной морали, которая «не имѣетъ головы и состоитъ какъ бы только изъ сердца и подающихъ помощь рукъ» противопоставляется не мораль властной воли, какъ инстинктъ инстинкту, а «мораль разсудка». Послѣднюю Нитцше считалъ въ разсматриваемый нами періодъ его дѣятельности высшей и послѣдней ступенью нравственности; какъ таковую онъ считаетъ ее выше всѣхъ кажущихся побужденій нравственности. Разумѣніе заступаетъ мѣсто «слѣдованія нравственнымъ чувствамъ». «Сократъ и Платонъ правы: человѣкъ всегда поступаетъ хорошо соотвѣтственно степени его пониманія, состоянію его умственныхъ силъ». Созидателемъ нравственнаго критерія является еще пока не отдѣльная личность, а по собственному выраженію Нитцше, «коллектив-

ная индивидуальность»—общество, государство, которое «подчиняетъ себѣ единичную личность, «вырываетъ ее изъ отдѣльнаго существованія и включаетъ ее въ союзъ».

«Такимъ образомъ только создается почва для всякой морали», говоритъ Нитцше. Впослѣдствіи онъ вооружался всѣми словами и орудіями страсти противъ соціальной морали, называя ее «стадной моралью». Теперь же, чтобы согласить принципъ собственности съ идеей справедливости, онъ выставляетъ еще требованіе, чтобы «справедливость во всемъ увеличивалась, а инстинктъ къ захвату власти ослабѣвалъ». «Лучше погибнуть, чѣмъ ненавидѣть и бояться», восклицаетъ онъ въ книгѣ «Странникъ и его тѣнь», и «*вдвое лучше погибнуть, чѣмъ внушать ненависть и страхъ*» — это должно стать главнымъ принципомъ всякаго отдѣльнаго общества! Подобно Ломброзо, Нитцше видитъ въ жестокихъ людяхъ слѣды атавизма и называетъ ихъ *людьми прежнихъ культурныхъ эпохъ*. «Это—отставшіе люди, мозгъ которыхъ не такъ тонко и многосторонне развитъ; они показываютъ намъ, чѣмъ мы всѣ *были*». Инстинктъ и чувство въ своемъ значеніи для культуры также подвергаются у Нитцше теперь иной оцѣнкѣ, совершенно противоположной его позднѣйшимъ сужденіямъ. Пониманіе чувствъ какъ чего-то окончательнаго, коренного, теперь вполнѣ отвергается. «За чувствами скрываются сужденія, которыя мы только наслѣдуемъ въ формѣ чувствъ. Внушеніе, исходящее изъ чувства, является уже внукомъ сужденія — и часто ложнаго», объясняетъ Нитцше въ «Утренней Зарѣ» и продолжаетъ свой вычурный образъ, говоря, что «довѣрять своему чувству, значитъ слушаться своего дѣда и своей бабушки и ихъ родителей болѣе, чѣмъ боговъ, скрытыхъ въ насъ самихъ, т. е. нашего собственнаго разума и опыта». Въ исчезновеніи насилія, въ ослабѣваніи инстинктовъ, Нитцше также видѣлъ тогда признаки и результаты высшей культуры. Какъ далеко отошелъ онъ въ этихъ разсужденіяхъ отъ исходной точки, къ которой онъ снова вернулся въ основномъ положеніи своего позднѣйшаго ученія: «все доброе инстинктивно!» Какъ далеко онъ ушелъ отъ своей собственной основной натуры!

Періодъ раціонализма, т. е. «просвѣтленія» путемъ разума, былъ для Нитцше временемъ мрака—по его собственному прекрасному сравненію съ зимними днями на сѣверѣ; «солнце будущности человѣчества на время померкло для него». «Слишкомъ многое прояснилось для меня и уже не касается меня. Есть ли у меня еще какая-нибудь цѣль? Есть ли пристань, гдѣ остановится мой корабль? Что еще осталось во мнѣ? Усталое и дерзкое сердце, непостоянная воля, порхающія крылья, разбитая спина... Опасность твоя не малая, *о свободомыслящій и странникъ!* Ты утратилъ цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ—потерялъ и дорогу». Такъ говоритъ онъ устами Заратустры объ этомъ періодѣ и его настроеніяхъ, какъ онъ ихъ понималъ и чувствовалъ впослѣдствіи.

Культура ума, называемая просвѣщеніемъ, даетъ отрицательные результаты: она дѣлаетъ человѣка свободнымъ и самостоятельнымъ, но не объясняетъ ему цѣли его свободы. «Оказалось невозможнымъ основать культуру на знаніи», писалъ Нитцше въ своей юности. Потомъ онъ въ продолженіе нѣкотораго времени

какъ будто сталъ вѣрить въ возможность чисто научной культуры: но въ сущности онъ въ ту же минуту сталъ стремиться подняться выше раціонализма, какъ только пришелъ къ нему. Преодолѣвъ метафизику, онъ счелъ необходимымъ сдѣлать «шагъ назадъ», чтобы понять «историческое и психологическое основаніе метафизическихъ представленій и узнать, откуда явились высшія требованія человѣчества; безъ этого «шага назадъ» мы лишились бы, по его мнѣнію, пониманія лучшихъ результатовъ культурнаго прошлаго людей».

«Самое лучшее въ насъ», заявляетъ онъ, «быть можетъ, унаслѣдовано отъ ощущеній прежнихъ временъ. Солнце уже зашло; но небо нашей жизни еще озарено имъ, хотя мы его не видимъ».—Кто не согласится съ тѣмъ, что въ этихъ словахъ отразилось одно изъ самыхъ распространенныхъ настроеній нашего времени.

Переходя отъ времени, когда написано было «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» къ періоду «Заратустры», слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Нитцше къ наукѣ и «научной» философіи.

Истиннымъ раціоналистомъ Нитцше никогда не былъ. Во всѣхъ философскихъ теченіяхъ, къ которымъ онъ примыкалъ, онъ шелъ далѣе ихъ непосредственной цѣли; такъ онъ поступилъ и относительно раціонализма, считая это путемъ къ «преодолѣнію» даннаго строя мысли. «Это еще далеко не *свободные* умы», иронически замѣчаетъ онъ (въ «Происхожденіи нравственности») — *ибо они еще вѣрятъ въ правду*». Его «свободное отрѣшеніе отъ обычной оцѣнки вещей» привело его къ пренебреженію логикой и ея

принципами, а отказываясь отъ вѣры въ логику и разумъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказывался и отъ раціонализма. Наука требуетъ для своихъ изслѣдованій общаго значенія и примѣненія, и слѣдовательно безличности, — а между тѣмъ у Нитцше нѣтъ фразы, которая не имѣла бы личнаго отпечатка—черты его собственной натуры. Нитцше умѣетъ на словахъ хвалить «методъ»; самъ же онъ дѣйствуетъ какъ Заратустра: тамъ, гдѣ онъ могъ *угадать*, его нетерпѣливый духъ ненавидѣлъ *дѣлать выводы*. Могла ли «новая привычка разумѣнія, не любви, не злобы, объективности», привычка, укореняемая наукою, сдѣлаться его второй натурой, если ей противорѣчила его основная натура со всѣми ея свойствами? Къ познанію и его задачамъ Нитцше тоже относился какъ художникъ. «Что заставляетъ насъ вообще предполагать, что между *истиннымъ* и *ложнымъ* есть существенное противорѣчіе»—спрашивалъ онъ. «Не достаточно ли предположить, что есть ступени мнимаго, какъ бы болѣе свѣтлые и болѣе темные общіе тона кажущагося - различные нюансы, говоря языкомъ живописцевъ.» Нитцше хочетъ, чтобы познаваніе вызывало въ немъ эмоціи; онъ ждетъ отъ мыслей, чтобы онѣ поражали его своею неожиданностью. Его тянетъ къ приключеніямъ въ области разума, къ странному, отдаленному, опасному: онъ ищетъ того, что въ познаніи «причиняетъ боль», какъ новое возбужденіе, исходящее изъ него. «Любопытный до порока, искатель до жестокости» называлъ онъ самого себя и предсказывалъ, что ему будутъ приписывать и ставить въ заслугу «излишества честности». Прозвище «донъ-Жуанъ познанія» не только имъ придумано, но отчасти и для него самого. И

тотъ же мыслитель, который не боялся изреченія: «наши высшія проникновенія должны—и будутъ—звучать какъ глупости, иногда даже какъ преступленія»,—обнаруживаетъ во второмъ періодѣ своего творчества сильное и спокойное настроеніе, когда онъ возвеличиваетъ то, чего ему не достаетъ, и когда его влеченіе золотитъ то, чего онъ уже не могъ достигнуть: ореолъ мудрости и старости. «Та же жизнь, которая достигаетъ вершины въ старости, достигаетъ ее и въ мудрости, въ мягкомъ солнечномъ сіяніи постоянной духовной радости и обѣихъ—старость и мудрость—ты встрѣчаешь на томъ же хребтѣ жизни—такъ хотѣла этого природа. Къ свѣту твое послѣднее движеніе; ликованіе познанія—твой послѣдній звукъ».

Впослѣдствіи Нитцше видѣлъ въ жизни ради познанія только искаженіе «аскетическаго идеала», «лазейку къ небытію», къ побѣгу отъ самого себя, къ избавленію отъ воли, въ этомъ смыслѣ онъ предполагалъ въ «Переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей» назвать философію «нигилистическимъ движеніемъ».

3.

Новый періодъ, въ который мы вступаемъ съ «Заратустрой», соединяетъ непосредственно предшествующій съ первымъ періодомъ юношеской философіи Нитцше, и, говоря языкомъ Гегеля, «снимаетъ» ихъ оба, дѣлая ихъ своими моментами. Онъ является союзомъ романтизма и позитивизма. «Заратустра», который провозглашаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ воплощаетъ въ себѣ сверхъ-человѣка, является философомъ, художникомъ и свободомыслящимъ въ одномъ лицѣ; недоставало только третьяго элемента «генія», какъ онъ рисовался въ юношескомъ идеалѣ Нитцше,—«святости»; Нитцше отвергнулъ «святого» въ философіи, когда отказался отъ шопенгауеровской метафизики. Мѣсто святого занимаетъ теперь нравственный или, вѣрнѣе, сверхнравственный геній—властелинъ своей воли, могущественно-знатный человѣкъ.

Одну руководящую мысль Нитцше перенесъ изъ прежней эпохи въ новую—истинно просвѣтительную мысль о томъ, что исторію возможно и потому необходимо начать сызнова,—необходимо «дѣлать исторію». Эта идея коренится еще гораздо глубже,—въ его юношескомъ періодѣ. «Создайте въ васъ самихъ образъ, которому должно отвѣчать будущее, и перестаньте считать себя эпигонами!» говоритъ онъ въ «Несвоевременномъ разсужденіи о пользѣ и вредѣ исторіи» сподвижникамъ, которыхъ вербуетъ для себя. И въ отдѣльныхъ наброскахъ, относящихся къ тому времени, онъ говоритъ о «влеченіи» «дѣлать исторію *полною смысла*». Болѣе опредѣленной эта идея становится только во второмъ періодѣ. Нитцше видитъ *счастье нашего времени* въ томъ, что мы въ пропедшемъ наслаждаемся всѣми культурами и питаемся «благороднѣйшей кровью всѣхъ временъ», между тѣмъ какъ «въ отношеніи къ будущему намъ въ первый разъ въ исторіи открывается безконечная перспектива человѣчески-вселенскихъ цѣлей, охватывающихъ всю обитаемую землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы чувствуемъ въ себѣ достаточно силы, чтобы взять на себя эту новую задачу, не нуждаясь въ помощи сверхъестественнаго». Съ исчезновеніемъ вѣры въ сверхъестественное, исчезла и зависимость

людей; человѣкъ отнынѣ ищетъ опоры въ себѣ самомъ. «Мы не должны отдавать отчета никому, кромѣ самихъ себя: *человѣчество можетъ отнынѣ поступать, какъ ему захочется*».

Нитцше еще не подозрѣвалъ тогда, что эта фраза, въ которой онъ просмотрѣлъ силы, внутренно связывающія человѣка, станетъ для него роковой. Онъ еще не былъ охваченъ тогда «цезаревскимъ трепетомъ» и не считалъ себя и только себя одного предназначеннымъ къ созиданію новой культуры. Хотя созиданіе культуры уже сдѣлалось для него сознательнымъ, намѣреннымъ дѣломъ, но онъ еще не считалъ его дѣломъ единичной личности, и путемъ къ этой цѣли считалъ еще науку.— «Люди могутъ сознательно продолжать новый культурный путь, по которому они прежде шли безсознательно и случайно. Эта новая *сознательная* культура убиваетъ старую, которая, если ее разсматривать въ цѣломъ, была безсознательной животной и растительной жизнью. Пониманіе условій культуры, какъ научнаго критерія для универсальныхъ цѣлей—вотъ громадная задача великихъ умовъ будущаго вѣка».

Точно такъ же какъ просвѣтительное движеніе было европейскимъ событіемъ, міросозерцаніемъ, перешедшимъ отъ одной великой націи къ другимъ и объединившимъ всѣ націи въ одномъ общемъ культурномъ союзѣ,—такъ и культурная задача, которую выдвинулъ теперь Нитцше, сдѣлалась общеевропейскою—понимая Европу не какъ географическое обозначеніе. «О германскомъ возрожденіи эллинизма» уже нѣтъ болѣе рѣчи; эта и другія «блаженныя надежды», которыя Нитцше въ молодости возлагалъ на германскій духъ, кажутся ему теперь ограниченными, преждевременными, происходящими изъ незрѣлыхъ желаній и недостаточнаго опыта; онъ отказался отъ нихъ тогда же, когда порвалъ съ Вагнеромъ.

Начать исторію наново—значитъ отрицать исторію, желать уничтожить ея вліяніе. Но развѣ это возможно, когда мы до послѣдней клѣточки нашего физическаго и духовнаго строя—существа, живущія исторіей? Какъ бы высоко мы ни цѣнили могущество великихъ индивидуальныхъ силъ и значеніе сознательнаго почина, въ особенности въ періоды культурнаго обновленія—все-таки приходится поставить выше могущество историческаго и традиціоннаго элемента. Кромѣ того, самыя эти силы заимствуютъ свою власть изъ накопленной энергіи прежнихъ культуръ. Желаніе импровизировать культуру, создать ее непосредственно изъ сырого матеріала стихійныхъ энергій—а Нитцше несомнѣнно отчасти имѣлъ это желаніе—лишено историческаго основанія, и потому недѣйствительно и неосуществимо. По мудрому совѣту Гете, нужно соединять созидательный элементъ съ историческимъ, какъ для собственнаго развитія, такъ и для содѣйствія общему развитію; можно сказать, что прогрессивный консерватизмъ опредѣляетъ ходъ развитія органической натуры и продолженіе этого развитія въ исторіи человѣчества.

Въ своей вѣрѣ въ будущность человѣчества, въ стремленіи содѣйствовать культурѣ, которая должна поднять типъ человѣка, Нитцше нашелъ то, чего не могъ бы дать никакой раціонализмъ, т. е. замѣну религіи. Уже рано мысли его направлены были къ этой цѣли. «Не ищите пристанища въ метафи-

зикѣ и дѣйствуйте на пользу *развивающейся культуры*», восклицаетъ онъ, обращаясь, между прочимъ, и къ самому себѣ: «не въ *познаваніи*, а въ *созиданіи* лежитъ наше спасеніе!» Онъ беретъ на себя самого задачу, которую прежде ставилъ поэту, требуя отъ него, чтобы онъ предвидѣлъ *возможное*, былъ бы путеводителемъ будущаго, далъ бы намъ предвкусить будущія добродѣтели и продолжить поэтическую мечту о прекрасномъ и великомъ человѣческомъ образѣ. Онъ «аргонавтъ идеала», и какъ бы онъ могъ удовлетвориться теперешнимъ человѣкомъ, если у него передъ глазами видѣніе «неоткрытой еще страны», «страны, которая лежитъ за предѣлами всѣхъ существующихъ до сихъ поръ областей и уголковъ идеала». Вѣра въ «сверхъ-человѣка» замѣняетъ ему вѣру въ «сверхъ-человѣчное». Сила его словъ никогда не достигала большей высоты, паѳосъ его никогда не былъ увлекательнѣе, чѣмъ въ изреченіяхъ и пророчествахъ Заратустры о «высшей надеждѣ», о людяхъ будущаго, о новомъ утрѣ. «Есть тысячи дорогъ, по которымъ еще никто не шелъ; тысячи здоровыхъ натуръ и скрытыхъ острововъ въ жизни. Все еще не исчерпаны и неизслѣдованы и человѣкъ, и человѣческая земля. — Жизнь хочетъ строиться вверхъ и выдумываетъ столбы и ступени; вдаль она хочетъ глядѣть на блаженную красоту. Жизнь хочетъ подняться и поднимаясь побѣждать себя. Я хожу среди людей какъ среди будущаго того будущаго, которое я вижу.— Вы должны любить вашу *страну дѣтства* — неоткрытую, лежащую въ далекомъ морѣ! И пусть ищутъ и ищутъ ее ваши корабли. О, какъ много морей вокругъ меня, сколько зажигающихся человѣческихъ

жизней! Какъ многое еще возможно! самое далекое для человѣка, самое глубокое, самое высокое, звѣздоподобное—его безграничная сила!»

Въ книгѣ «За предѣлами добра и зла» о будущемъ философѣ говорится, что онъ «однимъ взглядомъ обнимаетъ все то, что при благопріятномъ накопленіи и ростѣ силъ и задачъ можно было бы взростить въ человѣкѣ; онъ знаетъ всей своей способностью знать и сознавать, *насколько человѣкъ еще неисчерпанъ для великихъ возможностей*». Задача его заключается въ томъ, чтобы «показать», что будущность человѣка *въ его волѣ*, зависима отъ воли людей.» Такова задача Нитцше, его программа, его судьба.

Путь къ будущему, къ созиданію болѣе совершеннаго человѣчества ведетъ не отъ современнаго культурнаго человѣка, а отъ тѣхъ первородныхъ силъ и стремленій, которыя въ немъ еще не укрощены и не ослаблены; источникъ будущаго въ томъ, что въ человѣкѣ осталось природнаго, не смотря на культуру.

Подобно Ж.-Ж. Руссо, Нитцше проповѣдуетъ возвратъ къ природѣ, т. е. къ инстинктамъ. Но этотъ возвратъ долженъ былъ стать въ сущности шествіемъ «вверхъ,—къ свободной, высокой, даже страшной природѣ и естественности». Представленіе Нитцше о природномъ состояніи противоположно пониманію Руссо. Оно отмѣчено дарвинизмомъ, или, еще вѣрнѣе, оно отвѣчаетъ стремленію натуры Нитцше къ сильному, твердому, жестокому—ко всему, что закаляетъ и вооружаетъ волю. Ибо ничто не было ему болѣе ненавистно, чѣмъ «постыдная современная разслабленность чувства». Его представленіе о

первобытномъ человѣкѣ также одна только фантазія, но его воинственный сонъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ чувствительная идиллія Руссо. Послѣдній не умѣлъ объяснить, почему человѣкъ вышелъ изъ естественнаго состоянія, которое онъ считалъ райскимъ, и оттого допускалъ въ прошломъ человѣчества своего рода грѣхопаденіе, — паденіе въ культуру. Нитцше говоритъ (въ «Происхожденіи нравственности») о *насильственномъ* разрывѣ человѣка съ его животнымъ прошлымъ, о прыжкѣ, который перенесъ человѣка въ новыя состоянія и условія жизни. Какъ исходный пунктъ, такъ и цѣль обоихъ философовъ лежатъ на противоположныхъ полюсахъ культуры. Руссо начинаетъ съ свободнаго равенства въ лѣсахъ и кончаетъ равенствомъ рабовъ въ государствѣ. Нитцше исходитъ изъ неравенства расъ и людей, изъ «глубокой какъ пропасть розни классовъ между человѣкомъ и человѣкомъ» и желаетъ, чтобы въ будущемъ эта пропасть еще болѣе увеличивалась. Разницу между расами, между прирожденнымъ «господиномъ» и «рабомъ» по опредѣленію судьбы, онъ понимаетъ слишкомъ абсолютно, какъ родовое различіе, а не просто разницу степени.

По своей геніальной страстности Нитцше не уступаетъ Руссо, а по силѣ и мастерству языка, быть можетъ, даже превосходитъ его. Нитцше—антиподъ и въ тоже время духовный братъ Руссо; это Руссо нашего времени.

Нитцше признаетъ только культуру, созданную «великими индивидуальностями», людьми обособленными по своей натурѣ. Для него несомнѣнно, что не только культура создается отдѣльными властными

личностями, но что она въ сущности только и существуетъ для большихъ натуръ, поскольку ея главное назначеніе заключается въ томъ, чтобы способствовать дальнѣйшему появленію этихъ «истинныхъ людей». Въ этихъ двухъ положеніяхъ заключаются основныя мысли Нитцше о культурѣ. Первое изъ нихъ констатируетъ историческій фактъ и потому можетъ быть провѣрено; второе заключаетъ исключительное преклоненіе передъ «геніемъ», которое становится преувеличеннымъ культомъ.

«Всякое созиданіе новой культуры совершается сильными передовыми натурами», объявляетъ Нитцше и для той же мысли находитъ еще болѣе рѣшительное выраженіе: «въ народѣ мы всегда находимъ оставшіеся слѣды прошедшихъ мимо львиныхъ натуръ: въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ— повсюду толпа подчинилась вліянію отдѣльныхъ личностей». Для культуры, какъ и для войны, нужны «великіе вожди, и всякое развитіе начинается съ послушанія». Эти сужденія Нитцше не отличаются существенно отъ «культа героевъ» Карлейля. Они сходятся еще и во многомъ другомъ, и слова Заратустры— «человѣческое общество есть не что иное, какъ попытка—долгое исканіе: оно ищетъ своего повелителя» звучатъ почти какъ цитата изъ Карлейля. Исторія, повидимому, въ значительной мѣрѣ оправдываетъ эту теорію. Всякій разъ, когда появлялся новый культурный центръ, являлась и личная энергія, производившая идейный водоворотъ; почти каждый народъ хранитъ въ своей памяти и чтитъ имена созидателей своей культуры, имена Конфуція, Зороастра, Моисея,—и даже изъ глубины доисторическихъ преданій и легендъ звучатъ смутныя воспоминанія о великихъ

людяхъ прошлаго. Но исторія ничего не говоритъ о связи между народомъ и отдѣльными личностями. Поскольку послѣдніе не могли бы ничѣмъ стать безъ народа, материнскаго нѣдра, изъ котораго вышли всѣ ихъ качества, постольку и народъ не могъ бы быть безъ нихъ ничѣмъ цѣльнымъ, объединеннымъ религіей, обычаями и правомъ. Карлейль видѣлъ эту связь между героемъ и толпой; Нитцше не хотѣлъ ея видѣть—народъ для него лишь «обходъ, который дѣлаетъ природа, чтобы создать шесть, семь великихъ людей—и потомъ обвести кругъ вокругъ нихъ». «Великіе люди», говоритъ онъ, «необходимы; время, когда они появляются — случайно».

«Ни государство, ни народъ, ни человѣчество не существуютъ ради самихъ себя, а только ради своихъ вершинъ; цѣль заключается въ великихъ индивидуальностяхъ—а эта цѣль поднимается *надъ* человѣчествомъ. Изъ всего этого ясно, что геній существуетъ не ради человѣчества, хотя онъ составляетъ его вершину и конечную цѣль» — писалъ Нитцше (въ пространномъ «Обращеніи къ Вагнеру»): и въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ онъ неустанно варіировалъ ту же мысль. «Цѣль человѣчества не въ его конечныхъ результатахъ, а лишь въ его высшихъ типахъ». «Человѣчество должно постоянно стремиться къ созданію отдѣльныхъ великихъ личностей; только это, а не что либо иное, составляетъ его задачу». «Цѣль культуры въ томъ, чтобы способствовать появленію истинныхъ людей, и ни въ чемъ иномъ». Тутъ же встрѣчаются даже наброски теоріи сверхъ-человѣка: «въ сущности весьма понятно, что цѣль развитія даннаго вида находится

тамъ, гдѣ этотъ видъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ развитія и переходитъ въ высшій», говоритъ Нитцше въ книгѣ «Шопенгауеръ какъ воспитатель». — «Я ищу не счастливыхъ періодовъ въ исторіи,» (гласитъ одно мѣсто въ неизданныхъ матеріалахъ) «а такихъ, которые были благопріятной почвой для нарожденія генія. Самая высшая потеря, какую можетъ претерпѣть человѣчество, это неосуществленіе высшихъ типовъ въ жизни».

Высшимъ стремленіемъ культуры Нитцше считаетъ (въ неизданныхъ матеріалахъ) подготовленіе и созиданіе генія. Онъ думаетъ объ «образованіи центра человѣчества» для этой цѣли и вѣритъ въ «счастливыя изобрѣтенія, которыя помогутъ воспитать великую человѣческую личность совершенно иначе и въ еще болѣе высшемъ смыслѣ, чѣмъ она воспитана была случайными обстоятельствами». «Есть еще надежды», говоритъ онъ, «для человѣчества въ созиданіи и взращиваніи великихъ людей». Въ этихъ фразахъ замѣтны слѣды поверхностнаго изученія Дарвина. Въ книгѣ «Шопенгауеръ какъ воспитатель» задача культуры также опредѣляется въ смыслѣ созиданія генія или, какъ онъ тамъ называется, «философа, художника и святого въ насъ и внѣ насъ»; это Нитцше называетъ содѣйствіемъ совершенствованію природы. Достаточно для опроверженія этого напомнить о словахъ Гете, на которыя Нитцше самъ указываетъ: «Горе, когда человѣкъ стремится къ чему нибудь, съ чѣмъ онъ не можетъ соединить правильной самостоятельной дѣятельности». Мы не знаемъ условій, нужныхъ для того, чтобы воспитать геній, и даже сомнѣваемся, требуется ли для его воспитанія особое искусство;

еще менѣе извѣстны намъ условія его возникновенія. Наслѣдуется ли геній? Опытъ, повидимому, заставляетъ предполагать противоположное. «Великій человѣкъ — *заканчивающее* звено» — долженъ былъ сознаться самъ Нитцше.

Но этотъ геній, вершина и конечная цѣль культуры, претерпѣваетъ всѣ колебанія и переходы философскихъ взглядовъ Нитцше. Вначалѣ онъ считаетъ геніемъ того, кто умѣетъ *цѣнить* жизнь и *отрицать*: онъ вѣренъ философіи Шопенгауера. Но такъ какъ по дальнѣйшимъ теоріямъ Нитцше отъ жизни нѣтъ спасенія, а напротивъ того, жизнь безчисленное множество разъ возвращается среди «вѣчнаго повторенія» *той же самой* жизни, то всѣ нравственныя поученія и стремленія отрицать жизнь являются не только безсмысленными, но достойными порицанія. Отрицающій жизнь и покоряющій ее «отшельникъ и святой» становится принимающимъ жизнь «діонисіевскимъ» геніемъ и героемъ, который мирится съ жизнью даже въ томъ, что въ ней есть «самаго чуждаго и тяжелаго». Жизненная энергія, напряженная до крайности — вѣрнѣе даже слишкомъ напряженная—вслѣдствіе противодѣйствія жизни человѣку—таково послѣднее слово культурнаго идеала Нитцше.

4.

Культура не можетъ обойтись безъ сильныхъ страстей; это, по мнѣнію Нитцше, тѣ силы, которыя подготовляютъ ей почву. «Преслѣдуйте и мучьте людей!»—такъ говоритъ у него исторія страстямъ, зависти, ненависти и соревнованію—«доводите ихъ до крайности! возбуждайте однихъ противъ другихъ, народъ противъ народа. Когда воспламенится могучая энергія, зажженная страстями, тогда, быть можетъ, изъ отлетающей въ сторону искры вспыхнетъ свѣтъ генія». «Тотъ, кто постигъ бы, какъ развивается геній и какимъ способомъ дѣйствуетъ обыкновенно природа, производя его, и кто хотѣлъ бы примѣнить этотъ способъ на дѣлѣ, тотъ сталъ бы такимъ же злымъ и безпощаднымъ, какъ природа». «Теплое сочувствующее сердце» не знаетъ, чего оно желаетъ, когда требуетъ уничтоженія насильственности; его собственная теплота происходитъ изъ пламени тѣхъ самыхъ страстей, которыя оно хочетъ погасить. «Мудрецъ, который произноситъ сужденіе о жизни, становится тѣмъ самымъ *надъ добротой* и разсматриваетъ ее какъ нѣчто такое, что слѣдуетъ принимать во вниманіе только при общей оцѣнкѣ жизни». Таковы мысли, которыя привели Нитцше отъ его пониманія культуры къ этическимъ взглядамъ. Нитцше самъ преклонялся передъ этою нравственностью, когда находился подъ вліяніемъ Шопенгауеровскаго ученія о жалости. Правда, уже въ наброскахъ къ «Происхожденію трагедіи» онъ высказываетъ «жестокую истину» о томъ, что «*рабство составляетъ существенную часть культуры*», но онъ прибавлялъ тогда, что эта «истина не оставляетъ сомнѣнія относительно абсолютной цѣнности бытія. Она—тотъ коршунъ, который терзаетъ печень культурныхъ Прометеевъ». Впослѣдствіи рабство было для него уже не отрицательнымъ доводомъ, а только «условіемъ всякой высшей культуры, всякаго возвышенія культуры», причемъ, однако,

онъ говоритъ ограничительно «о рабствѣ въ одномъ какомъ нибудь отношеніи». «Всякое возвышеніе человѣческаго типа», говоритъ онъ въ книгѣ «За предѣлами добра и зла», «было до сихъ поръ дѣломъ аристократическаго общества—и всегда будетъ результатомъ усилій общества, которое вѣритъ въ длинную лѣстницу ранговъ и отличій между людьми, и которое въ *какомъ нибудь отношеніи* нуждается въ рабствѣ». Въ связи съ этимъ рѣчь идетъ о своего рода внутреннемъ рабствѣ, о «расширеніи разстояній въ самой душѣ», о выработкѣ все болѣе и болѣе высокихъ состояній, другими словами—о томъ, чтобы человѣкъ продолжалъ «преодолѣвать самого себя». Объ этомъ рабствѣ «болѣе утонченнаго духа» говорится, что оно есть «необходимое средство и для духовнаго совершенствованія». Но это, въ сущности, не что иное, какъ разсмотрѣнная съ противоположной стороны власть человѣка надъ самимъ собой, которую безъ особеннаго пристрастія къ сильнымъ выраженіямъ, нельзя бы было назвать «рабствомъ».

Измѣнились не взгляды Нитцше на существенныя условія культуры, а его критеріи въ оцѣнкѣ вещей; эта перемѣна видна изъ противоположности его теперешнихъ сужденій о власти сравнительно съ прежними. Въ брошюрѣ «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ» Нитцше видитъ въ стремленіи къ высшей власти своего рода отсталость и разсматриваетъ ее какъ «наслѣдіе прежнихъ состояній». Богъ въ Нибелунгахъ «чувствуетъ наконецъ отвращеніе къ власти, которая таитъ въ себѣ зло и несвободу; его воля разбивается, онъ самъ желаетъ конца; онъ нашелъ освобожденіе въ любви, освободился отъ

самого себя». «Кто изъ васъ откажется отъ власти», говоритъ намъ Нитцше этимъ примѣромъ, «зная и убѣждаясь на опытѣ, что власть есть зло»? И еще въ «Утренней зарѣ» любовь къ власти называется «демономъ человѣка». Такъ Нитцше начинаетъ съ осужденія власти, чтобы закончить восхваленіемъ, даже обоготвореніемъ ея.

Власть и зло, которое онъ прежде въ ней находилъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ для него значеніе творческой силы, составляющей основу всякой культуры. Онъ ищетъ «столповъ сильной культуры» и находитъ среди нашихъ «слабыхъ немужественныхъ условныхъ понятій о добрѣ и злѣ» послѣдніе остатки этихъ столповъ только тамъ, «гдѣ дѣйствуетъ дурная (или какъ онъ называлъ ее впослѣдствіи), злая мораль».—«До сихъ поръ только самыя сильныя и самыя злыя натуры (заявляетъ онъ въ «Радостной наукѣ») дальше всего вели человѣчество впередъ; онѣ снова воспламеняли засыпающія страсти». Онъ не хочетъ, чтобы его лишали созерцанія злобы, говоритъ онъ въ Заратустрѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ довелъ себя до страннаго пристрастія къ «хищному человѣку», къ этимъ «самымъ здоровымъ образчикамъ тропическихъ чудовищъ и растительныхъ продуктовъ». Склонность къ жестокости видна въ созданномъ имъ культурномъ идеалѣ, основанномъ только на силѣ воли. «Почти все то, что мы называемъ высшей культурой, исходитъ изъ одухотворенія и углубленія жестокости»—вотъ его слова. Въ самыхъ страшныхъ и нечеловѣчныхъ, по общему мнѣнію, способностяхъ человѣка онъ видитъ почву для развитія гуманности, для отвлеченія добрыхъ побужденій отъ дурныхъ. Эти взгляды укрѣплялись у

Нитцше, когда, изучая основу и дальнѣйшее развитіе культуры, онъ понималъ ихъ по своему. Онъ полагаетъ, что «жестокость, насиліе, рабство, опасности для жизни и духа,—что все ужасное, деспотическое, хищное и змѣеподобное въ людяхъ *также* способствуетъ поднятію человѣческаго типа, какъ и противоположное». И такъ какъ онъ, въ совершенно античномъ духѣ, считаетъ ненависть, зависть, жадность и властолюбіе аффектами, возбуждающими жизнь, тѣмъ, «что принципіально и необходимо должно входить въ экономію жизни», то онъ не боится требовать развитія и одухотворенія этихъ аффектовъ для поднятія жизненной интенсивности. Нужно сначала, чтобы змѣя превратилась въ дракона для того, чтобы явился герой для побѣды надъ нимъ».

Нитцше мечтаетъ о новомъ великомъ будущемъ для человѣка, полагая, что его можно еще создать и вырастить изъ всего великаго, свободнаго и страшнаго, что таится въ человѣческой натурѣ. Это подразумѣваетъ онъ въ своихъ возгласахъ «назадъ къ природѣ»! или «вверхъ къ природѣ!». Ему кажется, что слѣдствіемъ современной культуры и ея нравственныхъ идеаловъ явилось измельчаніе человѣка, который уклонился отъ пути, указаннаго природой для шествія вверхъ. И оцѣнка этой культуры должна была привести къ оцѣнкѣ ея этическихъ принциповъ.

Самый свободный анализъ основъ и справедливости нашего этическаго міросозерцанія составляетъ большую заслугу. «Испытайте вашу нравственность»! говорятъ намъ совѣсть и разумъ; если она дѣйствительно нравственна, то опасности нѣтъ.

Тѣ этическія переживанія, которыя не могутъ противостоять самой рѣшительной критикѣ, не могутъ слиться съ нашимъ внутреннимъ міромъ, не могутъ стать частью нашего разумнаго внутренняго законодательства. Серьезность и глубокая страстность, съ которой Нитцше подходитъ къ этическимъ задачамъ, должны были бы отклонить отъ него обвиненіе въ томъ, что онъ скептикъ въ области морали и что онъ сомнѣвается въ обязательности ея законовъ только изъ привычекъ свободомыслія и раціонализма.

Классически образованные противники Нитцше ищутъ его греческаго двойника, или даже источника его воззрѣній, въ другѣ софистовъ Калликлѣ и рѣчи его (въ платоновскомъ діалогѣ Горгій) о преимуществахъ болѣе сильнаго человѣка. О болѣе близкомъ образцѣ, объ «homo singolare», «великой отдѣльной личности» итальянскаго Возрожденія они не думали. А между тѣмъ, если когда либо философская система вытекала съ необходимостью органическаго процесса изъ характера и развитія мыслителя и становилась передъ нимъ, а не выдумывалась имъ произвольно, то именно такою была нравственно-революціонная задача Нитцше, эта «судьбой опредѣленная задача», какъ онъ ее называлъ. Нитцше страдалъ ею, она была его личнымъ горемъ, его мукой, и только послѣ того какъ ему казалось, что онъ одолѣлъ ее, стала его высшимъ счастьемъ. Изъ глубины имъ самимъ пережитого чувства исходятъ слова Заратустры: «и если ты скажешь: у меня не единая совѣсть съ вами, то *это будетъ жалобой и страданіемъ. Видишь,—и это страданіе рождено еще общей совѣстью*».

Новизну своей задачи—въ томъ смыслѣ, въ какомъ она ему представлялась—Нитцше вполнѣ сознавалъ. Никто до него не разсматривалъ еще цѣнности нравственности, никто не посягалъ на критику нравственныхъ принциповъ. «Цѣна этихъ цѣнностей принималась какъ нѣчто данное, установленное, стоящее внѣ всякихъ вопросовъ.--Во всей наукѣ о нравственности недоставало до сихъ поръ самой этической проблемы: недоставало подозрѣнія, что здѣсь есть нѣчто спорное. То, что философы называли основаніемъ нравственности, было въ сущности лишь ученой формой вѣры въ общепринятую нравственность и даже отчасти отрицаніемъ того, что нравственность можетъ составлять вопросъ». — «Разсматривать нравственность какъ вопросъ — развѣ это не безнравственно?» Въ то время, какъ Нитцше идетъ противъ принциповъ, противъ духа общепринятой нравственности, онъ не хочетъ выразить сомнѣній по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ заповѣдямъ этой нравственности и не хочетъ освободить отъ слѣдованія имъ. Ничто не было болѣе чуждо всей его натурѣ, ничто не противорѣчило болѣе его склонности къ твердости и строгости (даже въ отношеніи самого себя), какъ распущенность и несдержанный произволъ. «Я не отрицаю, само собой разумѣется», говоритъ онъ въ «Утренней Зарѣ», «что многихъ поступковъ, которые считаются безнравственными, слѣдуетъ избѣгать, и что противъ нихъ нужно бороться: точно также несомнѣнно, что многіе поступки, которые считаются нравственными, слѣдуетъ совершать и одобрять; только я вижу для того и другого иныя причины, чѣмъ видѣли прежде».—«Не въ томъ опасность для праведнаго, что онъ добродѣтеленъ, а въ томъ, что онъ дерзокъ и насмѣшливъ. — Но заклинаю тебя своей любовью и надеждой: *не уничтожай героя въ твоей душѣ!*» — взываетъ Заратустра къ юношѣ. Извѣстнаго рода приверженцевъ, которые считаютъ Нитцше безнравственнымъ въ ихъ смыслѣ, и которыхъ онъ самъ не можетъ оттолкнуть отъ себя, Нитцше спрашиваетъ въ Заратустрѣ: «изъ тѣхъ ли ты, которые *имѣютъ право* уйти отъ ига? Есть люди, которые лишаются послѣдней цѣны, отбрасывая свою подвластность».—И сюда же можно примѣнить прекрасное слово: «повелѣваютъ всегда тому, кто не умѣетъ подчиняться самому себѣ».

Нитцше хочетъ стать «разрушителемъ нравственности» только потому, что считаетъ себя призваннымъ къ созданію новой нравственности; онъ хочетъ «разбить старыя скрижали, чтобы записать на новыхъ скрижаляхъ новыя цѣнности». Въ своемъ одностороннемъ, навѣянномъ Шопенгауеромъ пониманіи, онъ видитъ во всѣхъ прежнихъ идеалахъ, за исключеніемъ римскаго, нѣчто идущее противъ принципа жизни: всѣ они кажутся ему лишь различными формами «аскетическаго идеала», который только одинъ до сихъ поръ опредѣлялъ цѣль человѣчества и смыслъ человѣческихъ страданій. Ибо человѣкъ предпочитаетъ желать *ничто*, чѣмъ не желать совсѣмъ. Этотъ идеалъ—объектъ его завоевательныхъ стремленій; разрушить его и на его мѣстѣ воздвигнуть противоположный идеалъ, признающій и волю, и жизнь,—таковъ цѣль его нападокъ на господствующую нравственность.

Мысли Нитцше о нравственности и противъ нея

были опроверженіемъ Шопенгауера и потому развивались въ зависимости отъ него. Шопенгауеръ считалъ жалость истинной основой и единственнымъ источникомъ нравственности; вѣра Нитцше въ нравственность стала колебаться вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ цѣнности жалостливыхъ чувствъ. Противъ инстинктовъ жалости, самоотреченія, самопожертвованія въ немъ говорила все большая и большая принципіальная подозрительность, все болѣе и болѣе глубокій скептицизмъ. Сомнѣніе въ жалости разросталось въ немъ и превратилось въ вопросъ о нравственности вообще. И относительно этого, какъ онъ говоритъ, «онъ долженъ былъ объясняться почти исключительно съ своимъ великимъ учителемъ Шопенгауеромъ». Нитцше прежде всего боролся противъ нравственности, основанной на жалости, противъ Шопенгауеровскаго принципа» laede neminem», но онъ боролся противъ этого рода нравственности, какъ будто бы она была воплощеніемъ нравственности вообще. Онъ гордился тѣмъ, что «первый сталъ предостерегать отъ нравственности, основанной на состраданіи». Нужно, по его требованію, «безжалостно призвать къ отвѣтственности проповѣдь самоотверженія и учинить судъ надъ нею». Все болѣе распространяющійся культъ самоотверженія онъ считалъ самымъ ужасающимъ симптомомъ нашей ужасной европейской культуры, путемъ къ новому буддизму, къ европейскому буддизму, — т. е. къ нигилизму. И хотя кромѣ Шопенгауера (и его самого только въ періодъ юности) ни одинъ философъ не придавалъ состраданію самому по себѣ, благотворному или вредному, смотря по обстоятельствамъ, нравственнаго значенія, Нитцше все-таки говоритъ

о томъ, что философы относятся къ состраданію съ особымъ предпочтеніемъ и преувеличиваютъ его значеніе.

Его неутомимо пытливый умъ не остановился на вопросѣ о состраданіи. Если вынуть краеугольный камень современной морали — а такимъ онъ считалъ состраданіе, — то развѣ это не опрокинетъ всего строенія нашихъ обычныхъ этическихъ сужденій? Безграничная новая перспектива открывалась тѣмъ самымъ передъ нимъ, голова закружилась у него отъ «возможностей», и проснувшаяся въ немъ пытливость толкала его отъ вопроса къ вопросу. Нельзя ли переоцѣнить *всѣ* цѣнности? Можетъ быть, добро есть зло? Можетъ быть, первооснова всего — ложь? — «До сихъ поръ никто даже самымъ отдаленнымъ образомъ не колебался, отдавая препочтеніе «доброму» надъ «злымъ» въ смыслѣ пользы, плодотворности и значенія для человѣка вообще (включая и будущность человѣка). Что, если истина въ противоположномъ? Такъ что именно по винѣ нравственности не могла быть достигнута *высшая мощь и великолѣпіе* человѣческаго типа?» «*Никто еще не понялъ*, что прекрасно и что нѣтъ.» — «И что обозначаетъ эта любовь философовъ, ихъ желаніе истины? Почему истины? Почему не лжи? Вопросъ ли о значеніи и цѣнѣ истины поднялся для насъ — или же мы предстали передъ нимъ? Кто изъ насъ здѣсь Эдипъ? Кто сфинксъ? Быть можетъ, только нравственный предразсудокъ заставляетъ предпочитать истину кажущемуся». Такъ Нитцше, подобно Вагнеровскому герою, хотѣлъ «освободиться отъ божественнаго закона»; такъ онъ сдѣлался *великимъ вопрошателемъ въ философіи*.

Въ книгѣ «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» Нитцше писалъ: «сдѣлать себя цѣльной личностью во всемъ, что дѣлаешь, имѣть въ виду высшее благо своей личности—это ведетъ дальше, чѣмъ жалостливыя стремленія и заботы о другихъ». — «Кто въ мірѣ совершаетъ больше глупостей, чѣмъ милосердные? И что въ мірѣ причиняло больше страданій, чѣмъ глупость милосердныхъ? Горе любящимъ, у которыхъ нѣтъ болѣе высокой вершины, чѣмъ ихъ жалость: жалость навязчива. Всѣ творящіе безжалостны. Всякая великая любовь выше состраданія», говоритъ Заратустра.—«Самое страданіе становится заразительнымъ изъ-за состраданія. Жалость, умножающая страданія и сохраняющая все жалкое является главнымъ орудіемъ декаданса, способствующимъ его усиленію. Жалость отрицаетъ жизнь и дѣлаетъ ее все болѣе достойной отрицанія», говоритъ онъ въ «Антихристѣ». «Нравственность (т.е. нравственность, основанная на жалости) отрицаетъ жизнь», говоритъ Нитцше въ томъ же значеніи въ предисловіи къ книгѣ о Вагнерѣ. И въ Заратустрѣ есть слѣдующее изреченіе: «Война и мужество совершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему. Не милосердіе ваше, а храбрость спасала до сихъ поръ несчастныхъ. Что хорошо? спрашиваете вы. Хорошо быть храбрымъ. Пусть маленькія дѣвочки говорятъ, что хорошо то, что въ то же время красиво и трогательно». Кто станетъ возражать на это? Но развѣ эти упреки касаются истинной, приходящей на помощь жалости? Они скорѣе убиваютъ не настоящее, а сентиментальное соболѣзнованіе, эгоистическую жалость, которая происходитъ изъ неспособности видѣть страданія такъ же, какъ и выносить страданія! Развѣ въ самомъ дѣлѣ въ мірѣ слишкомъ много состраданія, слишкомъ много истинной, не навязчивой, а скрывающейся жалости, которая скорѣе предупреждаетъ страданіе, чѣмъ приходитъ на помощь, когда оно наступаетъ? Нужно ли, какъ это дѣлаетъ Нитцше, предупреждать противъ ея излишка? Не борется ли тутъ Нитцше противъ воображаемой опасности? Но, быть можетъ, онъ только зашелъ дальше своей цѣли и въ сущности боролся не противъ жалости отдѣльныхъ людей другъ къ другу, а противъ оффиціальнаго состраданія, ставшаго общественнымъ учрежденіемъ, между тѣмъ какъ за нимъ далеко не всегда скрывается жалость и теплое сердце. Онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду общественные результаты извѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій и ихъ значеніе для—или вѣрнѣе противъ—общаго блага, когда повторялъ слова Гете Гердеру о ложной гуманности: «тамъ существуетъ взаимная помощь, всякій тамъ въ извѣстномъ смыслѣ *больной* и въ тоже время *ухаживающій за больнымъ санитаръ*». И совершенно недвусмысленно гласятъ слова въ «Антихристѣ»: «жалость идетъ въ разрѣзъ съ великимъ закономъ прогресса, который заключается въ подборѣ. Жалость сохраняетъ и поддерживаетъ то, что должно быть уничтожено». Нитцше не умѣетъ мыслить исторически. Опасность расоваго паденія, о которомъ Нитцше такъ настоятельно говоритъ, несомнѣнно существуетъ, и ее слѣдуетъ признать, какъ бы ей ни противодѣйствовало неразрушимое здоровье человѣчества. И кто станетъ спорить противъ того, что есть своего рода откры-

тый культъ жалости, который не только «дастъ состарѣться жалкому», но какъ бы еще старается сохранить жалкое и на будущее время. Но какъ устранить эту опасность, какъ защитить отъ нея человѣчество? Этого Нитцше не умѣетъ сказать. «Нельзя быть врачемъ неисцѣлимаго! Нельзя толкать падающаго! Слабые и неудачные должны погибать! И нужно даже способствовать ихъ гибели!» Но какъ знать, что въ самомъ дѣлѣ неисцѣлимо и должно погибнуть? О спартанскомъ способѣ выбора нечего и думать. Человѣчество не можетъ идти назадъ; въ этомъ пунктѣ мы не можемъ начать думать и чувствовать по иному. Кромѣ того, такой способъ выбора могъ бы забраковать Ньютона. Такъ какъ соціальная этика не указываетъ на выходъ изъ этого положенія, то намъ остается только обращаться къ отдѣльнымъ личностямъ и проникаться полнѣе и серьезнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, обязанностями относительно будущности человѣка и отвѣтственности передъ «дѣтской страной».

Принимать за мѣру вещей радость и страданіе значитъ оцѣнивать все по «сопровождающимъ обстоятельствамъ и второстепеннымъ причинамъ». «Есть болѣе высокія задачи, чѣмъ вопросы о радости, страданіи и жалости, и всякая философія, которая касается ихъ однихъ, наивна». Нитцше былъ слишкомъ серьезенъ, слишкомъ привыкъ къ страданію и закаленъ страданіемъ—онъ былъ слишкомъ большимъ идеалистомъ въ своемъ отношеніи къ жизни, и потому не могъ видѣть въ «общемъ утилитаризмѣ», въ исканіи общаго блага и стаднаго счастья нѣчто иное, чѣмъ прямой путь къ измельчанію и униженію человѣка. Зрѣлище «зеленаго счастья пастбищъ» и

довольство этимъ счастьемъ было ему отвратительно. Онъ полагалъ вмѣстѣ съ Гераклитомъ, что для людей лучше не достигать того, что имъ желательно. Время всеобщаго удовлетворенія кажется ему временемъ «послѣдняго человѣка», «концомъ человѣческаго въ человѣкѣ». «Мы нашли счастье», говорятъ люди, самодовольно подмигивая: — «никакого пастуха и единое стадо! Всякій хочетъ быть равнымъ, *всѣ* равны на самомъ дѣлѣ.—Люди еще трудятся, потому что трудъ доставляетъ развлеченіе, но стараются, чтобы это развлеченіе не напрягало силъ». «Вы хотите по возможности *уничтожить страданіе*,—а мы? кажется, *мы* хотимъ сдѣлать его большимъ и болѣе сильнымъ, чѣмъ оно было! Благо, какъ вы его понимаете, мы считаемъ не цѣлью, а скорѣе *концомъ*. Культъ страданія, *великаго* страданія—развѣ вы не знаете, что до сихъ поръ только *этотъ* культъ велъ человѣка вверхъ? Чѣмъ выше духомъ человѣкъ, тѣмъ глубже трагедіи, которыя онъ переживаетъ; но тѣмъ выше онъ цѣнитъ жизнь за то, что она оказываетъ ему болѣе сильное сопротивленіе. Способность болѣе или менѣе глубоко страдать можетъ служить мѣриломъ для классификаціи людей». Въ этихъ словахъ слышится голосъ больного, который превратилъ страданіе въ воспитательное средство для воли. Нитцше—адвокатъ страданія, потому что «онъ адвокатъ жизни» и потому, что страданіе есть неотъемлемая часть жизни. Но онъ, повидимому, забываетъ, что еслибы даже люди перестали доставлять своимъ ближнимъ ненужныя страданія—въ особенности самое ужасное и наиболѣе устранимое страданіе изъ нихъ,—несправедливость,— при-

рода и судьба, все-таки, продолжали бы воспитывать человѣка въ школѣ страданія.

«Этическія сужденія людей выдаютъ отчасти строй ихъ души и показываютъ, въ чемъ они видятъ условія своей жизни, въ чемъ сущность ихъ страданій». Оцѣнки Нитцше нужно тоже понимать психологически, какъ документы для пониманія его личности, какъ его духовную автобіографію. Онѣ научаютъ насъ понимать натуру Нитцше, его влеченіе къ «мощнымъ тѣломъ и душой», къ «выдержаннымъ натурамъ», его замкнутость —(«глубокое страданіе облагораживаетъ: оно отдаляетъ») — любовь къ одиночеству, къ его *родному* одиночеству. Нитцше полагалъ, что путемъ страданія можно «*узнать больше*, чѣмъ могутъ знать самые мудрые»; онъ самъ называлъ это «нѣмой гордостью страдающихъ», «гордостью избранниковъ познанія», «посвященныхъ», «принесенныхъ въ жертву». Мы понимаемъ крайнее развитіе въ немъ всѣхъ силъ сопротивленія, напряженіе воинственности его натуры; вслѣдствіе постоянной борьбы и преодолѣванія себя въ борьбѣ противъ страданія, въ побѣдѣ надъ страданіемъ, воля его—и представленіе объ этой волѣ—разрослось до безграничности. «Да, ты еще для меня разрушительница всѣхъ могилъ; слава тебѣ, о воля моя!» Мы понимаемъ нетерпимость относительно всего, что «не однородно съ нимъ въ страданіи». И нельзя вникать безъ отклика страстному тону его словъ, которыя (говоря о новомъ, приподнимающемъ жизнь идеалѣ) онъ произноситъ въ концѣ: «нужно для этого послѣднее самоувѣренное мужество познаванія, которое составляетъ принадлежность большого здоровья; нужно, говоря коротко и печально, — именно *это большое здоровье*».

Нитцше былъ мягокъ по природѣ; онъ могъ сказать о себѣ: «щадить и сожалѣть—въ этомъ была всегда наибольшая опасность для меня». Ему недоставало, какъ онъ самъ жаловался, строгой и разумной опеки мужского ума. Онъ выросъ подъ присмотромъ женщинъ и былъ воспитанъ исключительно ими; ребенкомъ онъ былъ задумчивъ и любилъ спокойныя, вѣжливыя манеры. Рано проснувшіяся музыкальныя и поэтическія влеченія выдаютъ преобладаніе чувства и фантазіи въ его дарованіи. Шопенгауеровской теоріи жалости стоило только пробудить родственно настроенную струну его души,—и онъ началъ мечтать о «святомъ», въ которомъ «совершенно замерло» его «я», и для котораго страданія жизни утратили индивидуальныя ощущенія и превратились въ глубокое состраданіе со всѣмъ живущимъ, въ пониманіе и сліяніе съ нимъ, т. е. въ самое высокое и конечное отождествленіе съ человѣчествомъ». Отъ этой мечты онъ бросился къ противоположной. И послѣ того какъ онъ нѣсколько времени преклонялся передъ раціонализмомъ и утилитаризмомъ, онъ вернулся къ инстинкту. Теперь онъ сталъ упиваться представленіями и образами силы и твердости: въ силѣ зла онъ видитъ источникъ могущественнаго добра, которое противополагаетъ добродушію, уступчивости, мягкости.— «Человѣкъ долженъ стать лучше и злѣе». — «Я часто думаю о томъ», говоритъ въ его книгѣ Діонисій, «какъ бы двинуть человѣка впередъ, сдѣлать его болѣе сильнымъ, злымъ и глубокимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ».—«Зло есть наибольшая *сила* въ чело-

вѣкѣ —не цѣль его, но путь къ цѣли, исходъ пути.— Зло—самый тяжелый камень на пути высочайшаго созидателя».—«Будьте суровы!» говоритъ онъ своимъ товарищамъ. «Вамъ должно становиться все тяжелѣе и хуже жить—только такимъ образомъ человѣкъ поднимается вверхъ». «Слишкомъ много снисхожденія, слишкомъ много прощенія—такова ваша земля! Но для того, чтобы дерево выросло, нужно чтобы оно утвердилось твердыми корнями на твердыхъ утесахъ». «Да будетъ благословенно то, что закаляетъ духъ! Я не хвалю страны, гдѣ течетъ медъ и масло»! Эта оцѣнка—это преувеличенное восхваленіе строгости и твердости доводитъ его до восхваленія жестокости. Нитцше смѣшиваетъ силу, которая обыкновенно бываетъ соединена со снисходительнымъ великодушіемъ и готовой помогать добротой, съ жестокостью, и не видитъ, что въ жестокости всегда есть трусость, хитрая, коварная трусость. Левъ также принадлежитъ къ породѣ кошекъ. Цезарь Борджіа выказалъ себя трусливымъ и низкимъ въ отношеніи къ герцогу Урбинскому, котораго онъ хотѣлъ убить.

Поклоненіе жестокости (конечно въ ея *одухотворенной* формѣ) было, быть можетъ, патологической чертой въ характерѣ Нитцше. Особенно это вѣрно относительно «большого, даже чрезмѣрнаго наслажденія собственными страданіями,— *самоуязвленія*», о которомъ часто идетъ рѣчь; оно превращало боль въ источникъ наслажденія. И черты родственнаго происхожденія замѣтны и въ «діонисіевскомъ» пессимизмѣ, который Нитцше противоставляетъ «романтическому пессимизму» Шопенгауера и называетъ своимъ собственнымъ, «proprium» и «ipsissimum». Этотъ «пессимизмъ, проповѣдующій строгость и силу разума, вкуса, чувства, совѣсти» не долженъ быть, подобно пессимизму Шопенгауера, снотворнымъ средствомъ, предназначеннымъ для умерщвленія воли, а напротивъ того долженъ служить самымъ сильнымъ стимуломъ для оживленія воли: «съ этой волей въ душѣ не боятся страшнаго и сомнительнаго, а ищутъ его, идя ему на встрѣчу. Примиряться съ жизнью на основаніи пессимистическаго отношенія къ ней - значитъ основательно преодолѣть пессимизмъ». Такимъ образомъ, мораль Нитцше объясняется только его личностью.

5.

Нравственныя оцѣнки Нитцше, указывающія путь къ «высшему долгу, высшей отвѣтственности» родственны по своей строгости и твердости принципамъ стоицизма. Нитцше самъ указывалъ на это родство. «Останемся твердыми, мы, послѣдніе стоики!» восклицаетъ онъ въ книгѣ «За предѣлами добра и зла», и образъ стоическаго мудреца становится для него символомъ и его собственной морали. «Я съ удовольствіемъ узналъ, что наше солнце быстро движется по направленію къ *Геркулесу*; я надѣюсь, что и человѣкъ на землѣ дѣйствуетъ подобно солнцу». Стоики допускали самоубійство и считали его при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ обязательнымъ; основатель школы, Зенонъ, подтвердилъ это даже собственнымъ примѣромъ. И Заратустра также проповѣдуетъ «свободную» смерть, и одно изре-

ченіе въ книгѣ «Сумерки кумировъ» гласитъ: «нужно гордо умереть, когда нельзя гордо жить». Страстность діонисіевскаго философа представляетъ при этомъ сильнѣйшій контрастъ съ уравновѣшенностью стоиковъ.

Нитцше превозноситъ силу воли, «смѣлое чувство радости въ проявленіи воли», силу желанія и даже «желанія долго желать»; онъ превозноситъ волю саму по себѣ, волю какъ влеченіе. «О, если бы вы удалили отъ себя всякое полужеланіе», говоритъ Заратустра, «и были бы рѣшительны въ лѣни, какъ и въ поступкахъ! О если бы вы понимали мои слова: дѣлайте все, что желаете—но будьте такими, которые *умѣютъ желать*». Заратустра называетъ людей «половинчатыми», слабовольными, мягкими сердцами». Ничто такъ не распространено, ничто такъ не своевременно, какъ слабость воли; поэтому «въ идеалѣ философа именно сила желанія, твердость и способность къ далекимъ рѣшеніямъ составляютъ часть величія на томъ же основаніи, какъ противоположное ученіе соотвѣтствовало противоположной по духу эпохѣ». Мораль Нитцше исходитъ изъ воли. Она не стремится къ счастью, кромѣ того счастья, которое связано съ возрастаніемъ силы. («Развѣ я счастья ищу? Я ищу только *дѣла*» гласитъ изреченіе Заратустры). И еще менѣе это мораль наслажденія. «Не нужно *желать* наслаждаться»! Оттого съ этой стороны она не допускаетъ возраженій и упрековъ, и кто хочетъ оправдывать разнузданность или пренебрегать обязанностью и долгомъ, тотъ не долженъ ссылаться на нее. Самое существенное и безцѣнное во всякой морали, какъ объясняетъ Нитцше, заключается въ

томъ, что она налагаетъ обязанности. «Ты долженъ повиноваться кому нибудь и надолго, иначе ты погибнешь и утратишь уваженіе къ самому себѣ»!— Но можно повиноваться и самому себѣ—и въ этомъ истинная *воля—свободная* воля.

Нитцше тоже проповѣдуетъ автономную волю. «Всякій, кто хочетъ быть свободнымъ, долженъ черпать свободу въ себѣ»—такъ гласятъ слова его. «Будь человѣкомъ — и слѣдуй не за мной, а за собой — только за собой!» такъ онъ заканчиваетъ изреченіе Гете. По требованію Заратустры, «добродѣтель должна быть нашей сущностью, а не чѣмъ-то постороннимъ, кожей, одеждой». «Наша натура должна отражаться въ поступкахъ, какъ натура матери отражается въ ребенкѣ». «Какой путь ведетъ къ глубинѣ твоего «я»? Укажи мнѣ твои права и твои силы къ осуществленію ихъ! Есть ли у тебя новая сила и новое право? Развѣ ты—первое движеніе? Развѣ ты—произвольно катящееся колесо?»— «Тотъ открылъ самого себя, кто сказалъ: «вотъ мое добро и вотъ мое зло». Въ такихъ словахъ и сравненіяхъ Заратустра превозноситъ независимую, автономную силу воли. И еще разъ да будетъ сказано: «повелѣваютъ тому, кто не умѣетъ повиноваться себѣ самому».

Особенность этическаго ученія Нитцше заключается не въ его индивидуализмѣ. Уже древняя мораль носила этотъ характеръ. «Удивительное развитіе индивидуализма», говоритъ Нитцше въ одномъ мѣстѣ о грекахъ,—«и не въ этомъ ли заключается высшая нравственность?» Индивидуализмъ, неразрывный съ независимостью, есть необходимый элементъ всякой высшей морали, послѣдняя

ведущая къ ней ступень, на которую человѣкъ можетъ ступить только послѣ долгаго предшествующаго развитія. Путь этого развитія ведетъ отъ общественности черезъ индивидуализмъ къ нравственно зрѣлой личности, и этотъ путь ведетъ все выше и дальше. «Довольство въ стадномъ чувствѣ гораздо старѣе довольства въ себѣ. «Ты» старше, чѣмъ «я».

Нельзя переоцѣнить *всѣ* цѣнности. Сила воли, автономія воли, индивидуализмъ—все это не *новыя* цѣнности: на нихъ покоилась философская мораль отъ Сократа до Канта. Хотя Нитцше и утверждаетъ, что «*автономность*» и «нравственность» исключаютъ другъ друга, но не объясняетъ, почему. Кантъ видѣлъ именно въ автономіи воли единственный принципъ всѣхъ нравственныхъ законовъ. Но Нитцше никогда не понималъ Канта, никогда не вникалъ въ него достаточно глубоко. Поэтому онъ держался «категорическаго императива», который есть не болѣе, какъ простая формула нравственнаго закона, и думалъ, что своимъ замѣчаніемъ о томъ, что нѣтъ и не можетъ быть одинаковыхъ поступковъ, онъ опровергаетъ Канта. Онъ не понялъ, что въ той формулѣ рѣчь идетъ не о поступкахъ, а о правилахъ или практическихъ законахъ дѣйствій. Но одно и тоже правило можетъ быть основой самыхъ различныхъ, внѣшнимъ образомъ даже противоположныхъ, дѣйствій. Общность практическаго закона не противорѣчитъ обособленности поступковъ. Въ мірѣ физическомъ тотъ же законъ тяготѣнія, который заставляетъ опускаться тяжелыя тѣла, заставляетъ подниматься легкія.

Нитцше ищетъ основного начала нравственности не въ ней самой и не въ разумѣ, а въ дѣйствительности, въ природѣ. Онъ отрицаетъ самостоятельность морали и существованіе абсолютно нравственныхъ фактовъ. Они не кажутся ему чѣмъ-то основнымъ и законченнымъ. Онъ считаетъ нравственность «условнымъ языкомъ аффектовъ», только «семіотикой, симптоматологіей» и, какъ таковая, она неоцѣнима. Физіологическій элементъ глубже нравственнаго и составляетъ источникъ послѣдняго. «Совершенный человѣкъ — «счастливецъ»,—чувствуетъ необходимость совершать одни поступки и инстинктивно боится другихъ; онъ вноситъ типъ, который онъ физіологически собой представляетъ, въ свои отношенія къ людямъ; добродѣтель его — *слѣдствіе* его счастья». («Сознаніе счастья—не награда добродѣтели, а ея внутренняя сила» сказалъ уже Спиноза). Нитцше подчиняетъ этику біологіи; принципъ жизни становится для него принципомъ нравственности. Онъ ставитъ слѣдующій вопросъ: какова должна быть нравственность, согласованная съ жизнью въ томъ видѣ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, не считая необходимымъ ни измѣнять ее, ни изъять изъ нея что-либо,— нравственность, которая включаетъ въ свое пониманіе жизни все жестокое, ужасное, враждебное и видитъ въ инстинктѣ жизни единственный императивъ? Исходящее изъ Шопенгауера, но направленное къ противоположной цѣли, пониманіе жизни составляетъ ключъ къ его морали. Нитцше считаетъ жизнь «инстинктомъ развитія и накопленія силъ для *могущества*: основное начало жизни, желаніе жизни есть *желаніе власти*». «Тотъ

не достигъ истины, кто выводилъ изъ воли самое существованіе»—говорится въ Заратустрѣ о Шопенгауерѣ, «не желаніе жизни есть основа міра, а желаніе власти—вотъ чему я учу тебя». Въ этомъ заключается теорія «властолюбія, отражающагося во всемъ происходящемъ». Въ особенности же происходящее въ органической природѣ всегда является «преодолѣваніемъ, побѣдой» и тѣмъ самымъ «новымъ толкованіемъ и поправкой». «Полезность» не объясняетъ происхожденія физіологической функціи. «Развитіе» чего нибудь заключается «въ слѣдованіи другъ за другомъ болѣе или менѣе глубокихъ исходящихъ изъ даннаго предмета процесовъ преодолѣванія». Истинный «прогрессъ» является всегда «въ образѣ желанія и пути къ большей власти», которая достигается побѣдой надъ многочисленными меньшими силами. «Вездѣ, гдѣ борются, борются изъ-за власти»; «не нужно смѣшивать Мальтуса съ природой», говоритъ онъ по адресу Дарвина. «Демократическая идіосинкразія противъ всего, что властвуетъ и хочетъ властвовать», охватила даже всю физіологію и ученіе о жизни и посягнула на одно «изъ основныхъ понятій»—на активность; «приспособляемость» есть только активность «второстепенная», только «реакція». Не понимаютъ сущности жизни,—ея стремленія къ власти—и не замѣчаютъ «принципіальнаго преимущества непосредственныхъ, нападающихъ, завладѣвающихъ, новообразующихъ, созидательныхъ силъ; приспособляемость является уже слѣдствіемъ ихъ воздѣйствія». Непониманіе этого ведетъ къ отрицанію господствующей роли высшихъ функцій въ организмѣ тѣхъ, въ которыхъ «воля проявляется активно и созидаетъ формы».

Инстинктъ самосохраненія тоже нельзя разсматривать какъ основной элементъ жизни. «Все живое хочетъ прежде всего проявить свою силу—самосохраненіе есть только одно изъ косвенныхъ и наиболѣе частыхъ проявленій этого стремленія». Какъ согласовать эти виталистическія воззрѣнія, представленныя такъ рѣшительно и безъ всякихъ доказательствъ, съ положеніемъ о сохраненіи энергіи, не допускающимъ въ природѣ существованія произвольныхъ формъ силы,—объ этомъ нетерпѣливый мыслитель, вѣроятно, не подумалъ. Но даже какъ простая характеристика жизни эта теорія является совершенно односторонней и тенденціозной. «Жизнь», говоритъ Ницше въ книгѣ «За предѣлами добра и зла», «заключается *по существу* въ присвоеніи, униженіи и захватѣ чужого и слабаго, въ подавленіи, жестокости, навязываніи своихъ формъ, въ порабощеніи или въ лучшемъ случаѣ эксплоатаціи другихъ. Эксплуатація не есть черта испорченнаго или несовершеннаго и первобытнаго общества: она составляетъ сущность всего живого, органическую его функцію; она исходитъ изъ стремленія къ власти, которое и есть любовь къ жизни». Но не всякое подчиненіе является порабощеніемъ. Свойства матеріи и силъ, дѣлаясь частью организма и ассимилируясь съ нимъ, не разрушаются и даже не измѣняются; они сохраняются, поступая на службу жизни, и вѣрнѣе думать, что скорѣе жизнь зависитъ отъ нихъ, чѣмъ они отъ жизни. Не только борьба, но и покорность составляетъ часть жизни, основной характеръ которой заключается въ соглашеніи и гармоніи, въ объединеніи функцій для общей единой цѣли. Дарвиновскую «борь-

бу за существованіе» слѣдуетъ понимать только метафорически. Но и стремленіе къ власти, примѣненное къ органической природѣ, также есть только метафора.

Подобно Рольфу въ его «Біологическихъ вопросахъ», Нитцше въ «Веселой наукѣ» доказываетъ, возражая Дарвину, что въ природѣ господствуетъ не нужда, а излишекъ и расточительность. И это возраженіе кажется ему столь значительнымъ, что онъ повторяетъ его въ «Сумеркахъ кумировъ»: общая картина жизни представляетъ, по его словамъ, не нужду и голодъ, а скорѣе богатство, пышность, даже безсмысленную расточительность. Дарвинъ уже отвѣтилъ на это заранѣе. «Мы видимъ природу въ сіяніи радости, мы часто видимъ излишекъ пищи; но мы не всегда думаемъ о томъ, что если теперь и существуетъ излишекъ, то этого не бываетъ во всякое время всякаго смѣняющагося года». Но приведенное возраженіе характерно для Нитцше: въ немъ слышится все еще ненарушимая вѣра въ «діонисіевскую основу вещей».

Нитцше превратилъ «слѣпую волю» Шопенгауера, которая въ сущности даже не есть воля, а только чувство влеченія, изъ метафизическаго начала въ біологическое и надѣлилъ его чертами, выдающими свое происхожденіе отъ Дарвина. Теперь изъ оставшихся неизданными матеріаловъ выяснилось, какъ глубоко было вліяніе теорій Дарвина на Нитцше, какъ только послѣдній познакомился съ ними. «Вотъ въ чемъ страшный выводъ изъ дарвинизма, который я признаю, впрочемъ, вѣрнымъ», пишетъ онъ: «мы преклоняемся передъ качествами, которыя считаемъ вѣчными — передъ тѣмъ, что нравственно, художественно, религіозно, между тѣмъ какъ по Дарвину эти качества имѣютъ начало и прошли цѣлый путь развитія, т. е. подвержены перемѣнамъ». Въ первомъ «Несвоевременномъ разсужденіи» Нитцше проводитъ направленную противъ Штрауса идею объ «истинной и серьезно выдержанной этикѣ Дарвина», которая вооружаетъ противъ себя филистеровъ, потому что она «смѣло выводитъ нравственныя правила въ жизни изъ принципа bellum omnium contra omnes и изъ права сильнѣйшаго».

Впослѣдствіи Нитцше считалъ себя значительно выше «почтеннаго, но посредственнаго англичанина». Но онъ не только полемизировалъ съ Дарвиномъ, онъ отчасти подчинялся его вліянію въ своихъ собственныхъ воззрѣніяхъ. Изъ этого источника происходитъ идея «выработки» болѣе сильной расы людей, поднятія человѣческаго типа. Идея наслѣдственности пріобрѣтенныхъ привычекъ также исходитъ отъ Дарвина, который заимствовалъ ее у Ламарка. Нитцше доводитъ до предразсудка свою увѣренность въ неминуемости этой наслѣдственности. «Черезъ два-три поколѣнія», полагаетъ онъ, «привычка становится внутреннимъ свойствомъ». Въ дѣйствительности не удавалось доказать эту наслѣдственность ни въ одномъ случаѣ; она составляетъ, если только она вообще встрѣчается, рѣдкое исключеніе. Нужно имѣть въ виду этотъ пунктъ, чтобы судить о практическихъ цѣляхъ Нитцше. Всѣ его надежды и мечты относительно будущаго исходятъ отсюда.

Шопенгауеръ ввелъ въ этику противорѣчіе между присутствіемъ и отсутствіемъ жизненнаго инстинкта и тѣмъ самымъ опредѣлялъ цѣнность

системъ, вытекающихъ изъ этихъ двухъ принциповъ, Нитцше объясняетъ это противорѣчіе физіологически, какъ противорѣчіе между нравственными началами «восходящей и «нисходящей» жизни, опрокидывая тѣмъ самымъ нравственные критеріи Шопенгауера. Наша мораль, какъ и всякая, преподававшаяся до сихъ поръ, является, по этому опредѣленію, моралью «нисходящею». Его мораль, наоборотъ, исходитъ изъ наибольшаго развитія жизненнаго инстинкта. «Больше жизни!» требуетъ онъ, жизни приподнятой, самодовлѣющей, вѣрующей въ себя, властной. Къ жизни нужно относиться утвердительно, — таковъ первый императивъ морали Нитцше. Буддизму и Шопенгауеровскому отрицанію воли и самоотреченію Нитцше противопоставляетъ, на той же почвѣ пессимизма, противоположный идеалъ «гордаго, здороваго, жизнерадостнаго человѣка, который не только примирился съ тѣмъ, что было и что есть, но и желаетъ, чтобы оно продолжало на вѣки быть, какъ было и какъ есть, и ненасытно требуетъ da capo». Это онъ называетъ «углублять пессимизмъ».

То, что слабая, «нисходящая» жизнь называетъ «зломъ» и сознаетъ таковымъ, т. е. опасность, насиліе, враждебность, воинственность, радость побѣды, — все это восходящая жизнь выискиваетъ и инстинктивно предпочитаетъ, потому что въ этомъ она черпаетъ и проявляетъ свою силу. «Ослабленіе враждебныхъ инстинктовъ есть лишь одно изъ послѣдствій общаго ослабленія жизненности». Эти инстинкты и силы восходящей жизни являются природными богатствами, изъ которыхъ Нитцше дѣлаетъ «золото», въ нихъ сырой матеріалъ его морали. Они не должны остаться или снова стать тѣмъ, чѣмъ

были въ своемъ первоначальномъ дикомъ состояніи. Какъ Руссо не намѣревался повести людей обратно въ лѣса, такъ и Нитцше не предполагаетъ воскресить «человѣка-разбойника», «свѣтловолосаго звѣря, который таится во всякомъ культурномъ человѣкѣ» онъ, — даже не возводитъ въ идеалъ «властолюбцевъ». Онъ стремится возстановить сильныя, еще не исчезнувшія навсегда, а лишь стершіяся, черты «страшнаго первобытнаго оригинала, «homo natura»; по нимъ, онъ пытается создать новый и болѣе мощный образъ человѣка, чтобы «работать надъ человѣкомъ какъ художникъ». Онъ утончаетъ и возвышаетъ природныя черты, придаетъ имъ духовность и создаетъ изъ нихъ типъ «аристократической морали», типъ «аристократа».

«Аристократъ уважаетъ въ себѣ свою властность, свою силу надъ самимъ собой, умѣніе говорить и молчать, наслажденіе проявлять по отношенію къ самому себѣ силу и строгость, и почитаніе всего сильнаго и строгаго. Вѣра въ себя, гордость самимъ собою принадлежатъ къ морали аристократизма». «Вотъ признаки аристократизма: никогда не низводить нашихъ собственныхъ обязанностей до общихъ обязанностей; не отказываться отъ собственной отвѣтственности и не желать дѣлить ее; считать свои права и пользованіе ими за свои обязанности. — «Готовность къ большой отвѣтственности, гордость властныхъ и пренебрежительныхъ взглядовъ, безграничная воля, спокойствіе взора, который рѣдко восхищается, рѣдко глядитъ вверхъ, рѣдко любитъ» — такова внѣшность и пріемы аристократа. Онъ властелинъ своихъ добродѣтелей и своей «не-

смѣтно богатой воли»; онъ обладатель твердой, несокрушимой воли, которая даетъ обѣщанія какъ властитель, «тяжело, рѣдко, медленно». «Онъ гордится, сознавая свое великое преимущество, которое заключается въ отвѣтственности»; ему отрадно «сознаніе необычайной свободы, *этой власти надъ собой и своей судьбой*». Только онъ одинъ истинно свободенъ. Ибо свободой называется «желаніе отвѣтственности за себя, умѣнье твердо держаться вдали отъ всего, быть болѣе равнодушнымъ къ трудностямъ, лишеніямъ, къ самой жизни. Свобода означаетъ преобладаніе мужественныхъ, воинственныхъ и торжествующихъ инстинктовъ надъ другими инстинктами, напр. надъ стремленіемъ къ *счастью*. Нитцше рисуетъ здѣсь цѣлый образъ, какъ Плутархъ въ своихъ характеристикахъ. «Аристократическая душа благоговѣетъ передъ собой».—«Никто уже не умѣетъ поклоняться — этого всѣ мы избѣгаемъ», говоритъ Заратустра. «Аристократизмъ нельзя импровизировать». «Все, что хорошо, достается по наслѣдству. Для всего высокаго нужно родиться».

Нитцше соединяетъ въ образѣ знатнаго человѣка, аристократа, цѣлый рядъ характерныхъ чертъ: гордость, предпріимчивость, храбрость, самоувѣренность, готовность къ отвѣтственности и власть надъ собой; онъ включаетъ сюда также всякаго рода превосходство, за исключеніемъ величія, состоящаго въ готовности помочь и въ добротѣ. Какъ стоики знали только «мудрецовъ» и «глупцовъ» и, примѣняя къ первымъ все свѣтлое, приписывали вторымъ только тѣневыя стороны, такъ и Нитцше знаетъ только «великія одинокія личности», только «рѣдчайшихъ», «властителей отъ рожденія»—и въ противоположность имъ — «толпу», «тѣхъ, которыхъ слишкомъ много», «наичастѣйшихъ», «неизлѣчимо посредственныхъ», «стадныхъ людей». Насколько онъ превозноситъ первыхъ, ставя ихъ высоко надъ границами человѣчнаго въ область сверхъ-человѣчнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нечеловѣческаго, настолько же онъ глубоко принижаетъ послѣднихъ. Онъ изолируетъ аристократа, увеличиваетъ и углубляетъ разстояніе, отдѣляющее его отъ остальныхъ, превращая его въ полную противоположность другимъ. «Высшее», объясняетъ онъ, «не должно стать орудіемъ низшаго; *пафосъ разстоянія* долженъ на вѣки раздѣлять самыя ихъ задачи».—«У того, кто предназначенъ повелѣвать, самоотреченіе и скромное отстраненіе себя было бы не добродѣтелью, а скорѣе растратой добродѣтели». Но предположеніе, которое здѣсь дѣлается, никогда не осуществляется; тотъ, кто рожденъ повелѣвать, тотъ и самъ не отойдетъ на второй планъ; предостереженіе, такимъ образомъ, совершенно излишне.

«Вопросъ о рангахъ» казался Нитцше одно время заключающимъ въ себѣ сущность нравственности и даже культуры вообще. Это *его* вопросъ, задача, которую онъ самъ себѣ поставилъ. Она превратилась у него въ вопросъ о происхожденіи, о расѣ. Все болѣе и болѣе укрѣпляется въ немъ вѣра въ обособленное происхожденіе аристократовъ, и мысль о двойномъ происхожденіи нравственности приводитъ его въ концѣ концовъ къ требованію исключительной морали и къ изъятію изъ обычной нравственности исключительныхъ людей. Требованіе одной нравственности для всѣхъ кажется ему теперь «ограниченіемъ высшихъ натуръ». Онъ вполнѣ убѣжденъ, что есть

«различіе ранга между людьми и, *вслѣдствіе* этого, и между различными видами нравственности». Этотъ выводъ невѣренъ. Неоспоримыя глубокія различія между нравственнымъ обликомъ разныхъ людей не выходятъ изъ предѣловъ понятія о человѣчествѣ; потому существуетъ основанная на этомъ понятіи общая нравственность для всѣхъ, или, что вѣрнѣе, такая нравственность можетъ и должна существовать.

Мораль «расы и привилегій», эта исключительная мораль властителей, строго держится принципа, который наиболѣе чуждъ и непріязненъ современному «вкусу», какъ говоритъ самъ Нитцше. Принципъ этотъ заключается въ томъ, что *обязанности существуютъ только по отношенію къ равнымъ*, и что относительно существъ низшаго разряда можно поступать по усмотрѣнію или по «требованіямъ сердца»—каковы жалость и т. п.. Въ этомъ посягательствѣ на право личности, принадлежащее и болѣе низко стоящимъ существамъ, каждый, и въ особенности аристократъ по духу, увидитъ скорѣе отсутствіе «аристократическихъ привычекъ» и аристократической натуры. Нитцше заявляетъ однако, что «эгоизмъ входитъ въ составъ аристократической души» и заключается въ «неискоренимой вѣрѣ» въ то, что «такимъ существамъ, каковы мы, другія существа подчинены по естественному ходу вещей и должны приносить себя въ жертву». Въ «Происхожденіи нравственности» этотъ принципъ распространяется на все человѣчество. «Благо тѣхъ, которыхъ всего больше» и «благо тѣхъ, которыхъ всего меньше» представляютъ, по мнѣнію Нитцше, «противоположные исходные пункты сужденій», и только «наивность англійскихъ біологовъ» считаетъ первое высшимъ по существу. «То, что очевидно имѣло бы значеніе для возможно продолжительнаго сохраненія расы, далеко не можетъ имѣть той же цѣнности, когда дѣло идетъ о выработкѣ болѣе сильнаго типа». Въ этомъ отношеніи этическіе критеріи нуждаются прежде всего въ «*физіологическомъ* освѣщеніи и объясненіи». Уже и ранѣе, въ наброскахъ Нитцше, проявляется эта основная идея его морали (и его «исторической методики»), и высказывается требованіе, «чтобы отдѣльныя личности были подчиняемы благу самой *высокой* изъ отдѣльныхъ личностей». Но тогда это подчиненіе обозначало еще «преклоненіе передъ рѣдкимъ и великимъ», обусловливающимъ ростъ человѣчества; стало быть, Нитцше имѣлъ при этомъ въ виду не жертвованіе собой и не уничтоженіе, а только преданность. Позже у него осталось только фактическое подчиненіе, насиліе и угнетеніе; съ рѣзкостью, которая вызываетъ и требуетъ протеста, Нитцше пишетъ: «самое существенное во всякой истинной, здоровой аристократіи заключается въ томъ, что она чувствуетъ себя не функціей общаго строя, а его цѣлью и высшимъ оправданіемъ, и что она со спокойной совѣстью видитъ, какъ въ жертву ей приносятся массы людей.

Нитцше правъ только тогда, когда онъ борется противъ отвлеченной идеи равенства, и даже страстность, съ которой онъ оспариваетъ ее, находитъ достаточное оправданіе въ злѣ, принесенномъ этимъ ученіемъ. Проповѣдниковъ равенства Заратустра сравниваетъ съ «тарантулами».—«Нѣтъ яда болѣе ядовитаго», восклицаетъ Заратустра въ «Сумеркахъ кумировъ», «чѣмъ ученіе о равенствѣ, ибо оно про-

повѣдуется какъ бы во имя самой справедливости, между тѣмъ какъ оно является *концомъ* справедливости». «Равенство въ правѣ ведетъ къ равенству въ безправіи. Всякое право есть привилегія.»— «Равнымъ равное — неравнымъ неравное, — таковъ долженъ бы быть истинный принципъ справедливости; и изъ него слѣдуетъ, что неравное не должно дѣлать равнымъ». «Люди не равны и не должны быть равными». «Коммунистическій шаблонъ (Дюринга), утверждающій, что всякая воля должна считать равною всякую другую волю, — *враждебный жизни* принципъ». — «Демократическое движеніе» кажется Нитцше поэтому не только «несовершенной формой политической организаціи, но упадкомъ или, вѣрнѣе, униженіемъ человѣка». Оно превратило бы людей въ «племя карликовъ съ одинаковыми правами и требованіями»; цѣль его — общественный строй «автономнаго стада». Можно понимать и совершенно иначе демократію, которая въ сущности не составляетъ общаго теченія въ политической жизни современности: въ ней можно видѣть не самостоятельную форму упадка, а явленіе, сопутствующее упадку политическихъ организмовъ, отжившихъ свое время. Движеніе вверхъ, которое охватило массы вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, не ведетъ однако неминуемо къ развитію въ обществѣ демократизма: это движеніе можетъ также искоренить искусственное неравенство, основанное напр. на одномъ захватѣ, и помочь вступленію въ свои права неравенства естественнаго. Нитцше обвиняетъ христіанство съ его «равенствомъ передъ Богомъ» въ томъ, что оно спо-

собствуетъ демократическому движенію; въ этомъ главнымъ образомъ источникъ его ненависти къ христіанству. Уже въ наброскѣ, помѣченномъ 1869 годомъ, христіанство названо «этической демократіей». Въ книгѣ «За предѣлами добра и зла» эта идея выражена въ формулѣ: «демократическое движеніе представляетъ наслѣдіе христіанства». Но «равенство передъ Богомъ» не то же самое, что «равенство передъ людьми», и процвѣтаніе христіанства совпадало съ феодальнымъ строемъ общества.

Основу «демократическаго строя» Нитцше видитъ, впрочемъ, въ смѣшеніи сословій или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, «въ смѣшеніи крови господъ и рабовъ»; объ экономическихъ причинахъ такого смѣшенія онъ при этомъ не думаетъ. «Европа нашихъ дней—арена, на которой разыгрывается безумно внезапная попытка радикальнаго смѣшенія сословій и, *слѣдовательно*, также и расъ (сословія выражаютъ всегда и различіе происхожденія и расъ)». Гобино объяснялъ неравными смѣшеніями съ чужими племенами паденіе различныхъ цивилизацій. Нитцше, который несомнѣнно зналъ ученіе Гобино, выводитъ изъ этого смѣшенія вырожденіе человѣка. Всякій разъ, говоритъ онъ, результатомъ скрещиванія далекихъ другъ отъ друга расъ является нервная слабость и болѣзненность. «Въ новомъ поколѣніи, которое унаслѣдовало одновременно различные критеріи и идеалы, развивается безпокойство, разстройство, нерѣшительность. У этихъ потомковъ расоваго скрещиванія сильнѣе всего болѣзненность и вырожденіе *воли*. Слабость воли — гдѣ только это уродство не встрѣчается въ наше время!» То же самое сказано и въ эпилогѣ книги о Вагнерѣ:

«современный человѣкъ представляетъ собой, біологически, *противорѣчіе критеріевъ*. У всѣхъ насъ есть, вопреки сознанію и вопреки волѣ, критеріи, формулы, этическіе принципы самаго противоположнаго происхожденія — мы, съ физіологической точки зрѣнія, *лживы*». Современность—физіологическое противорѣчіе. «Я не знаю куда дѣваться; я все, что не знаетъ куда дѣваться», вздыхаетъ современный человѣкъ. Наконецъ, одно изреченіе Заратустры гласитъ: «скажите мнѣ, братья, что для насъ дурное, и самое дурное? *Не вырожденіе ли это?*» Нитцше не выказываетъ пониманія тѣхъ обыкновенно благотворныхъ послѣдствій скрещиванія, какое обнаруживается уже въ растеніяхъ. Но самое признаніе антропологическаго фактора въ этикѣ при всей своей односторонности является все-таки заслугой.

Въ «Происхожденіи нравственности» Нитцше хочетъ изобразить исторію развитія нравственности. Сюжетъ этотъ онъ намѣтилъ уже раньше. Уже въ одномъ афоризмѣ въ его «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» шла рѣчь о «двойственной первобытной исторіи понятій добра и зла»: сначала она разыгрывается въ душѣ властвующихъ племенъ, и въ ней «добрые» принадлежатъ общинѣ, имѣющей «чувство общности»; затѣмъ она происходитъ въ душѣ преслѣдуемыхъ, лишенныхъ власти и, вслѣдствіе этого, недовѣрчивыхъ и мелочныхъ. Это раздѣленіе совершенно противоположно позднѣйшему противоположенію этихъ двухъ основныхъ типовъ нравственности. Здѣсь отсутствуетъ всякое враждебное отношеніе къ современной нравственности. Совершенно опредѣленно и въ полномъ

противорѣчіи съ своими позднѣйшими воззрѣніями Нитцше заявляетъ: «наша современная нравственность создалась на почвѣ *господства* отдѣльныхъ родовъ и кастъ». Готовность помогать и жалость также еще причислялись имъ къ морали «знатныхъ людей». Впослѣдствіи онъ хотя и сохранилъ представленіе о двойномъ происхожденіи нравственности, но его оцѣнка «теперешней нравственности» уже существенно измѣнилась. Наши нынѣшніе этическіе принципы онъ называетъ «моралью рабовъ, моралью возмездія, вытекающей изъ враждебнаго, злобнаго протеста и реакціи противъ оцѣнки аристократовъ, противъ морали аристократизма». Эта «мораль власть имѣющихъ» есть основная, единственно вѣрная этическая система, созданная положительными активными силами. Аристократія (говорится въ книгѣ «За предѣлами добра и зла») чувствуетъ *себя* законодательницей нравственнаго міра. «Она чувствуетъ въ возвышенныхъ гордыхъ состояніяхъ души то, что выдѣляетъ ее изъ толпы и опредѣляетъ рангъ». Аристократическая мораль или, что теперь означаетъ одно и то же, мораль аристократовъ, заключается въ самовозвеличеніи, даже въ самолюбованіи («мы знатные, мы добрые, мы прекрасные, мы счастливые!»). На первомъ планѣ этого опредѣленія стоитъ «чувство цѣльности, власти, которая стремится перейти черезъ край». Опредѣленіе «добра», какъ утверждаетъ Нитцше, «идетъ не отъ тѣхъ, которымъ оказано добро»; напротивъ, именно сами «добрые», т. е. знатные, могущественные, высоконравственные и высокіе по духу, считали *самихъ себя* и свои дѣйствія хорошими, первоклассными, въ противоположность всему низ-

менному, мелкому по мыслямъ, простому, плебейскому». Изъ этого «пафоса аристократизма и разграниченія», изъ этого «существующаго и господствующаго общаго и основного чувства высшей, господствующей расы въ ея отношеніи къ низшей, они почерпнули право создавать критеріи и давать имъ названія». Противоположностью ихъ понятія о «добрѣ» является такимъ образомъ простое отрицаніе, «возникшій позже отрицательный образъ, противоположный положительному, проникнутому насквозь жизнью понятію»,—«зло», въ смыслѣ низкаго происхожденія, пошлости и презрѣнности. «Аристократъ удаляетъ отъ себя существа, въ которыхъ проявляется противоположное его возвышеннымъ гордымъ состояніямъ; онъ ихъ *презираетъ*». Эти же «дурные» и презираемые имъ люди, наоборотъ, считаютъ «зломъ» его и его дѣйствія, отъ которыхъ они страдаютъ. Слово «зло» должно оставаться чуждымъ мысленному строю и словарю аристократа, такъ что ненависть низкопоставленныхъ и пошлыхъ не только создаетъ критеріи, какъ полагаетъ Нитцше, но создаетъ и слова. Себя самихъ и свои пассивныя безобидныя качества «дурные» называютъ «добрыми» и страннымъ образомъ употребляютъ опредѣленіе, которое по ихъ понятіямъ могло бы обозначать только злое, ненавистное и заслуживающее ненависть. Мы приходимъ такимъ образомъ къ сдѣланному Нитцше «открытію» скрещивающихся двойныхъ формулъ «доброе-дурное» и «доброе-злое», по которому «добрый» первой моральной системы становится «дурнымъ» во второй, и «добрый» второй морали — «злымъ» въ первой.

Кто повѣритъ Нитцше, что все необозримое богатство этическихъ критеріевъ, составившихся ходомъ всей исторіи, можетъ быть включено въ тѣсныя рамки формулированнаго имъ контраста «морали господъ и рабовъ», и что оно можетъ быть всецѣло охвачено этимъ двойнымъ понятіемъ! Кто захотѣлъ бы сдѣлать попытку объяснить по этой повсюду одинаковой отвлеченной схемѣ дѣйствительныя различія, градаціи, оттѣнки и переходы нравственныхъ чувствъ и сужденій, которыя встрѣчаются въ исторіи нравственности, какъ признаки природнаго состоянія и естественной обстановки народовъ, ихъ страданій, культурнаго положенія, формъ ихъ экономическаго быта. Схема Нитцше—не больше, какъ неправильное гегелевское историческое построеніе, результаты котораго ясны уже до изслѣдованія.

Нитцше воздвигаетъ свое построеніе на нетвердой почвѣ этимологіи. Онъ утверждаетъ на основаніи опыта, что повсюду «аристократичность» и «знатность» являются основными понятіями, изъ которыхъ необходимо развивается понятіе «добра» въ смыслѣ «духовной знатности», «благородства», «высоты духа», «утонченности души», это развитіе идетъ параллельно съ другимъ, которое ведетъ отъ «пошлаго», «плебейскаго», «низменнаго» къ понятію «зла». Это наблюденіе по существу не ново; Поль Рэ, который ранѣе Нитцше изложилъ его (въ книгѣ «Происхожденіе совѣсти»), могъ сослаться на П. Е. Мюллера, Грота, Велькера. Собственныя этимологическія изслѣдованія Нитцше—между прочимъ сопоставленіе латинскаго malus съ μελας (черный), что должно было быть указаніемъ на до-арійское темноволосое населеніе Италіи—не даютъ боль-

шого подтвержденія. Но если бы даже этимологическія доказательства и были вѣрны, то выводы, которые Нитцше изъ нихъ дѣлаетъ, вовсе не заключаютъ въ себѣ истины. Развѣ нѣтъ иныхъ критеріевъ, кромѣ нравственныхъ? И развѣ эстетическое преклоненіе и этическое одобреніе должны непремѣнно относиться къ однимъ и тѣмъ же качествамъ и свойствамъ? Если въ самомъ дѣлѣ въ началѣ цѣнились одни только внѣшнія, относящіяся къ внѣшнему виду качества: рожденіе и богатство, красота и физическая сила, то это происходило, конечно, потому, что только эти качества могли въ достаточной мѣрѣ возбудить преклоненіе. Съ этимъ могла и не быть связанной нравственная оцѣнка. Къ немногимъ твердо установленнымъ результатамъ исторической морали принадлежитъ скорѣе тотъ фактъ, что въ древнѣйшія времена и въ самыхъ первобытныхъ культурахъ предметомъ этическихъ сужденій была не самая личность и ея поступки, а исключительно общественныя послѣдствія извѣстныхъ поступковъ. Потому индивидуальной отвѣтственности еще и не существовало. Твердое убѣжденіе Нитцше въ томъ, что «очевидно этическіе критеріи повсюду примѣнялись сначала къ *людямъ*, а потомъ уже привели къ сужденію о *поступкахъ*»—исторически невѣрно. Этимъ разрушается фундаментъ его «Происхожденія нравственности». Нитцше впрочемъ самъ это хорошо знаетъ. Въ томъ же произведеніи («За предѣлами добра и зла»), гдѣ встрѣчается это мѣсто, высказывается и слѣдующее правильное сужденіе: «въ самый долгій періодъ исторіи человѣчества — его называютъ доисторическимъ періодомъ, — положительное или отрицательное значеніе какого-нибудь

дѣйствія выводилось изъ его послѣдствій; самое же дѣйствіе такъ же мало принималось при этомъ во вниманіе, какъ и его происхожденіе». Противорѣчія не безпокоили афористическаго мыслителя, если даже они встрѣчались въ одномъ и томъ же произведеніи.

Явленіе, которое называютъ типичнымъ, должно при одинаковыхъ обстоятельствахъ повторяться всегда одинаковымъ или подобнымъ образомъ. Но гдѣ можно найти у грековъ «мораль рабовъ» наряду съ ихъ «моралью господъ»? Нравственныя воззрѣнія грековъ извѣстны по изреченіямъ ихъ поэтовъ и мыслителей. Мы понимаемъ эти воззрѣнія и соглашаемся съ выраженнымъ въ нихъ нравственнымъ идеаломъ, не смотря на нашу предполагаемую привычку къ «рабской морали». Это значитъ, что мы внутренно соглашаемся съ основными мотивами и принципами греческой морали, поскольку эти мотивы и принципы относятся къ морали обще-человѣческой. И Нитцше не сумѣлъ подтвердить исторически свою теорію о противорѣчіи аристократической морали и морали возмездія; онъ не могъ прослѣдить этого противорѣчія въ исторіи. Онъ долженъ ограничить его и свести типичность на одинъ единственный случай, откававшись отъ признанія его типичнымъ.

Почему же гордый сигамбръ склонилъ свою выю? Почему «свѣтловолосые звѣри», «варвары», «господа» подчинились этикѣ своихъ рабовъ и позволили имъ «приручить» себя? Вѣроятно они чувствовали въ этой морали нѣчто родственное своему естественному аристократизму; духовное благородство въ добротѣ и великодушіи, величавость въ

господствѣ воли надъ инстинктами напоминали имъ черты ихъ собственной властной натуры. По существу Нитцше вполнѣ это допускаетъ. Въ отношеніи другъ къ другу его «господа» связаны, хотя и по совершенно инымъ причинамъ, формами и предписаніями «рабской морали»; они отказываютъ только низменнымъ и пошлымъ въ правахъ и привилегіяхъ, которыя признаютъ относительно другъ друга. «Какъ только аристократическая душа (сказано въ книгѣ «За предѣлами добра и зла») выяснитъ себѣ вопросъ о своемъ рангѣ, она обращается съ равными и равноправными съ тою же твердостью и нѣжнымъ почитаніемъ, какъ и сама съ собой. Она уважаетъ *себя* въ нихъ и въ правахъ, которыя признаетъ за ними; она не сомнѣвается, что обмѣнъ знаками почитанія и правами, какъ *сущность всѣхъ отношеній*, принадлежитъ также къ естественному положенію вещей».—Но если такова сущность *всѣхъ* отношеній, то она должна проявляться въ отношеніи ко *всякому* человѣку. И въ «Происхожденіи нравственности» говорится по отношенію къ прошлому этики: «тѣ же самые люди, которыхъ такъ сдерживаютъ обычаи, почитаніе, благодарность и еще болѣе — подглядываніе другъ за другомъ, взаимная ревность и подозрительность, и которые, съ другой стороны, въ отношеніяхъ другъ къ другу такъ изобрѣтательны въ самообладаніи, деликатности, вѣрности, гордости и дружбѣ, — тѣ же самые люди, въ отношеніи къ тому, что для нихъ чужое, не лучше отпущенныхъ на свободу дикихъ звѣрей. Они наслаждаются свободой отъ всякаго общественнаго гнета, они считаютъ себя въ пустынѣ обезпеченными отъ напряженія, которое приноситъ съ собой долгая жизнь взаперти и пріобщеніе къ общественности — они вновь обрѣтаютъ невинность хищныхъ звѣрей, какъ торжествующія чудовища». Въ чисто историческомъ отношеніи эти слова изображаютъ лишь дѣйствительное состояніе низкой культуры, но въ самомъ изображеніи чувствуется святотатственная дерзость и странная склонность къ тому, что возбуждаетъ ужасъ.

Нѣкогда на землѣ въ самомъ дѣлѣ существовала «двойственная нравственность», а у нѣкоторыхъ народовъ она и до сихъ поръ еще въ ходу. Но эта двойственность заключалась не въ двойныхъ противорѣчивыхъ нравственныхъ принципахъ, а въ противоположномъ отношеніи къ соплеменникамъ и къ чужимъ. Тотъ, кто не принадлежитъ къ данному племени— *будь онъ въ своей собственной общинѣ господинъ или рабъ*,— считается врагомъ, относительно котораго все дозволено; въ прежнее время онъ даже считался добычей, за которой охотились. И нравственность была первоначально привилегіей, преимуществомъ. Въ предѣлахъ *этой* двойной морали у Нитцше дѣйствуютъ «господа», «уединенные люди хищной породы» подобно тому, какъ въ нихъ же вплоть до нашихъ дней живутъ отдѣльныя дикія племена.

Въ «Происхожденіи нравственности» нельзя еще искать собственной морали Нитцше, и несправедливо приводить противъ него изреченія изъ этого произведенія, въ которомъ онъ хочетъ говорить исторически. «Видѣть страданія отрадно, причинять страданія еще отраднѣе»; «безъ жестокости не можетъ быть празднества»—такого рода изреченія относятся лишь къ древнѣйшей исторіи человѣчества, и къ нимъ

нужно примѣнять критеріи «минувшихъ временъ». Такъ Нитцше объяснилъ самъ./ Но и въ прежнемъ мірѣ не природная склонность къ жестокости, а жизненная необходимость заставляла человѣка первобытной культуры подавлять чувства любви и симпатіи въ отношеніи къ людямъ не своего племени; Нитцше, проникнутый любовью Руссо къ первобытности, не могъ этого понять. Въ порывахъ дикаго и необузданнаго властолюбія онъ видѣлъ только избытокъ нетронутой силы первобытной человѣческой натуры. Вообще онъ умѣлъ цѣнить во всякомъ поступкѣ только его величіе, силу, которая въ немъ проявляется, безъ мысли о цѣли и свойствахъ проявившейся силы. Онъ былъ согласенъ съ распространеннымъ во времена Возрожденія убѣжденіемъ, что величіе поступка, каковъ бы онъ ни былъ по существу, оправдываетъ его. Нитцше преклоняется передъ страшнымъ и хочетъ, чтобы человѣкъ былъ страшенъ. Человѣкъ долженъ стать выше, выше и сильнѣе. Нитцше восхваляетъ въ этомъ отношеніи войну. «Отвергая войну, мы отказываемся отъ великаго въ жизни».—«Вы утверждаете», говоритъ Заратустра, «что благая цѣль освящаетъ даже войну. Я же говорю, что только благо войны освящаетъ всякую цѣль.»—«При очень миролюбивыхъ обстоятельствахъ», говоритъ онъ въ книгѣ «За предѣлами добра и зла», «недостаетъ случая воспитать свое влеченіе къ строгости и твердости; и теперь всякая строгость, даже и справедливая, тревожитъ совѣсть; высокій и жестокій аристократизмъ и самоувѣренность почти оскорбляютъ и пробуждаютъ недовѣріе». Величіе человѣка, возбуждающее страхъ и преклоненіе,есть идеалъ Нитцше, его надежда, его страстное желаніе. Онъ съ воодушевленіемъ говоритъ въ «Происхожденіи нравственности»: «но отъ времени до времени дозвольте мнѣ бросить *одинъ* взглядъ на нѣчто совершенное, вполнѣ удавшееся, счастливое, могущественное, торжествующее, на возбуждающее чѣмъ нибудь страхъ! На человѣка, который служилъ бы оправданіемъ для человѣка, на освобождающаго и счастливо дополняющаго человѣчество человѣка, ради котораго можно было бы еще сохранить *вѣру въ человѣка*».

Изъ «твердѣйшаго камня», изъ качествъ человѣка, еще не ослабленныхъ культурой, еще не вывѣтрившихся въ ея мягкой атмосферѣ, Нитцше хочетъ изваять образъ болѣе сильнаго человѣка — героя будущихъ временъ. Но этотъ человѣкъ будущаго есть только высшая ступень развитія человѣка прошлаго, первобытнаго. Радикальнѣйшій мыслитель является въ тоже время и самымъ реакціоннымъ. Онъ перескакиваетъ въ исторіи черезъ два тысячелѣтія христіанской эры: это, по его убѣжденію, тысячелѣтія противоестественности и уродованія человѣка. Еще гораздо глубже вдаль, къ инстинкту ведетъ его это движеніе назадъ. «Все хорошее инстинктивно и, слѣдовательно, легко, необходимо, свободно». «Аристократы — люди инстинкта».

Вполнѣ односторонняя характеристика жизни, признающая въ людяхъ только инстинктивную склонность къ нападенію, оскорбленію, раздору, отрицающая чувства симпатіи и единенія, чрезмѣрное дѣленіе по рангамъ, пониманіе неравенства между людьми какъ природнаго антагонизма расъ и натуры,

невѣрное объясненіе антропологическаго факта—таковы основы и гипотезы «аристократической морали» Нитцше. Вершина ея—прославленіе власти какъ таковой, идолопоклонство передъ «властью для власти», а послѣднее слово этой морали—отождествленіе добра съ силой, зла со слабостью.—«Въ чемъ добро?—Во всемъ, что возвышаетъ чувство силы и власти и желаніе этой власти въ человѣкѣ. Въ чемъ зло? — Во всемъ, что исходитъ изъ слабости. Въ чемъ счастье? Въ чувствѣ того, что власть *растетъ*, что препятствіе преодолѣвается. *Не* довольства нужно искать, а больше власти: *не* мира, а войны, *не* добродѣтели, а дѣльности». Въ этихъ фразахъ «Антихриста» подведены итоги морали Нитцше. «Добродѣтель и власть — одно и то же» говорилъ уже Спиноза, понимая это, впрочемъ, въ другомъ смыслѣ. /

Стремленіе къ власти должно было стать новымъ созидательнымъ началомъ нравственности, гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ утилитарный принципъ, который, собственно говоря, вовсе не проникаетъ собою творческой энергіи дѣйствія, а останавливается на слѣдствіяхъ поступковъ; точно также стремленіе къ власти выше всѣхъ формъ морали чувства. Но въ этомъ принципѣ отсутствуетъ всякая внутренняя цѣль. Это—вѣчное стремленіе вверхъ, желаніе высшаго, самоподниманіе, одолѣваніе своего я, все сильнѣе разгорающееся стремленіе уходить отъ себя и выше себя. Все тоже однообразное требованіе власти, все больше власти. На скромный вопросъ: власти надъ чѣмъ? къ чему? отвѣта не дается. И Нитцше долженъ оставить насъ безъ отвѣта,—ибо его стремленіе къ власти есть только слѣпая воля, безъ

пониманія, безъ существеннаго единства. Если же, напротивъ того, воля человѣка, уже въ зародышѣ инстинктивной жизни, предназначена стать разумною, если она прежде всего заключаетъ въ себѣ желаніе разумности, и въ ней съ самаго начала коренится стремленіе къ все болѣе широкому, глубокому, проникнутому единствомъ самосознанію—если она есть стремленіе къ образованію личности, то этой самой формой она уже ставитъ себѣ цѣль. Главный элементъ и конечная цѣль нравственнаго міра есть личность—въ ней объединяются общее и индивидуальное. Личность поднимается жизнью для общихъ цѣлей, а жизнь въ разумѣ ведетъ къ выработкѣ личности. *Желаніе быть личностью*, а не желаніе власти составляетъ, такимъ образомъ, принципъ и норму нравственности.

Нитцше не признаетъ разума въ волѣ, потому что онъ не признаетъ разума вообще; онъ отрицаетъ цѣнность логики, цѣнность истины. И въ своей теоріи познанія, въ ученіи о значеніи познанія, онъ обнаруживаетъ зависимость отъ Шопенгауера, который низвелъ «Міръ какъ представленіе» къ обману, къ иллюзіи. «Истины—это тѣже иллюзіи, о которыхъ забыли, что онѣ таковы», писалъ Нитцше въ одномъ юношескомъ очеркѣ «О правдѣ и лжи внѣ нравственнаго смысла». Позже та же мысль возвращается въ маскѣ дарвинизма. «Интеллектъ въ продолженіе огромныхъ эпохъ производилъ одни только заблужденія; нѣкоторыя изъ нихъ оказывались полезными для сохраненія рода». Но если бы они были заблужденіями, какъ бы они служили сохраненію рода? Только когда наши представленія совпадаютъ съ положеніемъ вещей, тогда только наше

отношеніе къ вещамъ можетъ быть обусловлено нашими представленіями. Нитцше же полагаетъ, что тотъ, «кто медленно высчитываетъ и подводитъ итоги, имѣетъ гораздо меньшую вѣроятность существованія, чѣмъ тотъ, кто при всякомъ сходствѣ тотчасъ предполагаетъ равенство». Разсуждать, по его мнѣнію, значитъ не точно воспринимать, не замѣчать различій, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это есть отстраненіе различій. Логика должна основываться на предположеніяхъ, которымъ въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ, ибо нѣтъ никакихъ прочныхъ вещей, нѣтъ вещей одинаковыхъ, и вообще нѣтъ никакихъ вещей, никакой матеріи, никакихъ тѣлъ. Этимъ отрицается за логикой всякое право нормировки и остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ въ логикѣ создались невѣрныя, не отвѣчающія дѣйствительности предположенія. Впрочемъ, совершенно невѣрно, что понятію о субстанціи, какъ утверждаетъ Нитцше, «въ строгомъ смыслѣ слова ничего не отвѣчаетъ въ дѣйствительности»; ему отвѣчаетъ познаваемое опытнымъ путемъ *упорство* матеріи и энергіи. «Не логическія оцѣнки», говоритъ онъ въ предисловіи къ «Радостной наукѣ»,—«являются самыми основными и глубокими, а вѣра въ разумъ, какъ вѣра вообще, есть явленіе нравственнаго міра». Какъ вѣра—быть можетъ; но развѣ и какъ сознаніе необходимости, внутренней необходимости или очевидности логическихъ принциповъ? Тотъ, кто, подобно Нитцше, считаетъ иллюзію міра, въ которомъ намъ кажется, что мы живемъ, «самымъ вѣрнымъ и твердымъ», «чѣмъ еще можетъ владѣть нашъ взоръ», долженъ знать, что такое истина и слѣдовательно долженъ признать,

что истина существуетъ. Иначе какъ бы онъ могъ признать что либо *заблужденіемъ*, какъ могъ бы вообще составить себѣ понятіе о заблужденіи? «Истина есть мѣрило самой себя, какъ и мѣрило лжи», замѣтилъ уже Спиноза. Логика нужна даже для самого отрицанія логики, какъ ни невозможно это отрицаніе. Но только отрицаніе разума было бы въ самомъ дѣлѣ отрицаніемъ нравственности.

Не только художникъ, но и моралистъ есть несомнѣнно «геній сообщительный». Кто же повѣритъ, что этотъ геній можетъ только вѣчно бродить, взбираться на утесы и забираться въ ущелья, какъ Заратустра. Если бы онъ даже хотѣлъ, онъ не могъ бы не дать остальнымъ людямъ учавствовать въ своей духовной силѣ и величіи, не могъ бы не «пролить на другихъ благость своей натуры», говоря словами Гете. Пусть великая личность пользуется всѣмъ, что находится внѣ ея, для саморазвитія и самосовершенствованія; пусть общество и государство, пусть все остальное человѣчество служатъ ей органами для достиженія ея высшаго блага; но въ то время какъ она раскрываетъ богатство своего внутренняго міра, она сама становится органомъ общности, и какъ въ ней живетъ цѣлое, такъ и она сама живетъ для цѣлаго. Между благомъ высшихъ особей и благомъ общества нѣтъ того противорѣчія, которое предполагалъ Нитцше, и которое побуждало его говорить даже о противоположныхъ нравственностяхъ. Даже это выраженіе: «нравственности» вмѣсто единственно правильнаго: «формы *нравственности*» противорѣчивостью оборота, который мы чувствуемъ, указываетъ на ошибочность самого понятія. Личная и общественная этика мо-

гутъ казаться противорѣчивыми какъ понятія; но въ жизни каждаго истинно великаго человѣка этотъ отвлеченный контрастъ преодолѣвается.

Мораль Нитцше предназначена не для среднихъ людей, не для толпы, т. е. тѣхъ «которыхъ слишкомъ много». Она должна быть моралью духовнаго роста и обособленности, и ея законоположенія обязательны лишь для немногихъ исключительныхъ натуръ, для одинокихъ и отдѣленныхъ отъ толпы. «Во мнѣ законъ только для моихъ, а не для всѣхъ», говоритъ Заратустра. При оцѣнкѣ, а также и при осужденіи морали Нитцше нельзя оставлять безъ вниманія это ограниченіе его предписаній, обращенныхъ лишь къ тѣмъ, «которыхъ всего меньше». Это мораль для созидателей и носителей культуры будущаго, крутая тропа, ведущая къ этой культурѣ. Нитцше хочетъ въ школѣ «высокой и строгой культуры духа» создать «новую аристократію», «противницу всего плебейскаго и всего насильственнаго». На этихъ новыхъ аристократовъ онъ возлагаетъ свои высшія надежды; они должны стать сѣятелями и воспитателями будущаго; изъ нихъ, по его мечтамъ, долженъ былъ создаться въ будущемъ высшій человѣческій типъ — «*сверхъ-человѣкъ*». Они образуютъ «ту партію, которая беретъ въ свои руки высшую изъ всѣхъ задачъ,—*подъемъ* человѣчества; въ эту задачу включается и безпощадное уничтоженіе всего вырождающагося и паразитнаго». Какъ они это могутъ сдѣлать — объ этомъ ничего не говорится. Мораль Нитцше только потому такъ нечеловѣчна, такъ рѣзко и пренебрежительно противорѣчитъ морали «человѣчныхъ людей», что она стремится быть сверхъ-человѣчной.

6.

Въ сферѣ идей Нитцше ученіе о сверхъ-человѣкѣ занимаетъ мѣсто философіи религіи. Нитцше былъ религіозно настроенной натурой; въ немъ было чувство благоговѣнія, и даже его атеизмъ проникнутъ религіозной страстностью.

Атеизмъ Нитцше не имѣетъ ничего общаго съ безбожіемъ «самаго уродливаго человѣка», который является у него символомъ атеиста съ низкими побужденіями. Къ нему относятся слова Нитцше: «ты не *вынесъ* того, кто видѣлъ тебя, ты отомстилъ этому свидѣтелю!» Но зато у Нитцше есть близкое родство съ Фейербахомъ. Нитцше также разсматриваетъ эпоху религіи, какъ «подготовленіе и прелюдію для человѣчества», чтобы, какъ онъ выражается, «почувствовать голодъ и жажду себя и извлечь изъ себя сытость и полноту». Заимствованіе и переиначеніе основной мысли Фейербаховской антропологіи замѣтно въ слѣдующемъ сравненіи (въ «Радостной Наукѣ»): «быть можетъ, человѣкъ оттуда начнетъ подниматься все выше, откуда не можетъ быть изліянія въ Бога». «Останьтесь вѣрны землѣ, мои братья, силой своей добродѣтели», убѣждаетъ Заратустра, «не давайте ей подниматься надъ земнымъ и биться крылами о вѣчныя стѣны! О, какъ много было всегда заблуждавшейся въ своемъ полетѣ добродѣтели!» Нитцше вложилъ въ вопросъ о религіи серьезность и глубину чувства. Разрушеніе вѣры въ Бога кажется ему чѣмъ то страшнымъ, и онъ стремится восполнить пробѣлъ, который образуется такимъ образомъ въ духовной жизни людей. «Самое священное и мощ-

ное, что было въ мірѣ, истекло кровью подъ нашимъ ножемъ!» восклицаетъ онъ въ «Радостной Наукѣ». «Развѣ величіе этого дѣянія не слишкомъ велико для насъ? Не должны ли мы сами стать богами, чтобы быть достойными его? Въ «Человѣчномъ, слишкомъ человѣчномъ» тоже шла рѣчь объ «утѣшеніи», которое заключается въ представленіи объ «образующемся божествѣ», о божественности «самосозданія». Онъ искалъ замѣны исчезнувшей вѣры, и одно изъ его внутреннихъ событій, изъ «пережитыхъ идей», отмѣчавшихъ всегда критическіе моменты въ его мышленіи, дало этому исканію и стремленію къ новымъ вѣрованіямъ болѣе опредѣленную форму.

Въ великомъ уединеніи среди природы (въ Сильсъ-Маріи), «6000 футовъ надъ уровнемъ моря и еще выше надъ всѣмъ человѣческимъ», какъ похвалялся Нитцше), въ умѣ Нитцше блеснуло воспоминаніе объ одномъ изъ самыхъ странныхъ ученій древности, о пиѳагорейской теоріи *вѣчнаго повторенія* всего на свѣтѣ. И такъ сильно поразила его эта идея въ этотъ моментъ, что онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что она не болѣе какъ воспоминаніе. Онъ счелъ самого себя создателемъ этой теоріи, первымъ, кто «долженъ былъ преподать это ученіе». Онъ нѣкогда зналъ ея источникъ. Въ «Несвоевременныхъ разсужденіяхъ» противъ исторіи онъ самъ излагалъ идею пиѳагорейцевъ о томъ, что «при повтореніи одинаковаго положенія небесныхъ свѣтилъ на землѣ такъ же должно повториться по старому все до мельчайшихъ подробностей», — и шутилъ надъ этимъ почти такъ же, какъ въ древности шутилъ Эвдемъ, ученикъ Аристотеля. Астрономамъ, говорилъ онъ, придется тогда опять стать астрологами. Но теперь та же самая мысль потрясла, почти разбила его. Его признаніе жизни, его жизненная энергія подверглись сильнѣйшему испытанію «Incipit tragoedia—такъ гласитъ афоризмъ, (въ «Радостной наукѣ»), гдѣ впервые провозглашается «новое ученіе». И въ Заратустрѣ сильными волнами вибрируетъ возбужденіе, порожденное новымъ вѣрованіемъ. Заратустрѣ кажется, что его *сломаютъ* его собственныя слова: онъ «боленъ» своими мыслями, подобными пропастямъ, и тѣмъ, что онъ «протянулъ къ свѣту то, что было на самомъ днѣ»; онъ долженъ лѣчить свою душу новыми пѣснями, чтобы перенести свою великую судьбу, «которая еще не выпадала на долю ни одному человѣку».—«О, вѣчно возвращается человѣкъ! Маленькій человѣкъ вѣчно возвращается! И величайшій человѣкъ слишкомъ мелокъ! И вѣчно возвращается самое мелкое! Ахъ! Отвращеніе! отвращеніе!» Описаніе «вѣчнаго возвращенія» (въ «Радостной наукѣ») звучитъ словно описаніе призраковъ: «все невыразимо мелкое и все великое въ жизни должно возвратиться, и все въ томъ же порядкѣ,—и этотъ паукъ, и этотъ лунный свѣтъ среди деревьевъ, и этотъ моментъ, и я самъ; вѣчные песочные часы существованія вѣчно переворачиваются, а съ ними и ты, песчинка среди песчинокъ!» И Заратустра повторяетъ: «этотъ медлительный паукъ, ползущій въ лунномъ свѣтѣ, и самый этотъ лунный свѣтъ, и я, и ты, которые шепчемся въ воротахъ, шепчемся о чемъ то вѣчномъ—развѣ мы уже не были когда то?»— Это какъ бы новый родъ безсмертія, которое од-

нако ничего намъ не дало бы, котораго мы бы даже не замѣтили, потому что вѣчное повтореніе одинаковой жизни стало бы для насъ какъ разъ тѣмъ же самымъ, что и наша теперешняя, одинъ разъ переживаемая жизнь.

Доказать эту мысль, или хотя бы отчасти показать ея вѣроятность, невозможно. Вопросъ Нитцше: «Развѣ все въ мірѣ не такъ тѣсно сплочено, что каждый моментъ влечетъ за собой все грядущее—и даже самого себя?» содержитъ не доказательства, а обманчивое заключеніе. Если бы вообще существовалъ единый законъ развитія, направленное въ одну сторону общее движеніе и развитіе всѣхъ вещей.—что крайне сомнительно,—то по всѣмъ аналогіямъ, взятымъ изъ опыта, гораздо вѣроятнѣе предположить для этого развитія форму спирали, чѣмъ круга, повтореніе не одинаковаго, а похожаго, но на болѣе высокой ступени. Но и въ безконечномъ теченіи времени нѣтъ надобности повторяться слѣдованію и порядку вещей. Мечты о «великомъ годѣ созиданія» нужно оставить времени дѣтства науки. Но, даже и при невозможности доказательства, мысль о «вѣчномъ возвращеніи одного и того же», дѣлающая время вѣчностью, ужасна и величественна; *поэтому* она должна быть для Нитцше также истинной.

Чтобы не поддаться тяжести этой мысли, Нитцше нуждался въ утѣшеніи и противодѣйствіи представленія, которое возвышало бы его и дѣлало бы его счастливымъ. Подобно трагическому художнику въ своей прежней теоріи, онъ создавалъ себѣ міоъ, радостное видѣніе. Чтобы терпѣть человѣка, нужно видѣть въ немъ «*переходъ* къ чему то другому и, слѣдовательно,

гибель прежняго», нужно думать, что изъ него самого выйдетъ болѣе высокое существо. И эта «высшая надежда» такъ воодушевляетъ Нитцше, что онъ самъ теперь мечтаетъ о «брачномъ кольцѣ колецъ», о «кольцѣ вѣчныхъ возвращеній», какъ о «послѣднемъ подтвержденіи и запечатлѣніи» его желанія жизни.

Изъ этого настроенія выросла книга «*Такъ сказалъ Заратустра*»—«книга для всѣхъ и ни для кого». Нитцше называлъ ее «лучшимъ» изъ всего, что онъ написалъ. Этой книгой онъ «далъ человѣчеству самую глубокую книгу, которой оно обладаетъ»!— Таковъ его собственный приговоръ своему произведенію. Первыя части написаны въ вихрѣ и бурѣ мыслей и образовъ; каждая часть—«созданіе десяти дней», каждая фраза какъ бы «воззваніе». Впослѣдствіи вся книга должна была ему самому казаться откровеніемъ. Никто, кого «каждое его слово не ранило когда-нибудь глубоко и не доставило когда-нибудь великаго восторга» не имѣетъ «права» на то, чтобы благоговѣйно пріобщиться святой стихіи, въ которой родилась «книга, ея солнечное сіяніе, ея дали, широты и несомнѣнности». Заратустра — «анти-библія» Нитцше. Слова змѣя «будите яко бози» могли бы служить для него эпиграфомъ.

«Вѣчнымъ возвращеніемъ» является для Нитцше «мысль о Заратустрѣ», о «сверхъ-человѣкѣ», о возвѣщеніи и видѣніи Заратустры. Нитцше утверждаетъ, что слово сверхъ-человѣкъ онъ нашелъ по дорогѣ. Если «дорога» обозначаетъ здѣсь творенія Гете, то онъ, конечно, могъ прочесть тамъ это слово. Гете употребляетъ его дважды въ «Фаустѣ» и потомъ въ поэтическомъ «посвященіи» (Zueignung)

къ своимъ стихамъ. Именно это второе мѣсто, если бы Нитцше его вспомнилъ, могло бы особенно навести его на раздумье:

«Едва ты становишься господиномъ своей первой дѣтской воли, какъ ты уже кажешься себѣ *сверхъ-человѣкомъ*, и уже пренебрегаешь обязанностями человѣка. *Многимъ ли ты отличенъ отъ другихъ? Познай себя и живи въ мирѣ съ людьми!*» Такъ говоритъ *Истина поэту*.

Что же обозначаетъ «сверхъ-человѣкъ» у Нитцше? Только платоновскую идею о человѣкѣ, въ которой человѣкъ участвуетъ, не будучи однако ею. Если вѣрить Заратустрѣ, то сверхъ-человѣкъ есть «смыслъ земного существованія», конечная цѣль человѣчества, высшее существо, которое произойдетъ отъ человѣка и будетъ имъ создано; вѣра въ это существо должна замѣнить вѣру въ Бога. Заратустра видитъ въ сверхъ-человѣкѣ новую, исходящую изъ человѣка расу, которую можно произвести культурнымъ путемъ, «высшую породу людей», какъ онъ выражается въ «Происхожденіи нравственности». «Всѣ существа, бывшія до сихъ поръ, создавали нѣчто высшее себя», говоритъ Заратустра. «Человѣкъ—нить, протянутая между звѣремъ и сверхъ-человѣкомъ». «Нашъ путь ведетъ вверхъ, отъ существующей расы къ *превышающей* ее». Но, говоритъ Нитцше, «поэты лгутъ слишкомъ много, а Заратустра также поэтъ». Если Нитцше въ самомъ дѣлѣ, какъ это кажется, нѣкоторое время носился съ мыслью о выработкѣ новой породы людей, то это доказываетъ, что онъ совсѣмъ не понялъ Дарвина. Переходъ отъ одного животнаго вида къ другому требуетъ столь громадныхъ промежутковъ времени, что задача создать

путемъ воспитанія изъ человѣка видъ сверхъ-человѣческій, не имѣетъ никакого осязательнаго смысла.

Окончательное мнѣніе Нитцше мы узнаемъ однако только изъ «Антихриста». Здѣсь уже нѣтъ болѣе рѣчи о «высшей породѣ».—«Не въ томъ, что должно смѣнить человѣка въ цѣпи существъ, заключается основной вопросъ; человѣкъ—нѣчто *окончательное*», и понятіе о сверхъ-человѣкѣ имѣетъ поэтому лишь относительное значеніе; оно означаетъ «нѣчто, представляющее *въ отношеніи* ко всему человѣчеству своего рода сверхъ-человѣка». Такого рода отдѣльныя личности, — «счастливые, особенно удачные экземпляры человѣческаго рода-были всегда возможны и, можетъ быть (!), всегда будутъ возможны. И даже цѣлыя поколѣнія, племена, народы могутъ иногда представлять такія *удачи*». Оказывается такимъ образомъ, что сверхъ-человѣкъ былъ уже представленъ въ исторіи до сихъ поръ множество разъ. Заратустра утверждаетъ однако противоположное: «*никогда* еще не было сверхъ-человѣка»; но Заратустра очевидно говорилъ опять какъ «поэтъ». Одного только Нитцше тщетно ищетъ въ типѣ сверхъ-человѣка, какъ онъ проявлялся въ исторіи до сихъ поръ: хотя этотъ «болѣе цѣнный по своему значенію типъ достаточно часто проявлялся въ исторіи», но онъ всегда былъ «счастливой случайностью и никогда не являлся продуктомъ намѣреннаго созиданія». Это снова приводитъ насъ къ «*производству высшей человѣческой породы*»,—юношеской мечтѣ Нитцше. Мы вѣдь знаемъ, что «всѣ его идеи рано начали развиваться, хотя и поздно отражались въ его произведеніяхъ», и хотя, прибавимъ, ихъ проявленію каждый разъ предшествовалъ кри-

зисъ, «преодолѣваніе» чего то. Но для того, чтобы «производство высшихъ натуръ» стало возможнымъ, нужно, чтобы пріобрѣтенныя качества въ будущемъ несомнѣнно передавались по наслѣдству, чтобы геній прежде всего сталъ наслѣдственнымъ и естественный ходъ вещей измѣнился въ этомъ отношеніи.

«Производство высшей породы человѣчества» не можетъ также быть достигнуто «безпощаднымъ истребленіемъ всего вырождающагося и паразитнаго», т. е. отрицательнымъ путемъ—если бы даже такое истребленіе было во власти какого либо человѣка. Расы, жившія въ чистотѣ, также вырождаются и тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ обособленнѣе онѣ были, чѣмъ болѣе онѣ были ограничены развитіемъ только внутри самихъ себя. «Экзогамія» (брачныя единенія съ другими племенами) оказывалась біологически полезною съ древнѣйшихъ временъ.

Послѣдней законченной Нитцше книгой является «Антихристъ» — и объ этомъ можно пожалѣть. Въ этой книгѣ говоритъ не «свободомыслящій», не аристократическій мыслитель. Въ ней слышенъ громкій голосъ возмущенія—а «никто такъ не лжетъ, какъ тотъ, кто возмущенъ», сказалъ самъ же Нитцше. Книга Нитцше—книга оскорбительная, часто впадающая въ шутовство; она пользуется въ сужденіяхъ неправильными критеріями и ставитъ въ упрекъ христіанству пренебреженіе такихъ добродѣтелей, какъ «чувство солидарности, благодарность, стремленіе къ общему благу», между тѣмъ какъ Нитцше самъ не признаетъ этихъ добродѣтелей и «переоцѣниваетъ» ихъ. Книга эта наконецъ и прежде всего исторически невѣрна.

Традиціонную исторію израильскаго народа Нитцше называетъ сознательнымъ искаженіемъ со стороны духовенства, намѣренной выдумкой священниковъ; эти обвиненія переносятъ насъ въ эпоху Вольтера. Говоря о личности Христа и о «психологіи Евангелія», Нитцше выдумалъ «типъ искупителя», явно противорѣчащій традиціонной передачѣ событій. Но вмѣсто того, чтобы признать вслѣдствіе этого ложность своего образа, онъ говоритъ о лживости традиціонной передачи. Къ «житіямъ святыхъ», будто бы, не примѣняются научные методы—этимъ замѣчаніемъ онъ беззаботно переступаетъ черезъ все исторически-критическое изученіе Евангелія и слѣдуетъ своимъ апріористическимъ предположеніямъ. «Ребячество, вернувшее къ духовности (онъ объясняетъ это «физіологически»), инстинктивная ненависть къ реальному, инстинктивное избѣганіе всякаго отвращенія, всякой враждебности, всѣхъ предѣловъ и разстояній въ чувствѣ», какъ результатовъ крайней «воспріимчивости къ страданіямъ»—таковы для него физіологическія реальности, изъ которыхъ вышло «ученіе объ искупленіи». Онъ не признаетъ экономическихъ причинъ паденія античной, римской цивилизаціи (каковы, въ особенности, прекращеніе завоевательныхъ войнъ и тѣмъ самымъ ввоза рабовъ); разложеніе римской Имперіи, этого «созданія aere perennius», онъ объясняетъ своего рода подпольнымъ заговоромъ, «христіанскимъ динамитомъ».

Нитцше пользуется всѣми красками своей палитры и всѣми тонами своей мощной рѣчи, чтобы изобразить «демонически - божественное, таинственно-парадоксальное зрѣлище, которое возбудило бы

у боговъ Олимпа безсмертный хохотъ,—зрѣлище *Цезаря Борджіа въ санѣ папы*. Это уничтожило христіанство! Что же случилось? Нѣмецкій монахъ, Лютеръ, пріѣхалъ въ Римъ. Монахъ этотъ, полный мстительными инстинктами неудавшагося священника, возмутился въ Римѣ *противъ* Возрожденія. На папскомъ престолѣ торжествовало не христіанство, а жизнь, пользующаяся всѣмъ прекраснымъ и запретнымъ въ мірѣ! Тогда Лютеръ *возстановилъ наново церковь* своими нападками на нее... Возрожденіе оказалось событіемъ, лишеннымъ смысла, *напраснымъ* порывомъ духа!»

Въ этомъ парадномъ и патетическомъ краснорѣчіи все невѣрно. Объяснять ли слова Нитцше исторически или искать въ нихъ символическаго смысла,— въ обоихъ случаяхъ онъ окажется въ жестокомъ заблужденіи. Цезарь Борджіа никогда не былъ папой, и прошло уже четыре года послѣ его смерти (онъ оставилъ Италію и палъ въ битвѣ, сражаясь за своего шурина), когда Лютеръ пріѣхалъ въ Римъ, и десять лѣтъ, когда Лютеръ поднялъ возмущеніе, и то не въ Римѣ противъ Возрожденія, а въ Виттенбергѣ противъ злоупотребленій церкви. Цезарь Борджіа къ тому же не можетъ считаться истиннымъ представителемъ Возрожденія. «Герцогъ Валентино», говорила о немъ Изабелла Эсте, «не особенно интересуется древностью, т. е. гуманизмомъ и его цѣлями». Цезарь былъ по отцу испанскаго происхожденія, но весь онъ по характеру своему близокъ къ другимъ своимъ предкамъ, средневѣковымъ деспотамъ, такимъ же, каковы были предки Эццелино Романо, рода Корреджи и неаполитанца Приньяни (извѣстнаго какъ папа Урбанъ VI). Жаль—

повторяемъ еще разъ— что «Антихристъ» послѣднее, законченное произведеніе Нитцше.

«Лишь тотъ, кто измѣняется, остается мнѣ роднымъ». Развитіе Нитцше, столь богатое измѣненіями и переходами, не дошло до конца; оно круто и преждевременно оборвалось. Кто знаетъ, черезъ какія колебанія должна была бы еще пройти горсть его вѣрныхъ послѣдователей, если бы ему было суждено достигнуть старости и мудрости, — этой двойной вершины жизни. За «Антихристомъ» могъ еще послѣдовать только поворотъ пути, возвращеніе назадъ. Можетъ быть, оправдались бы на самомъ Нитцше его слова: «кто хорошо преслѣдуетъ, умѣетъ и слѣдовать, привыкнувъ идти вслѣдъ». Или же онъ вступилъ бы на путь, по которому до него шелъ въ нѣмецкой философіи идеализмъ воли и автономнаго разума. Только случайно онъ познакомился съ Шопенгауеромъ раньше, чѣмъ съ Кантомъ или Фихте. А въ абсолютистской натурѣ Фихте онъ нашелъ бы даже нѣчто родственное своей собственной натурѣ.

Никто не изберетъ въ путеводители того, кто всегда «становился инымъ, всегда былъ чуждъ себѣ» и всегда «спасался отъ себя». Нитцше мѣшало стать духовнымъ вождемъ не отсутствіе «системы», а отсутствіе твердаго обоснованія мыслей. Слѣдуетъ ли думать, что одна только воля имѣетъ созидательную силу, и что «міръ, разсматриваемый извнутри, есть только воля, направленная къ власти—и больше ничего», или же роковое заблужденіе кроется въ пред-

положеніи, что воля есть нѣчто *активное*, между тѣмъ какъ мы теперь «знаемъ, что она только слово.» Въ томъ же произведеніи, которое должно было называться «Воля къ власти», у человѣка отнимается воля въ томъ смыслѣ, что въ ней не предполагается внутренней власти; воля не дѣйствуетъ, не *двигаетъ* всего; она только «сопровождаетъ событія, и ея можетъ и не быть». Есть ли аскетическій идеалъ «инстинктивная самооборона вырождающейся (слѣдовательно ослабленной) жизни?» или же аскетизмъ является, природой, потребностью и инстинктивнымъ стремленіемъ самаго развитого, т. е. духовно *сильнѣйшаго* человѣка»? И то, и другое входитъ въ ученіе Нитцше. Было ли Возрожденіе, какъ всякая великая эпоха, закончено въ самомъ себѣ, или же Лютеръ положилъ ему конецъ? Если преступникъ долженъ быть «декадентомъ», то какъ же онъ можетъ въ то же время быть «типомъ сильнаго человѣка въ неблагопріятныхъ условіяхъ?» Оба объясненія мирно покоятся подъ обложкой одной и той же книги. И если, въ самомъ дѣлѣ, логика есть не что иное, какъ «толкованіе существующаго доводами разсудка — даже для идіотовъ», то какъ же можетъ Нитцше послѣ этого объясненія упрекать и жаловаться на то, что даже въ университетахъ логика начинаетъ вымирать какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Нитцше обладалъ въ необычайной степени способностью видѣть все не такъ, какъ оно представляется въ свѣтѣ традиціонныхъ и условныхъ понятій, и находить новыя, противоположныя стороны явленій; но умѣнья примирять спорные взгляды и доводить противорѣчія до высшаго единства у него не было: синтетическій талантъ философа не былъ данъ ему.

Духовный вождь своего времени долженъ понимать свое время; онъ долженъ разумѣть настоящее, только тогда онъ можетъ стать вѣщателемъ будущаго. Нитцше слишкомъ низко цѣнилъ жизненную силу христіанства и его способность къ возрожденію. Соціальный вопросъ, самый существенный въ настоящее время и наиболѣе важный для будущаго, Нитцше разсматриваетъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ созданіе «глупости и вырожденія инстинктовъ». «О нѣкоторыхъ вещахъ *не нужно спрашивать*», — вотъ все, что онъ находитъ сказать объ этомъ, какъ будто бы этотъ вопросъ поднятъ только злымъ умысломъ, а не возникъ изъ экономическихъ причинъ, и не можетъ быть уничтоженъ никакимъ великимъ словомъ Нитцше, никакимъ изреченіемъ Заратустры.

Описаніемъ жизни и характера своего брата г-жа Ферстеръ-Нитцше воздвигла памятникъ родственной привязанности. И кто не согласится съ тѣмъ, что, какъ бы ни были проницательны ненависть и отвращеніе, любовь все-таки видитъ глубже. Она стремится понять самую сущность, а тѣ останавливаются только на внѣшнихъ противорѣчіяхъ. Но противорѣчія составляютъ часть души Нитцше. Его называютъ «многозвучнымъ» и удивляются многосторонности или, вѣрнѣе, «*многострунности*» его ума; но въ немъ отсутствуетъ объединенный аккордъ звуковъ. Величіе отличается простотой; въ немъ есть прежде всего единство, а Нитцше — натура двойственная. Онъ былъ склоненъ къ преклоненіямъ и въ то же время обладалъ острымъ, холоднымъ критическимъ умомъ. И такъ какъ онъ всегда доводилъ свое поклоненіе до безпредѣльности, то ему всегда

приходилось «святотатственнымъ ударомъ» разбивать божественный образъ, которому онъ прежде поклонялся. Гдѣ нечему было поклоняться, тамъ онъ самъ создавалъ себѣ предметъ для поклоненія: онъ выдумалъ «свободомыслящаго», создалъ образъ «сверхъ-человѣка». Несомнѣнно, что онъ впослѣдствіи разрушилъ бы и этотъ кумиръ. При своей крайне воспріимчивой натурѣ, онъ поддавался, хотя бы поверхностно, вліянію всѣхъ теченій, всякаго настроенія, охватывавшаго общество; всѣ они находятъ отзвукъ въ его бурной душѣ. Его отрицательно-критическій умъ не позволялъ ему однако ни на чемъ останавливаться и гналъ его отъ одного міровоззрѣнія къ другому. Каждое теченіе мысли, которому онъ слѣдовалъ, онъ проходилъ до конца и даже шелъ далѣе конца. Онъ преувеличиваетъ всякую привязанность, всякую дружбу, всякое поклоненіе до того, что чрезмѣрность ихъ начинаетъ внушать ему отвращеніе, и онъ самъ становится своимъ ожесточеннымъ противникомъ. Такимъ образомъ, онъ—натура саморазрушающаяся по существу. Подобно развалинамъ великаго духа, въ которомъ не достаетъ душевнаго равновѣсія, предъ нами лежатъ разрозненные обломки его произведеній или, вѣрнѣе, его произведенія въ обломкахъ.

Гете видѣлъ во всякой геніальной натурѣ нѣчто «демоническое». Онъ зналъ, что есть нѣчто зловѣщее въ такой натурѣ, страдающей отъ внутреннихъ противорѣчій. Но Гете, великій воспитательный духъ, создаватель и завершитель самого себя, воспиталъ и освободилъ въ себѣ также и геній. Нитцше же былъ порабощенъ своимъ геніемъ. И въ этомъ Нитцше похожъ на Руссо; какъ и Руссо, онъ во-

площаетъ въ себѣ и въ своей судьбѣ трагическую участь генія.

Нитцше обогатилъ выразительность нѣмецкаго языка и литературы нѣсколькими мастерскими произведеніями афористическаго жанра. Онъ создалъ въ «Заратустрѣ» своеобразную символическую поэму, въ которой все лично пережитое имъ въ мысляхъ, всѣ его опыты въ области любви и вражды подняты до общихъ, типическихъ явленій. Онъ поднялъ вопросы, которые еще будутъ занимать философію культуры и нравственности. Но дорога, указанная къ ихъ разрѣшенію, застроена. Генія нельзя возростить, потому что онъ не передается по наслѣдству. Всегда будутъ выходить изъ толпы «великія личности», «творцы», но какъ бы далеко ни простиралось ихъ духовное вліяніе—а оно простирается до безконечности, потому что оно остается живымъ и движется все далѣе, — въ біологическомъ отношеніи великій человѣкъ кончается въ самомъ себѣ. Онъ есть конечный пунктъ развитія, къ которому ведетъ длинный подготовительный путь и долгое накопленіе силъ.

Единственный путь къ возвышенію человѣческаго типа заключается въ томъ, чтобы поднять уровень людей, толпы. Чѣмъ выше поднимается постаментъ, тѣмъ выше становится воздвигнутая на немъ колонна. Но и наиболѣе высоко стоящая личность все-таки остается человѣкомъ. Она не станетъ мнить себя «сверхъ-человѣкомъ», и чѣмъ она выше, тѣмъ менѣе ея высокомѣріе. Съ величіемъ духа возрастаетъ и высота цѣлей, и чувство несоотвѣтствія между достигнутымъ и предметомъ стремленій. Сверхъ-

человѣкъ не можетъ быть цѣлью человѣка; ибо чѣмъ стала бы тогда цѣль сверхъ-человѣка?

Всегда человѣкъ будетъ вѣрить въ сверхъ-человѣчное, будетъ-ли онъ это называть божествомъ или идеаломъ. Не имѣя идеала его превышающаго, человѣкъ не можетъ твердо стоять въ духовномъ отношеніи. Это сверхъ-человѣческое, идеальное есть міръ духовныхъ критеріевъ: и высочайшій изъ людей имѣетъ его надъ собой такъ же, какъ носитъ его внутри себя. Но эти критеріи, опредѣляющіе поступки людей и воодушевляющіе ихъ, нѣтъ надобности вновь изобрѣтать или перечеканивать, подвергая ихъ переоцѣнкѣ. Они открываются сами, и какъ звѣзды небесныя выступаютъ постепенно въ кругозорѣ людей, слѣдуя развитію культуры.

Это не *старыя* цѣнности и не *новыя*, это цѣнности постоянныя.

Главнѣйшія опечатки:

Напечатано:				Слѣдуетъ читать:
13 стр.—13	строка	сверху	«Гибели кумировъ»	«Сумерки кумировъ»
23 » —12	»	»	«Гибели кумировъ»	«Сумерки кумировъ»
33 » —11	»	снизу	«Внѣ добра и зла»	«За предѣлами добра и зла»
110 » — 6	»	сверху	въ «Веселой наукѣ»	въ «Радостной наукѣ»

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ЖУРНАЛА

„ОБРАЗОВАНІЕ“

С.-Петербургъ, Басковъ пер. 13.

ВЫСЫЛАЕТЪ ВСѢ КНИГИ, ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

ИЗДАНІЯ [illegible] И ЖУ[illegible]

„ОБРАЗОВАНІЕ“.

1. **Счастье** Популярные очерки по нравственной философіи проф. *К. Гильти*. Перев. съ нѣмец. *Александра* [illegible]*огорскаго*. *4-е изданіе*. Цѣна 50 к.

2. **Что такое нравственность?** Проф. *Т. Циллера*. [illegible]. съ нѣмец. *Александра Острогорскаго*. *2-е изданіе*. Цѣна 50 к.

3. **Воображеніе и память**. *Ф. Кейра*. Пер. съ франц. *Е. Максимовой*. *2-е изданіе*. Цѣна 40 к.

4. **Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ**. *Е. Странноолюбской*. Цѣна 30 к.

5. **Аффективная память**. *Т. Рибо*. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. Цѣна 25 к.

6. **Этика и политическая экономія** Проф. *Ф. Іодль*. Переводъ съ нѣмецкаго *Александра Острогорскаго*. *2-е изд.* Цѣна 20 к.

7. **Внушеніе и воспитаніе**. *Ф. Тома*. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. Цѣна 40 к.

8. **Объ утомленіи глаза**. Д-ра медицины *Р. Кана*. *2-е изданіе*. Съ 2 рис. въ текстѣ. Цѣна 20 к.

9. **Исторія первобытнаго человѣчества**. *М. Гарнеса*. Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣч. *Н. Березина*, съ 45 рис. Цѣна 50 к.

10. **Исторія человѣческой культуры**. *І. Гонегера*. Пер. съ нѣмецкаго *М. Чепинской*. Цѣна 60 к.

11. **Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе**. Проф. *Г. Геффдинга*. Перев. съ нѣмецкаго. *М. Эльциной*. Цѣна 20 к. (съ портрет.).

12. **Очерки по философіи математики**. *Ш. Фрейсине*. Перев. съ французск. *В. Обреимова*. Цѣна 60 к.

13. **Этюды по философіи наукъ**. *А. Лаланда*. Пер. съ французскаго *2-е изданіе*. Цѣна 75 к.

14. **Мозгъ и душа**. Проф. *Флексига*. Перев. съ нѣмец. съ табл. въ 7 красокъ. Цѣна 40 к.

15. **Гуманность въ исторіи человѣчества**. *В. Штанберга*. Перев. съ нѣмец. *Н. Леонтьевой*. Цѣна 80 к.

16. **Исторія политическихъ ученій**. Проф. *Ф. Полака*. Перев. съ англ. *А. М. Гердъ*. Цѣна 50 коп.

17. **Денежное обращеніе и его общественное значеніе**. *М. Шиппеля*. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей и съ предисл. *П. Струве*. Цѣна 50 к.

18. **О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ**. *Томаса Гексли*. Перев. съ англ.. съ біограф. очерк., *Н. Березина*. портр. и 13 рис. Цѣна 60 к.

19. **Исторія французской литературы. XIX вѣкъ**. Проф. *Г. Лансона*. Перев. съ франц. подъ редакц. *П. О. Морозова*. Цѣна 1 р.

20. **Статистика и наука объ обществѣ**. *Н. Рейсснера*. Перев. съ нѣмец. *А. Струве*. Цѣна 50 к.

21. **Критика новѣйшихъ системъ морали**. *Альфреда Фуллье* перев. съ франц. *О. Конради и Е. Максимовой*. Цѣна 2 р.

22. **Очеркъ исторіи искусствъ**. *М. Брекера* съ 46 рис. перев. съ нѣмец. *Н. Лемана*. Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи (С.-Петербургъ Басковъ пер. [illegible] за пересылку не платятъ.